

ШАРЛЬ ФОССЕ

АССИРИЙСКАЯ МАГИЯ

I

Книга, которую вы держите сейчас в руках, является одним из лучших в мировой науке описаний вавилоно-ассирийской магии — предмета сложного и до сих пор изученного крайне недостаточно. На Западе выходили и выходят сотни статей по различным аспектам магических текстов, пишутся диссертации по сериям заговоров, талисманам и иконографическим аспектам магии, но обобщающего исследования всей проблемы в концептуальном плане нет до сих пор. В России никогда не выходили книги по вавилоно-ассирийской магии, а те несколько статей, в которых изучались тексты заклинаний «Шурпу», посвящены проблемам этики в социальной истории древней Месопотамии. За всю историю науки ассириологии можно назвать около десятка добротных популярных очерков магии, вышедших преимущественно во Франции и Англии. В результате получается печальная картина: ученые не спешат осмыслять и обобщать изданные материалы, а популярные очерки пишутся людьми, весьма далекими от науки. Мы часто покупаем и читаем книги, в которых упоминаются крылатые ассирийские демоны, загадочные чудища-шеду, цитируются отрывки из заговоров, — но все это вперемешку с египетскими сфинксами, пирамидами майя, печатями Хараппы, так что в этой лихорадке фактов не складывается никакого представления о том, чем, к примеру, сфинксы отличаются от шеду. Напротив, после чтения множества таких книг и книжек возникает ощущение чего-то неприятного, низко-окультурного, глупого и примитивного, и все народы мира со своими колдунами и демонами кажутся на одно лицо.

Книга, предлагаемая вашему вниманию, отличается от этого безликого сонма полунаучных-полуокультурных изданий сочетанием лучших черт научности в подходе и художественности в изложении. Она написана строго и логично, все ее концепции фактически и методологически обоснованы, в каждой ее главе цитируются тексты, переведенные самим автором с аккадского и шумерского языков, а в конце глав дается обширнейшая для своего времени библиография. Однако читается она легко и с интересом, а выводы, сделанные автором, могут быть проверены читателем на обширном материале Приложения, в котором приведены наиболее частотные для вавилоно-ассирийской культуры заговорные формулы.

Когда издательство «Евразия» предложило мне отредактировать книгу по ассириологии, вышедшую в 1902 году, да еще по такому предмету, как магия, я, признаться, не был уверен в своем положительном ответе. В нашей науке устаревают даже монографии, вышедшие пятнадцать-двадцать лет назад: меняется чтение клинописных знаков, уточняются исторические факты, неизбежно обновляется библиография — и трудоемкой прежней работы как будто не существовало. Конечно, все ученые упоминают в своих новых работах классические, хотя и устаревшие труды предшественников. Упоминают, но редко цитируют, предпочитая новейшие исследования и издания. Что же должно остаться от работы, вышедшей почти столетие назад, в эпоху первых детских шагов ассириологии, когда не было ни больших словарей, ни грамматик? Вероятно, две-три удачные гипотезы, не более. И каково же было мое удивление, когда после прочтения старой книги малоизвестного французского ассириолога стало ясно, что концептуально книга ничуть не устарела, что в правке нуждается только транслитерация клинописных знаков, но никак не идейная сторона и не метод, и что более ясного, сжатого и точного изложения аспектов вавилонской магии не было во все последующие годы!

Когда книга так хороша, прежде всего хочется узнать побольше о ее авторе. Вот тут-то меня поджидало большое разочарование: ни в одной из национальных энциклопедий Франции, Англии, Германии не удалось найти ни строчки об этом человеке, и даже правильное произношение его фамилии до последнего времени было для меня загадкой. С.

Fossey — так написано на титульном листе единственного парижского издания книги. Клод Фоссей? Клэр Фосси? Неясно, и где искать правильный ответ — не знаешь. Выручил третий том немецкого справочника *Reallexikon der Assyriologie*, в котором удалось найти короткую справку. Оказывается, автора нашей книги звали Шарль Фоссе (1869-1946), родился он в городке Камбре, а умер в Монте-Карло. Фоссе был учеником великого Юлиуса Опперта, одного из первых дешифровщиков клинописи и основателя шумерологии (именно он и назвал неизвестный **несемитский** народ Южного Двуречья шумерами). Карьера Фоссе была нелегкой, потому что по окончании кафедры Ю. Опперта места в родной стране он не получил. Сперва он работал преподавателем аккадского языка и клинописи в Афинах, потом был приглашен в Каирский университет, через некоторое время вернулся во Францию, где получил должность преподавателя клинописи в парижской *Ecole des Hautes Etudes*. Только после смерти своего учителя в 1906 г. Ш. Фоссе назначается сперва профессором, а затем и заведующим отделением в этом высшем учебном заведении и занимает этот пост в течение 40 лет. Научная жизнь профессора Фоссе была интересной и разнообразной. Во время раскопок в Эль-Хадре Фоссе обнаружил копию одной из надписей ассирийского царя Синаххериба (т. н. «надпись из Бавиана»), что и сделало его имя известным в научных кругах. Он также принимал участие в персидской археологической экспедиции, где тоже нашел немало выдающегося. Фоссе писал словари, справочники, научно-популярные книги, издавал ассирийские и вавилонские тексты... Но после его смерти вышли два коротких некролога, после чего имя замечательного ученого и профессора Шарля Фоссе стало порастать травой забвения^а. (^а Основные публикации профессора Ш. Фоссе: *La Magie assyrienne* (These) (Biblioth. de l'Ec. des Hautes Et. Sect, des Sc. relig. Vol. XV), Paris, 1902; *Manuel d'Assyriologie* III, Paris, 1904-1926; *Textes assyriens et babylon. relatifs a divination*, Paris, 1905; *Contribution au Dictionnaire Sumerien-Assyrien*, Paris, 1905-1907; *Presages tires des naissances* (Babyloniaca V), Paris, 1912 bis 1914; *Deux principes de la divination Assyro-Babylonienne, d'apres le Traite SUMMA IZBU* (Ec. prat, des Hautes Etudes. Sect, des Sc. relig., Annuaire 1921-1922). *Notices sur les caracteres etrangers anciens et modernes — par un groupe de savants, reunies par Ch. Fossey*, Paris, 1927. Некрологи: R. Labat, Charles Fossey, RA XL, 3-4, 1945-1946; J. Nougayrol Charles Fossey (Ec. prat, des Hautes Etudes, Sect, des Sc. reli-gieuses, Annuaire 1947-1948). За многие сведения о научной деятельности Фоссе благодарю профессора Венского университета Гехарда Зельца (который, кстати, весьма сожалеет об отсутствии в библиотеке его университета книги Фоссе по ассирийской магии).

Немногие из моих европейских и американских коллег знают в наши дни это имя, а книги Фоссе можно достать далеко не в каждой европейской библиотеке. Судя по отсутствию статьи в энциклопедии Larousse, Франция тоже забыла своего замечательного сына. Но когда исчезает память об имени, имя воскрешают дела. Книга Фоссе хороша не потому, что он был профессор и заведующий отделением. Напротив, мы вспомнили о нем и о его должностях только потому, что его книга удивительно точна, глубока и современна по методу и стилю. И передавая эту книгу читателю спустя столетие, мы тем самым совершаем акт воскрешения ее автора. А может, вовсе даже и не совершаем воскрешение, а подтверждаем его, потому что автор сам себя воскресил совершенством своего труда, а нам осталось лишь констатировать этот факт и разбудить месье Фоссе в новом столетии словами слуги Сен-Симона: «Вставайте, сир, Вас ждут великие дела!»

II

С выхода книги Шарля Фоссе прошло почти столетие, и поэтому следует сделать краткий экскурс в те достижения ассириологии XX века, которые касались изучения вавилоно-ассирийской магии. Достижения эти сразу следует разделить на источниковедческие и концептуальные. Но прежде чем давать характеристику каждой из этих групп, следует, вероятно, определить сам предмет в его нынешних границах.

В духовной культуре древней Месопотамии сосуществовали элементы магии и религии. Магия и религия — две формы диалога между человеком и миром. Магия — желание непосредственно воздействовать на внешние силы природы, склоняя их к милости и благоволению. Религия — ожидание милости от внешних сил без желания насильственно склонить их в свою пользу. Мироощущение мага отличается от мироощущения религиозных людей, во-первых, тем, что маг смотрит на силу природы как на нечто равное себе и не сомневается в том, что одолеет ее; религиозный же человек смотрит на ту же силу снизу вверх, признает свое ничтожество и ее могущество и ждет от нее милости. Во-вторых, маг использует для покорения сил природы те же средства, которые используются в отношениях

между людьми (кормление, словесное убеждение, внушение, созидание-разрушение образа); религиозный человек понимает всю ничтожность человеческих средств в диалоге с высшими силами, поэтому он переходит на принципиально иной язык — язык молитвы. В-третьих, маг не принимает идею мирового порядка, поскольку его действие однократно, а намерение эгоистично; религиозный человек принимает порядок, довлеющий ему, и стремится растворить в нем свою жизнь, став частью мирового порядка и подтверждением мирового закона. Он служит порядку потому, что молитва его постоянна и непрерывна, а намерение благочестиво. Можно сказать, что мир в ощущении мага состоит из дискретных сущностей, каждая из которых может быть умело отделена от других, выделена сознанием и использована сама по себе, вне своих естественных связей. Напротив, мир религиозного человека отличается непрерывностью пространственных и бесконечностью временных отношений, поскольку человек оставляет за собой возможность многого не знать и точного представления о целом не иметь. В Месопотамии границы между одним и другим чрезвычайно зыбки, и магическое сознание редко встречается в чистом виде, вне религиозных упований на милость богов, а религиозное просто невозможно без примеси магии. Следовательно, в строгом определении можно говорить о магиико-религиозных представлениях вавилоно-ассирийской культуры. И в данном случае из этих синтетических магиико-религиозных представлений нужно вычленить элементы собственно магии. А это несложно, потому что магическое занимает здесь почти все культурное пространство.

Сфера магического в вавилоно-ассирийской культуре изучается не сама по себе, а в отраженном текстами виде. Изображений, связанных с магией, дошло гораздо меньше, чем текстов, а тексты сами нуждаются в классификации, поэтому магия, изучаемая через тексты, предстает множеством отражений в самых удаленных и разнообразных по форме зеркалах. Магические обряды и формулы сохранились в эпосе, гимнах, царских надписях, заговорах, молитвах, записях ритуалов, в гадательной и астрологической литературе. Магия и ритуал, магия и миф, магия и культ, магия и текст, магия и медицина — все это отдельные большие проблемы, столкнувшись с которыми, думаешь: а что же не есть магия в месопотамской культуре? Ни одно строительное, агрохозяйственное, ремесленное предприятие нельзя представить себе вне магического действия, не говоря уже о дворцовой жизни и военных походах, где ритуалы, гадания, толкования снов составляли едва ли не половину всего дела. Получается, что вавилоно-ассирийская магия практически тождественна вавилоно-ассирийской культуре, что вне магии в сплаве с элементами религии этой культуры не существует вообще. Это означает, что наша тема приобретает философско-культурологический масштаб, переводя аспект культуры в ее важнейшую характерную черту.

Итак, месопотамская культура по преимуществу магична. В этом она не одинока, все культуры ранней древности — и египетская, и шумерская, и хеттская отличаются желанием больше воздействовать на природу, чем подчиняться ей. Причина понятна: древний человек, обустроиваясь на необжитой земле, находился в постоянном противодействии силам природы, враждовал с ними, хотел их усмирить, покорить и приспособить к своим нуждам. Но магичность разных культур имеет различную направленность и, кроме того, различную степень сплавленности с религиозным началом. Если говорить о древнем Ближнем Востоке, то, пожалуй, самое большое число ритуально-магических текстов дошло от хеттов, причем в их культуре ритуал и магия прочно связаны с культом царя. Религиозного в хеттских текстах совсем немного, поскольку сильно упование народа на могущественную светскую власть, и нет нужды унижаться перед силами внешнего мира^а. (^а Хеттского царя сравнивали с Солнцем и называли великим, но при этом он не был обожествлен. Только у хеттов уделяется такое значение царским семейным ритуалам, только у них на древнем Ближнем Востоке члены царской семьи произносят свои особые заговоры и молитвы, причем покровительницей этой семьи является само солнечное божество Аринна. Можно, конечно, приписать эту солнечность хеттского царя египетскому влиянию. Но скорее всего, хетты самостоятельны в своем культе царя, сочетающем светскость монаршего абсолютизма и божественность происхождения царской семьи. Подробнее см.: Герни О. Р. Хетты. М., 1987. С. 59-62.) Стало быть, хеттская магия может быть охарактеризована как магия потестарная, или магия власти. Египетские тексты уже с конца Старого царства дают примеры благоговения и унижения перед силами природы (например, мотив суда и взвешивания сердца, впервые встречающийся в Текстах саркофагов), религиозное начало нарастает на протяжении всей дальнейшей египетской

истории, обретая свое воплощение в Книге мертвых. Однако страшного Осирисова суда легко можно избежать, магически закляв по той же книге свое сердце, чтобы оно не свидетельствовало против тебя в суде. Египетская магия развивается от культа царя-бога к культу человека-мага (таков герметизм) и имеет сильный антропологический акцент^а.

(^а Тураев Б. А. Бог Тот. Исследования в области древнеегипетской религии. Лейпциг, 1898.) Что же касается магии месопотамской, то при всей ее формальной связи с царской властью и человеческими нуждами мы постоянно видим ее обращенность к Небу и сфере внешних знаков — от «знамений» (симптомов) болезни до небесных знамений (звезд, планет, светил, комет и их соотношений), читаемых тем же способом, что и составные логограммы клинописи (когда понятие, собранное из нескольких знаков, читается и понимается иначе, чем эти знаки в отдельности). Царь и человек в Месопотамии гораздо глупее и меньше первичного мира природы, поэтому его достоинство мага — умение воздействовать, прислушиваясь к мировому порядку и вчитываясь в него. То есть, это магия по преимуществу герменевтическая, магия знаков и примет, связанная с астральной направленностью шумеро-вавилонского мироощущения^{а"}. (^{а"} Оппенхейм А. Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1990. С. 136-181; Reiner E. Astral Magic in Ancient Babylonia. Philadelphia, 1995.) Здесь все читается и все имеет смысл. Говоря словами современной науки семиотики, вавилоно-ассирийская магия основана на интерпретации естественных знаков природы, созданных без участия человека. Маг расшифровывает посланную ему информацию и после этого определяет наиболее действенные средства влияния на данный участок мироздания. Однако в некоторых случаях он чувствует свое бессилие и смиренно молится, призывая милосердие божье.

Значит, говоря о вавилоно-ассирийской магии, мы будем иметь в виду магические элементы магиико-религиозных текстов, в различной степени отражающих основную тенденцию вавилонского магического императива — воздействовать на силы природы, предварительно прочитав ее знаки наверху и внизу.

III

Определившись с предметом, необходимо далее определиться с самим термином, от которого образуется название предмета. Слово «маг» пришло в древнегреческий и другие европейские языки из древнеиранского языка зороастрийцев, на котором создана священная книга древних персов Авеста. В древнем Иране магами называли своих и мидийских жрецов. Греки эпохи афинского полиса стали именовать этим словом самих зороастрийцев, а в позднеантичной культуре слово «маг» потеряло свой этноконфессиональный оттенок и стало обозначать любого жреца, астролога и колдуна негреческого происхождения. В частности, в Евангелии от Матфея о рождении Христа узнают по звездам именно «маги» (в русском переводе «волхвы»). Через греческий и латынь слово «маг» попадает во французский и немецкий языки, а уже из немецкого — в русский. Можно, однако, предположить, что при всех исторических странствиях этого слова оно давно могло быть известно в России, и вовсе не благодаря заимствованиям. Дело в том, что в индоевропейских языках есть корень *magh* — «высокий, большой», откуда в русском «могущество; мощь; помощь; я могу (т. е. «я в силе, я способен на что-то»); в английском *might, may*, в немецком *Macht, mogen* (те же значения). Древнеиранское слово *mogu* — «жрец» может происходить от того же общего корня, и если это так, то известна этимология слова «маг»: это человек, имеющий силу для какого-либо действия, тот, кто в состоянии что-то предпринять. Если теперь вспомнить древнерусское слово «мощи» (тело, останки), то получается, что сила деятеля исходит от его тела. Так, вероятно, может обстоять дело с индоевропейским словом «маг» (если только оно не мидийского происхождения, что существенно затруднило бы анализ)^а. (^а Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern, 1955. S. 695-696. Основа *magh-* в индоевропейских языках имеет значения «мочь, знать; быть молодым; быть многочисленным; быть большим». Семантическим ядром здесь является сила юноши, способного сделать нечто многочисленным или заметным.)

Аккадский язык знает три слова для обозначения должности мага: *машмашшу*, *ашшуту* и *бару*. *Машмашшу* — жрец-экскурсист и гадатель по печени ягненка, позднее появляется термин *машмаш Энума Ану Эл лиль*, специально обозначающий должность астролога (т. е. «маг,

знающий астрологический трактат «Когда Ану и Эллиль,...»). *Ashuru* — жрец-консекратор (окропитель, очиститель), занимающийся также исцелением больного от злых духов. *Baru* — гадатель по внутренностям жертвенных животных и по уродливым зародышам, по маслу, расплывающемуся на воде, и по дыму жертвенного воскурения^a. (^a Словарные статьи по этим терминам см.: Chicago Assyrian Dictionary. Chicago, 1958.) В ранней шумерской древности работа мага не была столь специализирована: магов не выделяли из других категорий жречества, да и вообще жречество в этот период сильно зависело от общины, в которой все жрецы имели земельные участки и старейшинам которой редко противоречил даже правитель города, не то что чиновник-жрец. Поэтому одно и то же должностное лицо храма могло выступать и в функции экзорциста, и в функции гадалея, и быть лекарем своих соплеменников. Жрецы шумерского времени были в основном неграмотны, знание обрядов и заговоров передавалось ученикам в устной форме^b. (^b Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959; Люди города Ура. М., 1990.) Совсем иначе обстояло дело во времена Вавилона и в особенности в Ассирии имперского периода. В это время жрецы обязаны были представлять царю письменный доклад, который писец-секретарь вслух зачитывал каждое утро. После зачитания докладов царь лично решал, кому именно из корреспондентов назначить аудиенцию во дворце. Поэтому неграмотных среди жрецов (и особенно среди магов) практически не было, все они прошли хорошую учебу в писцовой школе и подавали царю реляции по установленной форме^a. (Дандамаев М. А. Вавилонские писцы. М., 1983. С. 78-83.)

Учеба мага в ассирийский период была суровой. Человек, желающий посвятить жизнь этому почтенному и серьезному искусству, должен был пройти четыре ступени обучения. Первая ступень называлась *ша-маллу* — «ученик». На этом этапе молодой человек заучивал важнейшие заговорные формулы, узнавал ситуации их произнесения и допускался помогать при жертвоприношениях. Если эта начальная ступень преодолевалась благополучно, ученик становился *машмаш-шу цехру*, «младшим магом», и изучал астрономию, астрологию, ритуалы, различные виды гаданий, а также приемы лекарского искусства, однако к проведению обрядов его еще не допускали. Став после этого полноценным магом (*машмашишу*), человек самостоятельно проводил все храмовые службы и жертвоприношения, предсказывал судьбу по знакам небес и земли, исцелял, изгонял демонов, записывал свои наблюдения на таблички, составлял новые по форме заговоры — но не имел права допуска во дворец. Наконец, будучи избран *машмаш биты* — «магом храма», он получал право писать доклады и составлять предзнаменования царю, мыслил в масштабе всей страны (а то и мира) и обучал начинающих магов в своем храме. Наиболее искусные маги получали почетный титул *ап-каллу* — «мудрец», зная, что таким же титулом обладает и верховный бог страны, названный *апкал или* «мудрейший (из) богов», — Ашшур в Ассирии или Мардук в Вавилонии.

Вергилием в мире вавилоно-ассирийской магии будет для нас текст небольшого объема, условно названный «Ассирийский учебник магов» и представляющий собой перечень всех знаний и умений мага. Он был записан в Ниневии в VII в. до н. э. и был впервые издан Э. Эбелингом в составе ассирийских религиозных текстов в 1915 г.; так что Ш. Фоссе не знал его в момент написания данной книги. Составителем текста, как видно из колофона, был человек весьма известный в Ассирии — маг Кицир-Набу, сын Шамаш-ибни, мага храма Эшара, известный своими заговорами медицинского характера^a. (^a В частности, Кицир-Набу является автором колыбельной-заговора с рецептом по успокоению младенца. Текст в переводе В. К. Шилейко можно прочесть в: «Житель потемок прочь из потемок...» (Колыбельная песня-заговор из Ашшура)// Я открою тебе сокровенное слово... М., 1981. С. 201-202.) Текст носит примечательный заголовок *Реше ишкар и машмашишутти*, «Заглавия магических операций». Аккадское слово *ишкару* означает одновременно «история, сочинение» и «дело, действие», поэтому имеет смысл интерпретировать название текста как перечень всех действий и слов, которые нужно произносить во время этих действий. Это не учебник, а скорее памятка начинающему магу, если еще точнее — должностная инструкция, напоминающая о круге знаний и обязанностей, определяющих служебное соответствие мага. Итак, вот этот текст.

(^a Ebciling E. Keilschrifttexte aus Assyrischen Religiosen Inhalts. Leipzig, 1915 (no. 44, pp. 77-78); Zimmern H. Zeitschrift für Assyriologie 30 (1915), S. 204-229; Bottero J. Mythes et rites de Babylone. Paris, 1985, p. 65-112.)

1. Собрание названий заглавий магических операций, предназначенное для запоминания и сверки.

2а. «Бог Кулла»: установление фундамента зданий^b.

(^b По-видимому, это заклинание, с помощью которого бога Куллу изгоняют из кирпичей только что построенного дома, после чего дом живет самостоятельной жизнью, без участия сто ревнивого создателя.)

2б. «Омовение уст»^b.

(^b Часть обряда омовения и отверзания уст статуи бога, ныне полностью изданного: Walker C. B. F.; Dick M. The Induction of the Cult Image in Ancient Mesopotamia: The Mis Pi Ritual. Helsinki, 2001. Классическое издание клинописи: Zimmern H. Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion. Leipzig, 1900. На русском языке об обряде см.: Емельянов В. В. Шумерская литургия водосвятия по фрагментам ассирийского ритуала «Омовение (и) отвержание уст (бога)»//Петербургское востоковедение 4 (1993). С. 247-264.)

2с. «Когда ты [?] масло».

3а. Формулы Ансу^f.

(^f Часто встречающиеся в самых разных ритуалах заговорные формулы, апеллирующие к авторитету Энки в деле совершения различных чудес медицины и искусства.)

3б. Касание тростников.

3с. «Омовение рук бога»^d

(^d Руки бога обычно омывались жрецом-консультатором перед ежедневной трапезой.)

4а. Заклятие именем Шамаша.

4б. (Молитвы) поднятия рук^e.

(^e Серия ассирийских молитв. Каждая молитва сопровождалась приношением какой-либо пищи (или пива) в небольшом количестве и возданием рук. Издание и исследование см.: Mayer W. Untersuchungen zur Formensprache der babylonischen „Gebetsbeschworungen" (1976.)

4с. (Заклятие) «Утешение сердца божия»^ж.

(^ж Серия заклинаний, обращенных к гневному божеству и сопровождающихся просьбой отпустить человеку его грехи. Частичное издание табличек этой огромной серии см.: Lambert W. G. Dingir sa, dib. ba Incantations//Journal of Near Eastern Studies 33 (1974), p. 267-321. Русские переводы некоторых заклинаний, выполненные И. С. Клочковым, см.: Я открою тебе сокровенное слово... М., 1981. С. 242-244.)

5а. Обряды месяцев Дуузу, Абу, Элулу, Ташриту³.

(³ На эти месяцы приходятся равноденствия и солнцестояния — важнейшие события переднеазиатского календарного года.)

5б. Царская церемония.

6а. Симптомы болезни.

6б. Физиогномика^h.

(^h Kraus F. R. Texte zur babylonischen Physiognomatik. В., 1939. Над изданием физиогномической серии аламдимму в настоящее время работает немецкая исследовательница Б. Бек.)

6с. Поведение.

6д. Высказывание (мыслей).

7а. Освященные воды^k.

(^k Ритуалы освящения воды и освящения этой водой культовых предметов были важнейшей составной частью всех месопотамских ритуалов с глубокой древности до конца этой цивилизации. Об этом см.: Емельянов В. В. Шумерские заклинания консекрации и представления о святости у шумеров//Палестинский сборник 35 (1998). С. 39-60.)

7б. «Злые демоны-утукку»^a.

(^a Ассирийская билингва издана в: Thompson R. C. Devils and Evil Spirits. Vol. I. L., 1903, p. 1-211. Шумерские источники серии см.: Geller M. J. Forerunners to UDUK. HUL. Wiesbaden, 1985.)

7с. «Кто ты?»

7д. «Уничтожение зла».

8а. Очистительные притирания.

8б. «Злые демоны-асакку»^b.

(^b Асакку — демоны, имя которых образовано от собственного имени чудовища Асага, воевавшего с героем Нинуртой накануне весеннего равноденствия и шумерского Нового года. Старое издание: Thompson R. C. Devils and Evil Spirits, II, p. 2-43.)

8с. Знаки, (образованные) мукой.

9а. «(Заклятие) головной боли»^c.

(^c Серия медицинско-магических заговоров, состоящая из 9 табличек. Старое издание: Thompson R. C. Devils and Evil Spirits, II, p. 44-97.)

9б. «(Заклятие) боли в горле».

9с. Все заболевания.

10a. Юноша-лилу.

10b. Девушка-лилиту^d.

(^d 3 глиняные таблицы с заговорами против духов-лилу полностью не изданы. Первое филологическое издание фрагментов выполнено С. Лакенбахером (Revue d'assyriologie 65 (1971), p. 119-154). Юноша и девушка-лилиту — демоны, в имени которых заключена игра слов из разных языков. По-шумерски лиль означает «воздух, ветер; дух, призрак», по-аккадски лилу — «ночь». Отсюда и смесь представлений: демонов этого рода считали ночными привидениями. Вероятно, их можно сопоставить со славянскими заложными покойниками — т. е. с людьми, умершими неестественной смертью и раньше срока. Во всяком случае, они всегда отличаются от гадим — обычных духов умерших предков (хотя и для последних характерны необычные случаи смерти). Вполне возможно, что люди, превратившиеся в духов лилу, при жизни были безбрачны и не оставили потомства. Так можно объяснить склонность мужчин-лилу вступать в связь с земными женщинами (причем от этих связей у них рождаются либо уроды, либо такие же демоны).

10c. Фигуры замещения^c.

(^c Имеются в виду глиняные статуэтки, замещающие либо больного человека во время снятия чар, либо колдуна, на которого наводится ответная порча. О типах этих изображений см.: Wiggermann F. A. M. *Babylonian Prophylactic Figures*. Amsterdam, 1986.)

11a. «Дом омовения»^d.

(^d Ритуал царского омовения и очищения от грехов Бит римки издан в: Laessoe J. *Studies on the Assyrian Ritual Bit rimki* (1955).)

11b. «Дом заточения»^e.

(^e Медицинско-магический ритуал, приходящийся на осень (для благоприятного исхода лечения рекомендовано время в начале октября или в середине ноября). Полностью не издан. Подробнее см.: Wiggermann, *Babylonian Prophylactic Figures*, p. 205-226.)

11c. «Омовение уст».

12a. «Злые колдуны».

12b. «Злые проклятия».

12c. «Разрушение колдовства».

12d. Разрушение проклятия»^d.

(^d Медицинско-магическая серия заговоров. Полностью не издана.)

13a. (Закрытие) Шамаша богов и людей.

13b. Разрушение колдовства.

13c. Разрушение проклятия.

13d. Демон Ламашту^e.

(^e Заклятия против демона женского рода Ламашту, похищающего и сжирающего младенцев, препятствующего родам. Серия из двух заговорных и одной ритуальной таблички не издана полностью.)

14a. (Закрытие) против всякого зла (Намбурби)^f.

(^f Caplice R. I. *The Akkadian Namburbi Texts: An Introduction*. Los Angeles, 1974.)

14b. *Маклу*^g.

(^g Серия заклятий против злых колдунов полностью не издана. Лучшие работы в области ее изучения принадлежат Ц. Абушу (см. библиографический список в конце). Старое издание см.: Meier G. *Die assyrische Beschwörungssammlung Maqlu*. Berlin, 1937.)

14c. *Шурпу*^a.

(^a Reiner E. *Shurpu*. Graz, 1958)

14d. Изменение плохих снов на хорошие^b.

(^b Ассирийские сонники изданы и разобраны в: Oppenheim A. Leo. *The Interpretation of Dreams in the Ancient Mesopotamia*. Philadelphia, 1956.)

14e. Поднятие сердца^c.

(^c Точнее, «поднятие внутреннего» — заговоры на поддержание потенции. Их издание см.: Biggs R. D. SA₃. ZI. GA. *Ancient Mesopotamian Potency Incantations*. New York, 1967.)

15a. Скрученная беременная женщина.

15b. Женщина в тягости.

15c. Демон Ламашту.

15d. Успокоение ребенка^d.

(^d Farber W. *Schlaf, Kinder, Schlaf! Babybeschworungen*. Eisenbrauns, 1989.)

16a. Глазная болезнь.

16b. Болезнь зубов.

16c. Замороженный рот^e.

(^e Вероятно, простуда.)

17a. Болезнь внутренностей.

17b. Болезнь груди.

17c. Заговоры против всех болезней.

18a. Остановить кровь, (текущую) из носа.

18b. Остановить рвоту.

18с. Остановить диарею.

19а. Излечить от укуса змеи.

19b. Излечить от скорпиона.

19с. Излечить от болезни саману^f.

(^f Заклятия от змей, скорпионов и загадочного существа саману опубликованы в клинописи: van Dijk J. J. A. Nicht kanonische Beschwörungen und sonstige Literarische Texte. Berlin, 1971.)

20а. Задержание злой ноги в доме человека^g.

(^g Об этой и следующей серии (диху и шибту) см.: Wig-germann, Babylonian Prophylactic Figures, p. 11-203.)

20b. Предотвратить болезни диху, шибту^h (и) смертность (от них).

(^h Болезнь диху не отождествлена. Болезнь шибту, как полагают, чума.)

20с. Заставить богов принять жертву.

21 а. Обряды (для) города, домов, полей, огородов и каналов.

21b. Регулярные приношения Нисабе^j.

(^j Нисаба — покровительница полей и урожаев, а также грамоты и школьного образования.)

22а. Предотвратить разрушительный ливень.

22b. Предотвратить пожирание урожая.

22с. ... в степи.

23а. Пройти по степи (безопасно).

23b. Тростник врага человека не коснется.

23с. Пусть место его захвачено (будет)!

24а. Очищение рогатого скота мелкого и крупного (и) лошадей.

25. Предсказания по звездам, птицам, быкам, домашнему скоту, звукам, камням, муке, (по) советам всех богов.

26а. «Камень, что подобен этому...»

26b. «Трава, что подобна этой...»

26с. Таблицы камней.

26d. Таблицы трав^a ".

(^a Вероятно, имеются в виду списки камней и трав, составлявшиеся в школах для заучивания. Но вполне возможно, что речь идет и о фармакопее, о которой см.: Kocher F. Keilschrift-texte zur assyrisch-babylonischen Pflanzenkunde. В., 1955.)

26е. Колье и подвески.

27. (Вот) заглавия магических операций Эсагил-кип-апли.

28а. Все предсказания «Касание тростника», созданные Энки^b.

(^b Не совсем ясно, что это такое. Но известно, что «тростник Энки» встречается в надписи старошумерского царя Урукаги-ны в числе широко распространенных обрядов и связан с лечением больного. Возможно, прикосновение к такому тростнику было одним из первых шагов к исцелению.)

28b. Церемонии священного пения.

29. Все, что существует из ритуалов против колдовства, и разрушение проклятия небесного и земного.

30. Все источники мудрости (и) секреты экзорцизма.

31а. Запечатанный документ с предназначениями Неба и Земли.

31b. Таинства Алсу.

31с. Заговоры на крайний случай.

32а. Предписания против паралича, пареза, опухоли.

32b. Симптомы заболеваний.

32с. Все предписания против...

33а. Средства от: «падения неба»,

33b. «Господина крыши»,

33с. «Руки бога»,

33d. «Руки богини»,

33е. «Руки духа»^c,

(^c Какие-то вегетативные или психические заболевания, интерпретируемые как головокружение, помрачение рассудка, невменяемое состояние и т. д. Их последняя, хотя и неокончательная интерпретация (различные виды эпилептических припадков и немотивированных агрессивных состояний) дана в: Stol M. Epilepsy in Babylonia. Groningen, 1993.)

34a. Злого демона-алу,

34b. Злого демона-лилу,

34c. (Демона) сагхульхаза,

34d. Руки враждебной,

34e. Руки человека,

35a. И все средства от всех (болезней).

35b. Все симптомы заболеваний.

35c. Предписания (для) женщин.

36. До времени, когда ты достигнешь (степени) мага, ты овладеешь секретами.

37. После этого ты научишься интерпретировать комментарии и списки синонимов,

38. Проводить ритуалы на шумерском и аккадском языках:

39a. «Подобно твоему святилищу...»

39b. «Я скитаюсь в рассеянье...»

39c. «Когда Ану (и) Эллиль...»^d

(^d Тракта́т по астрологии предзнаменований, составленный до появлений представления о Зодиаке и задолго до возникновения гороскопов.

Современное издание: Reiner E.; Pingree D. Babylonian Planetary Omina 2. Enuma Anu Ellil. Malibu, 1981.)

39d. «Когда город расположен на высоте...»^e,

(^e Серия гаданий Шумма алу не издана полностью.)

40. (А также) формулировать (мысли) и дискутировать с целью прихода к соглашению.

41. (Тому, кто) силен, молод, мудр, проникателен, наделен знаниями, два бога^c даруют обширный разум.

(^c Несомненно, Эа и Мардук, бывшие с начала II тыс. до н. э. покровителями магии и медицины.)

42. Боги... даруют ему хранилище-ламассу, и имя его будет произноситься вовеки.

42. Согласно древнему подлиннику списано и сверено. Табличка Кицир-Набу, *машмашшу*, сына Ша-маш-ибни, *машмашшу* (храма) Эшара.

«Ассирийский учебник магов» — бесценное свидетельство, позволяющее историку точно определить объем знаний, связанных со сферой магического в древней Месопотамии. Мы видим, что сфера деятельности ассирийского мага может быть разделена на следующие аспекты: а) изгнание демонов, или психотерапия; б) религиозная деятельность (грамотное проведение ритуалов); в) практическая медицина (лечение соматических заболеваний лекарственными средствами); г) элементы физиологии и психологии (физиогномика, наблюдение за поведением и речью); д) астрологические предзнаменования и гадания; е) грамотность и филология (знание шумерского языка, комментариев на ритуалы, синонимических списков); ж) элементы логики и юриспруденции (способность к спору, ведущему к установлению соглашений). Судя по этому объему, можно сделать вывод, что должность ассирийского мага эквивалентна должности профессора европейского университета, да и не всякого профессора, а имеющего энциклопедические познания и многочисленные таланты. Последние строки текста указывают качества, наиболее желательные для мага, — сочетание физической силы и телесной бодрости с мудростью, проникательностью и обширными познаниями. То есть, в основе профессии мага — гармоничное совершенство тела и разума, которому впоследствии будут придавать большое значение учителя античных школ. Есть в нашем тексте и еще одно важное качество — средства обучения магов исключительно рациональны, здесь нет и намек на какие-либо контакты с богами или духами, на участие в мистериях, на оккультные посвящения. Напротив, только заучивание, повторение, умение читать, писать, дискутировать на тему, интерпретировать текст, лечить больного естественными средствами или заговорами обеспечивает ученику карьерный рост, и успехи в этих трудных занятиях делают его вовсе не «посвященным», а чиновником высшего ранга^d.

(^d Дандамаев. Вавилонские писцы, с. 78-122. О писцах-предпринимателях см. там же, с. 148-170.) Астрология, гадания и тому подобный «высший пилотаж» знаний догреческой древности открываются только на

последнем этапе обучения, когда человек знает тайны письма и устного слова, премудрости лекарского искусства и азы психологии. И воспринимаются они вовсе не в средневековом коде иррационального, а как возможность самостоятельно выдвинуть предположение о будущем, исходя из совокупности всех полученных знаний и навыков мага (в наше время это социологический или метеорологический прогноз).

Мы получили дополнительное подтверждение того, что магия и магическое знание в древней Месопотамии эквивалентны науке и интеллектуальному знанию наших дней. Магия здесь — и часть религиозного, и часть научного мироощущения, и предтеча будущих философских обобщений действительности (особенно в области этики). Значит, и изучение такого рода магии должно идти по линии ее связей со всеми этими сферами человеческой деятельности.

IV

В истории изучения ассирийской магии нет ничего, что не содержалось бы в истории гуманитарных наук XX столетия. Конец XIX — начало XX вв. были ознаменованы расцветом библеистических знаний и метода библейской критики, соответственно основной подход к изучению феноменов древности был филолого-богословским. Вторая тенденция этой эпохи — развитие литературоведческой компаративистики и господство теории заимствований, в результате чего произведения одного жанра, возникшие в разных культурах, пытались объяснять прямым влиянием более древней культуры на менее древнюю. Типичными примерами здесь могут служить работа В. Ф. Миллера по сравнению русских заговоров с ассирийскими заклинаниями и очерк вавилонской религиозности, принадлежащий перу Б. А. Тураева. С тех же позиций занимался вавилонскими текстами В. К. Шилейко^a. (^a О вкладе Шилейко в компаративное литературоведение и семиотику см.: Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. I. М., 1998. С. 664-668.) Европейским работам, описывающим, к примеру, влияние вавилонской магии на магию майя или единобожие в древнем Египте, несть числа^b. (^b Danzel Th. W. Babylon und Alt-Mexiko (Gleiches und Gc-gensatzliches). Мехико, 1921.) В первой половине столетия, наступившей с начала Первой мировой войны и длившейся до конца 50-х гг., в этой области превалировали социологизм и этнографизм, поскольку ученые-гуманитарии были сосредоточены на поиске *закономерностей социально-экономической истории* (чему способствовали как идеи марксистской теории формаций, так и революционные события, возникшие не без участия этой теории). Повсюду изучались административные документы, вопросы купли-продажи земли, финансовая отчетность. С тех же социально-экономических позиций рассматривались и все другие группы текстов, включая царские надписи, записи мифов и заговоров. Желая показать идентичность явлений социальной истории у народов всего мира, наиболее выдающиеся ученые разрабатывали методы, позволяющие выстроить схему социальной эволюции начиная от первобытности. Неудивительно, что при таком подходе факты из жизни примитивных народов становились решающими аргументами в исторических и терминологических спорах. При помощи якутского эпоса можно было легко объяснить греческий, при помощи русской сказки — сказки всех народов мира. Причем вся духовная культура объяснялась в это время повсюду — и в России, и в Англии, и в Германии — через материальное производство и производственные отношения. Если говорить о России, то наиболее характерные примеры такого подхода есть применительно к вавилонской культуре у В. В. Струве и И. М. Дьяконова, в США это прежде всего работы Т. Якобсена, в Германии -- методологически запоздалые труды о социальном положении жречества И. Ренгера, написанные в конце 60-х годов под тем же социологическим углом зрения^c. (^c Квинтэссенцией такого подхода к феноменам духовной культуры является книга: Дьяконов И. М. Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М., 1994. Из зарубежных примеров см.: Jacobsen Th. Toward the Image of Tammuz. Cambridge, 1970.) К концу 50-х эта тенденция пошла на спад, и в течение полувека стала набирать силу новая тенденция — понимание культуры со стороны сознания. Можно сформулировать ее как *поиск закономерностей социально-психологического развития*, связанный со специальными методами лингвистического и текстологического анализа (этимологии, семантики,

семиотических связей и структуры текста), с данными этнологии и исторической психологии. Здесь на первых порах превалировала литературоведческая и лингвистическая компаративистика (сравнение с библейской, древнеиндоевропейской и античной культурами), религиоведение, затем подключились специалисты в области психофизиологии и общей психологии, изучающие религиозно-магическую сферу деятельности с точными приборами в руках. В России в этом ключе изучают древневосточные заговоры и магию В. Н. Топоров и И. С. Клочков; из зарубежных ученых нужно особо отметить работы американских профессоров А. Лео Оппенхейма и Ц. Абуша, англичан В. Дж. Лэмберта, А. Ливингстопа и Дж. Каннингхэма, французов Ж. Контено и Ж. Боттеро, японца А. Цукимото^а. (^а Contenau G. La magie chez assyriens. Paris, 1947; Cunningham G. Babylonian Incantations. Oxford, 1998; Livingstone A. Mystical and Mythological Explanatory Works of Assyrian and Babylonian Scholars. Oxford, 1986; Nougayrol J. La divination. P., 1968; Tsukimoto A. Untersuchungen zur Totenpflege. Neukirchen-Vluyn, 1985; сборник La divination en Mésopotamie ancienne et dans les régions voisines. P., 1966; сборник Intellectual Life of the Ancient Near East. Prague, 1998.) Таковы наиболее общие моменты в изучении духовной культуры за столетие после книги Фоссе.

Теперь обратимся к результатам частного анализа ассирийской магии, заранее оговорившись, что изучение памятников искусства выходит за пределы нашей компетенции. Здесь, насколько мы можем судить, пока сделаны три основных открытия. Во-первых, оказалось, что «ассирийская магия» — термин не вполне корректный, поскольку большая часть ритуальных, заговорных и гадательных текстов, найденных в Ассирии, имеет вавилонские и даже шумерские прототипы. Имена большинства демонов — шумерского происхождения, так же как и названия жреческих должностей. Ассирийцы времен Ашшурбанипала только компилировали и пытались классифицировать тексты, составленные в разные эпохи предшествующей истории Двуречья. Так, например, подлинники ассирийской серии заклинаний «Злые духи» были составлены на шумерском языке и впервые записаны в начале II тыс. до н. э. в вавилонских школах, и только через пятьсот лет они были переведены на аккадский язык в ниневийской библиотеке. Ритуалы серии «Дом омовения» также относятся к шумерскому времени: отдельные их фрагменты известны из табличек III династии Ура. Однако далеко не все обряды и заговоры можно безоговорочно отнести к шумерской эпохе. Большинство гадательных серий имеют вавилонское происхождение, хотя и компилируют различные элементы шумерского магического опыта. Они отражают мироощущение послешумерской эпохи — времени, когда боги и люди окончательно отделились друг от друга и стали разговаривать не напрямую, как раньше (например, во сне), а посредством оракула. Хорошо известно, что в шумерскую эпоху боги были рядом с людьми, потому что жили вместе с ними на одной территории. Гадательные операции проводились в то время во дворце, и слова оракула были специально предназначены для царя, который управлял народом в соответствии со словом богов. В вавилонское время массовые миграции населения привели к отрыву человека от своего места и своих богов, жизнь стала неупорядоченной, а путь — неопределенным, каждый человек стал «сам себе царь» (в индивидуально-волевом смысле) и потому нуждался в большом числе гаданий на свою судьбу. Этим и объясняется сама необходимость фиксации гадательных систем в Вавилонии и Ассирии. Долгий и сложный путь прошли и магические заговоры. В Шумере уже были известны все типы заговорных формул, записанных ассирийцами. Однако столь характерная для поздних текстов диалоговая форма «Энки-Асарлухи (вавил. Эа-Мардук)» появилась не ранее конца III династии Ура или начала Старовавилонского периода — до этого времени владычицей заговоров была богиня Нингирима. Возникает вопрос: какие же из перечисленных в ассирийском учебнике магических текстов являются ассирийскими по происхождению? Вполне возможно, что к собственно ассирийским можно отнести серии заговоров и ритуалов «Маклу» и «Шурпу». Хотя допустимо предположить, что основа этих текстов вавилонская, но несомненно, что их композиция и художественная отделка принадлежат уже эпохе Ашшурбанипала. Таким образом, первый вывод современного анализа ассирийской магии — в том, что ее следует скорее называть месопотамской (т. е. шумеро-вавилонско-ассирийской); причем основная заслуга в формировании канона магии, несомненно, принадлежит вавилонянам, основа магического опыта — достижение шумеров, а

фиксацию канона и введение его в систему образования нужно считать заслугой ассирийцев^а. (^а Это признают уже исследователи магии 60-х годов (Крамер, Нугайроль, Оппенгейм).)

Во-вторых, было выяснено, что многие магические процедуры в Месопотамии были теснейшим образом связаны с календарем и астрологией. В царских ритуалах постоянно встречаются указания на месяцы и дни их проведения, в заговорной литературе также есть указания на даты совершения обряда. При анализе ритуалов в связи с календарем выясняется, что чаще всего время их проведения приходится на месяцы, связанные с равноденствиями и солнцестояниями, а также на июль-август, бывший в Месопотамии временем особенно активного почитания мертвых и экзорцизма в отношении демонов. После осеннего равноденствия интенсивность магической деятельности снижается, и на оставшуюся осень и зимние месяцы приходится небольшое число магических процедур. Из этого можно сделать по крайней мере два вывода: а) борьба с демонами имеет сезонную активность; в основном демоны проявляют себя весной и летом, пытаясь помешать хозяйственной деятельности людей; б) осенью и зимой борьба с демонами безуспешна, поскольку это время их безраздельного господства и временной оккупации срединного мира (на рациональном языке это означает прекращение вегетативной активности земли). Из ассирийских предсказаний хорошо известно, что наиболее зловещим месяцем календаря в Месопотамии был двенадцатый (февраль-март), которым владели семеро злых демонов. Этим демонам традиция приписывала кражу Луны, тяжелые заболевания людей и скота и прочие разрушительные подвиги. Поэтому актуальными были все средства заклятия этой ужасной семерки. Помимо месяцев, в магических текстах указываются и дни проведения обрядов, причем деятельность мага считается нежелательной каждый седьмой день недели и в САРut!'-й день, называемый «днем гнева божьего» (как, впрочем, и многие другие виды деятельности). Наконец, есть обряды утренние и вечерние, совершаемые после восхода Солнца или перед ним. Общий вывод, который можно сделать по данному вопросу, — несомненная психофизиологическая основа магии, магическое действие как опосредованная реакция организма и сознания на смену космобиологических ритмов жизни^а. (^а Такие выводы можно сделать как на базе непосредственных свидетельств магических текстов, так и на основании помесячных комментариев на ритуалы и астрологических предсказаний. Подробнее см.: Reiner E. *Astral Magic in Ancient Babylonia*. Philadelphia, 1995; Емельянов В. В. *Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака*. СПб, 1999 (в частности, ссылки на тексты в изданиях Ц. Абуша и В. Фарбера в разделе о V месяце ниппурского календаря).)

В-третьих, уже с начала XX столетия была заметна этическая сторона магических текстов и операций. И богословы, и социологи от истории находили в вавилонских заговорах и молитвах промежуточную стадию от этики ритуала и табу к религиозному понятию греха и его искупления. Было справедливо замечено, что в шумерской древности этикет существовал только в отношении к богам и власти, а причина человеческих несчастий могла заключаться чаще во внешних обстоятельствах (судьба, колдовство, нападение демонов), нежели в самом человеке. Человек нарушал табу, установленные традицией (наступал на грязную воду, на обрезанные ногти или волосы подмышек), и нес за это ответ, но мог и быть наказан богами без вины, поскольку, как говорит один шумерский текст, «ни одно дитя не вышло безгрешным из женского лона». В вавилонское же время устанавливается этикет межчеловеческих отношений, и понятие проступка все более распространяется на преступления морального характера, т. е. на преступления перед людьми^а. (^а Очень подробно об этом см. в книге: Ключков И. С. *Духовная культура Вавилонии*. М., 1983 (раздел «Этические представления вавилонян»). Однако еще раньше эти же проблемы подняты в: Тураев Б. А. *История Древнего Востока*. Т. I. М., 1936. С. 138-142) Грешник, совершая порицаемый поступок, удаляет от себя личного бога или богиню, ранее хранивших его, и приближает злых демонов, влияние которых естественно, поскольку рядом со злом может пребывать только другое зло. Заклинания содержат огромные перечни прегрешений, которые перечисляет маг, умоляя богов простить больного человека. На этом этапе развития религиозной мысли моральные проступки, конечно, еще смешиваются с ритуально табуированными, и жрец просит у богов прощения не только за прегрешения данного человека, но и за проступки его родичей, которые могли повлиять на судьбу этого несчастного. Да и религиозность вавилонянина не отличается постоянством — к богам и магам он обращается только в случае крайней нужды или тяжкой болезни, а в остальные дни предпочитает предаваться веселью и грешному поведению (следуя известному совету

хозяйки Сидури из эпоса о Гильгамеше). Гораздо чаще должен каяться в своих проступках царь, поскольку за его грехи боги могут наказать всю страну. Именно поэтому большая часть магических текстов Ассирии связана с царским ритуалом.

В 1995 г. в городе Вассенаре (Нидерланды) состоялась первая в истории ассириологии конференция, специально посвященная вопросам магии и ритуала. Лучшие доклады, прозвучавшие на этой конференции, были опубликованы спустя три года в сборнике «Mesopotamian Magic: Textual, Historical, and Interpretive Perspectives». Какие же перспективные идеи в области изучения магии представлены в этом издании? Давайте совершим беглый обзор теоретической части сборника. В статье В. ван Бинсбергена и Ф. Виггер-мана «Магия в истории: теоретическая перспектива и ее приложение к древней Месопотамии» магия рассматривается как человеческий опыт в области контроля над природой, собственным телом, социальной средой и государственными институтами. Специфика этого опыта состоит в том, что магия относится к вне-божественной (non-theistic) сфере и отражает представления общинного периода. По мере развития государства усиливается царская власть, а вместе с ней развивается религия и почитание божества, контролирующего значительную часть культурного пространства. Однако с ростом религиозных институтов магия не отмирает, а органично существует внутри них. Доминирующее положение магии возобновляется к концу ассирийской цивилизации, и этот факт является индикатором упадка государственности в Ассирии. По мнению авторов статьи, магия не была в Месопотамии контр-идеологией (хотя и была противоположна устремлениям царей к объединению общин в единую нацию), но органично вписалась в существовавшую идеологию, местами сливаясь с ней. О переходе от магической идеологии к религиозной можно судить по двум категориям шумеро-аккадской культуры. Категория МЕ (потенция, воля к проявлению), по мнению авторов, связана с внебожественной сферой естественных сил, и на ранних этапах развития идеологии в Двуречье именно она была доминирующей в государственных ритуалах. Однако по мере усиления государства в Вавилонии эта категория вытесняется категорией НАМ (судьба) или НАМТАР (определение судьбы), манифестирующей принцип организации пространства и времени в единую субстанцию и лучше всего выражающей принцип единовластия в Месопотамии. Таково мнение ван Бинсбергена и Виггермана, мнение, с которым можно долго и доказательно спорить. Но мы не хотим вовлекать читателя в сложную дискуссию. Скажем только, что в шумерской словесности категория МЕ никогда не употребляется отдельно от имен богов, которые ею обладают (следовательно, МЕ не относится к внебожественной сфере), а категория НАМ с древнейших времен связана с МЕ, да иногда еще и каузальной связью: что лишено потенции, то не имеет и оформления, т. е. судьбы. Что же касается основного постулата статьи, то с этнологической точки зрения авторы правы: в самом деле, у всех человеческих обществ есть магия, но только государственно развитые имеют религию. Однако вряд ли стоит, стадийно разделяя магию и религию, полагать, что и сами древние рассматривали их как разные области психической деятельности. Это слишком модернизаторский подход к предмету. Напротив, жрецы ассирийских храмов были одновременно и магами, поскольку в их служебные обязанности входило проведение ритуалов и исцеление пораженных «порчей». Если же и говорить о каком-либо антагонизме, то не об антагонизме магии и религии (что нелепо для древней Месопотамии), а о взаимной неприязни государственных жрецов-магов и колдунов-частников, насылавших порчу по частным заказам, т. е. о конфликте между белыми и черными магами, получившим отражение, например, в серии «Маклу». Из работ других авторов сборника отметим статью о поэтике магии, в которой Н. Велдхвис правильно исключает магические тексты из сферы изящной словесности, поскольку цель магии иная — именно, воздействовать на порядок вещей, а не услаждать слух виртуозностью слова. Интерес представляют также статьи М. Геллера и М. Стола о медицинских и психологических аспектах месопотамской магии. В частности, М. Геллер в работе «Фрейд и месопотамская магия» утверждает, что заклинания служили специфическими защитными механизмами против различных форм неврозов; с этих же позиций М. Стол в статье «Психосоматические заболевания в древней Месопотамии» пытается описать встречающиеся в заклинаниях указания на заболевания

нервной системы и половых органов. Однако Стол вводит материал в социальный контекст, показывая, что заболевание тяжело переживалось человеком не только по причине чисто физических страданий, но и по причине выпадения из правил общинной жизни, а значит — и из всего мирового порядка. Недомогание человека поэтому было угрозой всему мирозданию, созданному богами. Особого внимания заслуживает и работа А. Ливингстона «Магия времени», в которой он исследует связь магических операций со временем календарного ритуала. Им выделены три типа источников, выражающих эту связь: 1) магические тексты, в которых жрец отождествляет свои действия с конкретным днем праздника; 2) списки праздников, посвященных главным божествам пантеона, терминология которых связана с культовым календарем; 3) различного рода числовые и знаковые игры (протогематрии), связанные с названием и числами дней месяца^а. (^а Abusch T.; van der Toorn K., eds. *Mesopotamian Magic: Textual, Historical, and Interpretive Perspectives*. Groningen, Styx, 1998 (Studies in Ancient Magic and Divination 1).)

Дискуссии, которые происходят в настоящее время среди исследователей ассирийской магии, все больше напоминают тенденцию начала прошлого столетия, с той только разницей, что если в ту пору все библейские рассказы пытались вывести из шумерских мифов, то теперь желающие обнаружить месопотамско-библейские религиозные параллели стали выводить шумерские культурные реалии из семитских реалий и даже из семитских слов. И американские, и европейские библеисты, кажется, готовы признать несамостоятельность шумеров не только в религиозных вопросах, но и в вопросах материальной культуры. Поэтому, например, аккадскому (т. е. восточноевропейскому) слову *этемму* — «дух», образованному от шумерского *гидим*, пытаются найти семитский прототип *кадим* — «древний; предок». Точно по тому же принципу аккадское слово *карум* — «пристань», образованное от шумерского *кар*, теперь выводится из чадского *каура* «править лодкой». Получается, будто шумеры не могли в процессе накопления своего социального опыта самостоятельно образовать эти слова, а пошли за помощью к афразийским народам, чтобы те научили их называть то, что в шумерском никак не поддавалось именованию. Предположить в шумерах такую степень слабоумия никак нельзя, поэтому следует признать методологическую несостоятельность большинства подобных попыток «семитизации» шумерской культуры (как в материальной, так и в духовной сфере культуры). Как это получилось, хорошо понятно. Дело в неравномерном развитии шумерологической лингвистики и сравнительного изучения семито-хамитских (или афразийских) языков. Ведь мы до сих пор не знаем родственников шумерского языка, потому нам и неведомы шумерские этимологии. Афразийские же, наоборот, становятся все более ясны. Отсюда и возникает у многих исследователей желание объяснить шумерское слово через семитское (то есть менее ясное через более ясное). Конечно же, эта тенденция пойдет на спад в случае обнаружения родственников шумерского языка, но пока такой случай науке не представляется. Пока нам приходится отбиваться от гипотез, по которым большинство шумерских имен духов и демонов, встречающихся в шумерских магических текстах и затем в измененном виде перешедших в вавилоно-ассирийские, происходят... или из языка вавилонян, или вовсе из каких-то западносемитских языков. Как будто у шумеров не могло быть своих духов и своей магии!.. Еще одна странность, посетившая ассириологический мир в связи с магией, — стремление вывести происхождение всех духов и демонов из частей человеческого тела. При этом совершенно игнорируются множество источников, исходящих из внешней среды, а средоточием ментально-духовной субстанции человека объявляется **кровь**^а. (^а Квинтэссенцию такого современного представления о происхождении духов в Месопотамии см.: Abusch T. «God and Ghost: Some Observations on a Babylonian Understanding of Human Nature». // *Self, Soul and Body in Religious Experience*. Leiden-Boston-Koln, 1998. P. 363-383. Там же содержится и идея заимствования шумерских названий для духов из семитских языков. Этимологическая «семитизация» шумерского присуща в России работам А. Ю. Милитарева.) Опять в этом проступает что-то семитское или, точнее, афразийское. Это у египтян человеческое тело было источником множества субстанций, это у семитов кровь священна и связана с божеством. Но с такими взглядами вряд ли согласились бы духовные предки ассирийских магов — шумеры, для которых кровь и упоминания о ней были табуированы, а демоны связаны с явлениями природы, существовавшими в контексте календарного ритуала. Проблема очень сложна и может привести ученый мир к выводу о различных семантических полях, связанных с одним и тем

же демоническим существом в шумерской и семитской традиции Месопотамии. Там, где у семитов дух выступает как часть тела, связанная с кровью, — у шумеров тот же самый дух может воплощать энергию природного феномена... Впрочем, это проблема текущего момента, и она еще далека от разрешения.

Каждая эпоха открывает в наследии прошлого что-то свое, о чем само это прошлое, быть может, и не догадывалось. Мы надеемся, что знакомство с книгой Шарля Фоссе об ассирийской магии станет для российского читателя не только занимательным чтением, но и трудоемкой работой по освоению чужой культуры с целью преобразования собственной. Хочется верить, что хорошие книги старых авторов не меньше, чем картины старых мастеров, способны пробудить в человеке наших дней культурную память и жажду культурного сотворчества — состояние, в котором он почувствует себя сперва мудрым ассирийским магом, пишущим что-то на глиняной табличке, а затем — французским профессором, внимательно читающим текст заклинания с этой таблички. Тогда в нем заговорят времена и пространства, в диалоге с которыми только и возможен подлинный человек.

В. В. Емельянов

ВВЕДЕНИЕ

Как нам представляется, в жизни древних египтян доминировала идея смерти. Их озабоченность ею была столь живой и постоянной, что на все наложила свой отпечаток. Погребальная архитектура, естественное порождение философских размышлений о будущей жизни, на берегах Нила получает развитие, которому, вероятно, нет равных, а эсхатологическая литература, как по количеству, так и по важности сохранившихся документов, образует одну из наиболее значительных групп текстов, доступных изучению египтологов. Напротив, среди столь многочисленных теперь текстов, которые дала нам земля Ассирии и Вавилонии, нет ни одного, по крайней мере из числа опубликованных, который был бы посвящен собственно погребальным церемониям, и ни одного, непосредственной и преимущественной задачей которого было бы изложение учения о состоянии человека после смерти^а. (^а В XX веке было найдено несколько шумерских композиций, имеющих отношение к смерти и загробному миру: «Нисхождение Инанны в подземный мир», «Энлиль и Нинлиль», «Нисхождение Ур-Намму в подземный мир», «Гильгамеш, Эн-киду и Подземный мир», «Смерть Гильгамеша», «Погребальные элегии». Здесь излагаются основные представления о существовании человека (или бога) после ухода из мира живых. Вместе с тем нужно признать правоту автора: во всех перечисленных текстах основное внимание уделяется миру бытия и материальным отношениям между мирами, в то время как жизнь в загробном мире представляется безрадостной и недостойной подробного описания. Вне сомнения также и ритуальный характер этих композиций.) Мы не находим никаких аналогов египетским *Текстам Пирамид* или *«Книге мертвых»*. *«Нисхождение Иштар в преисподнюю»*, наиболее важный ассирийский текст о жилище мертвых, которым мы располагаем, является не более чем дидактическим трактатом о потустороннем мире. Это назидательная история, созданная и воспроизводившаяся с целью объяснить и обосновать ежегодные церемонии в честь Таммуза и призвать смертных не пренебрегать ими; описание преисподней, куда Иштар проникает, чтобы вернуть своего возлюбленного, — лишь эпизодическая деталь повествования.

Самого существования этого произведения достаточно, чтобы при необходимости доказать, что вавилоняне не оставляли без ответа те вопросы, которые перед каждым ставит смерть близких, и что не следовало бы делать слишком категоричных выводов об отсутствии документов, которые завтра нам может принести один удар кирки. Тем не менее, кажется, можно утверждать, что в своих размышлениях вавилоняне отдавали предпочтение другому предмету¹. Для них не имело большого значения обеспечение будущего существования своего *двойника* и защита души в ее странствиях к полям Иалу путем надлежащего приготовления места захоронения. Предметом их беспокойства была жизнь в этом мире; именно она нуждается в защите от множества пагубных влияний, которые беспрестанно ей угрожают, и потому они постоянно находились настороже. Предугадать при помощи всевозможных способов гадания, начиная с изучения внутренностей и кончая наблюдением за звездами, могущие обрушиться неблагоприятные события, предотвратить их с помощью магических приемов — вот что было их постоянной заботой. Любопытное подтверждение тому предоставляют опубликованные Харпером² ассирийские письма. Эти письма, адресованные ассирийским царям их военачальниками и сановниками, затрагивают самые разные темы: в одном говорится о войне племен, другое сообщает о прибытии коней; рядом с прошением или ходатайством о повышении в чине — письмо некоего управляющего, рассказывающее о бедственном состоянии загородного дома³. Но, кажется, наиболее многочисленны ответы астрологов или прорицателей на вопросы царя, который, будучи обеспокоен какими-то предзнаменованиями или просто желая знать, насколько благоприятны для него обстоятельства, советовался с ними. Вот, например, очень краткая записка Иштаршумереша царю⁴.

«Господину моему царю — твой слуга Иштаршумереш! Привет господину моему царю, да благословят господина моего царя Набу и Мардук! По поводу того, о чем приказал мне господин мой царь: «Написано ли там внутри проклятие», я произвел проверку. Его там нет; никакого проклятия не написано».

В стране, где по всеобщему убеждению знание будущего было столь значимо и где одновременно человеку безоговорочно приписывалась власть изменять ход событий при помощи определенных жестов или слов, практика гадания и магия, естественно, должны были занимать важное место и породить обширную литературу. Тщательные раскопки в

Ассирии и Вавилонии, пусть они открыли нам лишь бесконечно малую часть скрытых в земле сокровищ, тем не менее дают достаточно верное представление о развитии этой литературы. Предзнаменования и заклинания определенно составляют более половины дошедших до нас ассирийских религиозных текстов, и невозможно предположить, что новые находки смогут изменить это соотношение. Даже документы, не имеющие отношения к собственно магической и гадательной литературе, такие, как легенды и исторические надписи, также содержат частые намеки, свидетельствующие о значении прорицателей и магов. Именно маг руководит началом ирригационных работ, предпринятых Сеннахерибом⁵ в долине Омеля, а в походах Ашшурбанипала сновидения играют не менее заметную роль, чем в легенде о Гильгамеше. Даже уже выработав зрелое представление о божестве и став способными на то религиозное чувство, о котором свидетельствуют некоторые гимны или надписи Навуходоносора и Набонида, ассирийцы и вавилоняне, тем не менее, не отказались от магических практик. У них совсем не существовало конфликта между магией и религией, но, как мы это покажем, наблюдался тесный союз двух предлагаемых ими человеку образов действия — заклинания и молитвы. Следовательно, история того, что совершенно неверно назвали халдейскими «тайными оккультными науками» — все происходило явно, при свете дня, — это один из предметов, заслуживающих наибольшего внимания со стороны тех, кто интересуется религиозной эволюцией Ассирии-Халдеи.

Между тем новизна этого предмета никоим образом не уступает его значимости. Без сомнения, Фр. Ленорман проторил путь своими двумя работами, последовательно вышедшими в свет в 1874: «Магия халдеев - аккадские истоки» (*Le magie chez les Chal-deens et les origines Accadiennes*) и в 1875 «Гадание и предзнаменования у халдеев» (*La divination et la science des presages chez les Chaldeens*), опубликованными под общим названием «Оккультные науки в Азии» (*Les sciences occultes en Asie*). Однако целую область гадательных наук, и не последнюю по значению, а именно астрологию, автор оставил без внимания, совсем не касаясь ее. С другой стороны, множество новых текстов, опубликованных за двадцать пять лет, и успехи, достигнутые в понимании тех, которые знал и использовал Ленорман, дают нам право полагать, что теперь можно продолжить его очерк, имея кое-какие шансы продвинуться дальше и сделать его более точным и исчерпывающим. Именно это я и попытался сделать, и предлагаемая вниманию читателя книга о магии открывает серию, в которой я последовательно коснусь астрологии и других способов гадания.

В конце этого исследования я прилагаю магические тексты, которые публикуются впервые, за исключением ритуалов и больших серий заклинаний *ниш кати* (*nis qati*), *Маклу* (*Maqlu*) и *Шурпу* (*Surpu*), изданных Кингом, Талквистом и Циммерном (см. ниже); в работах этих ученых мне придется сделать лишь небольшие исправления⁶. Те же, кто пожелает взять на себя труд сравнить мои переводы с работами моих предшественников, легко убедятся, что они зачастую очень сильно различаются. Я говорю это не из тщеславия, и читателя, чуждого ассириологии, это не должно смущать. Я не утверждаю, что разрешил все трудности, а если я смог несколько продвинуться вперед в объяснении магических текстов, то я обязан этим прежде всего работам выдающихся ассириологов, среди которых следует назвать Опперта для Франции и Йенсена, Циммерна и Делича для Германии. Замечательный словарь Делича⁷ наконец позволил определенным образом обосновать ранее достаточно туманный смысл огромного количества слов. Героический период ассириологии закончен. Теперь разъяснение трудных слов требуется нам не ради более или менее успешного сопоставления с корнями, извлеченными из всех разделов семитской лексики, а для сравнения целых ассирийских текстов, которые их содержат. Не нужно быть ассириологом, чтобы понимать, что этот метод обеспечивает совсем другую степень безопасности и что, впервые объединив тексты, которые еще никто не переводил вместе, - многие переводчики ограничивались тем, чтобы извлечь отрывок, который их интересовал или казался им самым легким⁸, — я смог разрешить определенное количество трудностей, не поддавшихся моим предшественникам, или избежать ошибок, в которые они впали. Примечания, помещенные в конце книги, будут, каждый раз, когда это необходимо, объяснять, почему я отдал предпочтение тому, а не иному смыслу, и, я надеюсь, послужат оправданием моего выбора.

Впрочем, я отметил свою неуверенность везде, где смысл показался мне недостаточно обоснованным, и отказался от перевода некоторых технических терминов, названий веществ и инструментов, чтобы не сообщить своим читателям иллюзию точности.

Еще больше, чем всем этим работам, я обязан любезности и знаниям П. Шейля, который никогда не оставлял меня своими советами и которому я счастлив выразить здесь свою благодарность.

Прежде чем начать, я должен добавить еще несколько слов по поводу принципов, которыми я руководствовался в этой работе. Я решительно отклонил все, что могло лишь увеличить объем книги, не проясняя проблему. Так, я ничего не скажу по шумерскому вопросу, которому посвящена добрая половина книги Ленормана. Я признаю всю его серьезность и даже думаю, что нашел окончательные аргументы для его решения⁹, но считаю, что это вопрос прежде всего лингвистический и что в любом случае сослаться то на присутствие туранцев в Халдее, чтобы объяснить существование халдейской магии, то на существование халдейской магии, чтобы доказать присутствие туранцев в Хал-Дее, — плохой метод. Магия — явление настолько универсальное, что не может служить для демонстрации связи между двумя народами, и везде, где ее можно обнаружить, одинаково оправданным будет предположение как о ее спонтанном создании, так и об унаследовании. Я равно воздержался и от поиска преемников ассирийской магии. Очень правдоподобно, что с возвращением евреев в Палестину после Вавилонского пленения на берега Иордана пришли и халдейские суеверия, и вообще магия Талмуда многим обязана постоянным связям между евреями и халдеями, начиная с ухода Авраама из Ура в Халдею до раввинисти-ческих школ в Вавилоне. Возможно, что сабеизм также воспринял не один вавилонский обряд и испытал значительное влияние цивилизации, авторитет которой на целые столетия пережил разрушение Вавилона. Однако исследовать ее пережитки чрезвычайно трудно, если не сказать невозможно, идентичные обряды встречаются во всех концах света, причем нельзя вообразить и малейшей связи между народами, которые их практикуют. Только хорошо установленная письменная традиция способна продемонстрировать передачу практик и верований; но я не знаю заклинания, еврейского или мандейского, которое можно было бы назвать переводом ассирийской магической формулы¹⁰. Я не искал ассирийских следов среди осколков греческой и латинской магии по более веской причине. Завоевание Востока Александром, а затем римлянами, несомненно, открыло Грецию и Италию халдейским влияниям. Однако многие из шарлатанов, которые сильно распространились по Средиземноморью, были халдеями только по названию, и, как это очень хорошо показал г-н Буше-Леклерк¹¹, их влияние на греческую астрологию было почти нулевым. Для магии, приемы которой менее специфичны, представить подобное доказательство труднее. Оно предполагает, во всяком случае предварительно, точное знание ассирийской магии. Мне было бы достаточно способствовать его получению, и я бы полагал, что этим послужил компаративным исследованиям лучше, чем сопоставлением, час которого, возможно, еще не настал. Наконец, я не стремился придать этой работе блеск эрудиции, столь же напрасной, сколь и легковесной, приводя по поводу каждого ритуала все сходные примеры, разбросанные по сборникам фольклора. Мне кажется по меньшей мере бесполезным ставить в один ряд с неким явлением все явления того же рода, если тем самым не достигается их более полное понимание, и этот метод представляется мне обреченным в силу одного того, что то же самое можно повторить для каждого элемента сравнения, если его, в свою очередь, принять за эталон. Всякое сравнение, которое не является объяснением, — это ненужная роскошь, и именно поэтому я ограничился тем, чтобы справиться у иноземных магий о смысле некоторых ассирийских практик, которые в них можно обнаружить в упрощенной или более явной форме.

Конечно, даже если бы я создал только достоверную и полную картину ассирийской магии, то был бы уверен, что проделал полезную работу. Истина имеет несомненную ценность, независимо от того, каково будет ее применение. Но мне кажется, что этот вопрос представляет общий интерес. В силу своей древности и долговечности ассирийская магия кажется мне особенно пригодной для выяснения некоторых проблем, интереса к которым никому не избежать. Являются ли магия и религия, как обычно это считают и как, по-ви-

димому, часто подсказывает их антагонизм, совершенно различными вещами, или у них есть общее основание? Каковы отношения магии и религии с точки зрения первенства? Если магия, как я полагаю, первична, то стал ли приход религии ей на смену удачным шагом вперед или, напротив, задержал развитие позитивной науки на несколько тысяч лет? Я был бы счастлив, если бы изучение клинописи смогло несколько прояснить эти вопросы. Во Франции ассириология не получила того развития, на которое мы имеем право надеяться в стране, где преподает г-н Опперт, которого Роулинсон¹² назвал «отцом ассириологии». Возможно, дело в том, что слишком многие склонны видеть в своих исследованиях лишь удовлетворение праздного любопытства и не понимают всей их исторической и философской важности. Я бы хотел, чтобы это исследование помогло им выйти из заблуждения и пробудило какую-то заинтересованность. Наконец, мои усилия были бы щедро вознаграждены, если бы г-н Масперо, мэтр, замечательные труды которого по поводу египетской религии заставили меня полюбить Восток и решиться ради него покинуть греческие красоты, смог признать, что эта книга произвела некоторое поступательное движение в познании самых давних суеверий древней Халдеи.

Париж, 31 октября 1901

ИСТОЧНИКИ

Источники изучения ассирийской магии, которыми мы располагаем, принадлежат к трем совершенно различным категориям. Прежде всего мы имеем амулеты с надписью или без нее; затем *кудурру* и *темену* с их формулами проклятия, о которых мы в дальнейшем поговорим подробно. Однако наиболее важную группу образуют собрания заклинаний и ритуальных формул, которые сохранили для нас клинописные таблички. Эти таблички представляют собой тонкие глиняные пластинки, прямоугольной формы, толщиной приблизительно от 1 до 3 сантиметров, исписанные с обеих сторон, часто в несколько столбцов, таким образом, что верх оборотной стороны примыкает к низу лицевой, или, если угодно, чтобы перейти с лицевой стороны на обратную, нужно перевернуть табличку не через левый край, как страницы наших книг, а через верх. Столбцы, расположенные слева направо на лицевой стороне, на обороте идут справа налево. Размеры и значимость этих табличек сильно рознятся; некоторые содержат лишь несколько строчек, но их у нас насчитывается до 223 (*Маклу II*) или даже 353 (*утукку лемну V*). На одной табличке обычно бывает написано несколько заклинаний. Каждое из них обозначается словом *шипту* (заклинание), помещенным в начале первой строчки; оно отделено от следующего горизонтальным штрихом. Большая часть заклинаний дошла до нас в виде сборников, состоящих из различного количества табличек. Каждый из этих сборников получал название либо от одной из важнейших церемоний, сопровождавших чтение текста, либо от изгоняемого демона или болезни, которая должна была быть излечена. Так, две из наиболее хорошо известных в настоящее время серий называются *Маклу* и *Шурпу*, оба эти слова, с оттенками, которые пока от нас ускользают, обозначают горение; заклинания, которые в них входят, действительно предназначались для прочтения во время уничтожения огнем изображений колдунов и колдуний или символических предметов. Молитвы *ниш кати*, или «воздеяния рук», как указывает их название, должны были читаться с поднятой рукой, и рельефные изображения часто воспроизводят этот молитвенный жест. Серии *утукку лемну* (*utukku lemnu*), *ламашту* (*lamastu*) и *муруц каккади* (*murus qaqqadi*) использовались против зловредных демонов (*ламашту* - *lamastu*) и от головной боли. Эти сборники, как и другие литературные произведения, также обозначались первыми словами первой таблички. Подобно тому, как поэма о сотворении мира называлась *энума элит* (*enūma elis*), серия *Маклу* также называлась *alsikinusi ilani musiti*, как об этом свидетельствует вариант финальной надписи на одном из экземпляров первой таблички¹. Возможно даже, что эти названия, *Маклу* и *Шурпу* которые не соответствуют чистой классической традиции, не являлись первичными, и следует видеть в них след народного словоупотребления, которое впоследствии было для краткости принято и в литературе².

Каждая из табличек серии имеет порядковый номер: первая, вторая... табличка *Маклу*; четвертая, пятая... табличка *Шурпу*. Эта пометка предшествует первой строке следующей таблички. При отсутствии нумерации подобного начала оказалось достаточно, чтобы восстановить порядок табличек. Таким образом, за последним заклинанием первой таблички *Маклу* идет строка следующего содержания: «Заклинание. Нуску, государь, владыка двух держав». Эта строка снова встречается в начале второй таблички, которая действительно начинается с заклинания, адресованного Нуску. Некоторые серии были очень большими. Так, молитва № 30 из серии *ниш кати*, опубликованной Кингом, в серии *шипту* (*siptu*) является табличкой № 134. Мы не обладаем столь важной серией в полном объеме. У нас есть пятая и шестая таблички из серии *утукку лемну* и девятая — из серии *муруц каккади*, и так как все эти таблички содержат начальную строчку, мы можем утверждать, что в эти серии входило по меньшей мере по семнадцать и десять табличек соответственно. Серия *Шурпу* содержала не более девяти табличек³, так как девятая не содержит начальной строчки, которая вводила бы десятую, и после номера девять мы читаем пометку на шумерском: *za₃-ti!₃-la-bi-se₃*, немецкий перевод которой, сделанный Циммерном, «*и последняя*», возможно, не является дословным, но достаточно хорошо передает смысл.

По той же причине мы можем быть уверены, что серия *Маклу* содержала не более восьми табличек. Семь первых содержат заклинания, к которым присоединяются некоторые краткие ритуальные указания. Восьмая, к сожалению, очень поврежденная, по большей части посвящена ритуалам и церемониям, относящимся к различным заклинаниям. Я говорю «по большей части», а не «в целом», как могла бы убедить реконструкция, на мой взгляд, ошибочная и не выдерживающая критики, предложенная издателем серии г-ном Талквистом. Первая строка восьмой таблички дается, в соответствии с вышеописанным, в конце седьмой. А именно «Заклинание. Я жду тебя, солнце, о, господин, пока ты не взойдешь». Действительно, после заклинаний седьмой таблички мы снова встречаем это заклинание первым (строка 73) в списке заклинаний и сопровождающих их ритуалов. Но помимо того мы находим ритуальные предписания для шести заклинаний, озаглавленных: «Шамаш взошел, я совершаю очищение рук. — Колдунья перешла через мост; я воздел руки. — По приказанию (?) Нинурты они призвали бога Аталу на горе. — Рот произнес зловещие слова; я воздел руки. — Колдунья, волшебница, излила яд своего колдовства в мое тело. — Во тьме ты наполнил водой сосуд *бурзигалшар*». Следовательно, в начале восьмой таблички, перед ритуальными предписаниями, которые завершают ее и всю серию, имелось еще шесть заклинаний.

Мы не располагаем сборником заклинаний, предназначенным для колдунов и колдуний. Если подобные книги когда-либо существовали, то они должны были тщательно храниться теми, кто ими владел, и с не меньшим старанием уничтожаться теми, кто, не практикуя колдовства, мог случайно стать их обладателем. Однако заклинания, направленные против козней колдунов, позволяют нам получить достаточно полное представление об их приемах, так как похоже, что во многих случаях жертва колдовства стремится перечислить все средства, при помощи которых оно могло быть на нее наведено; и этот список должен был быть исчерпывающим, поскольку одно-единственное упущение лишало или могло лишить обряд экзорцизм желаемого эффекта. На самом деле одной из характерных черт всякой магии является самый строгий формализм: слово и жест всемогущи, но при условии точного соответствия ритуалу и надлежащего подбора для того конкретного случая, о котором идет речь. Значит, вполне возможно, что список, подобный тем, с которыми мы встретимся, должен был исчерпывать весь набор возможных чар. В любом случае, поскольку экзорцизм, как мы это увидим, является зеркальным отражением колдовства, мы сможем с некоторыми оговорками применить к последнему все то, что содержится в заклинаниях относительно тех приемов, которые, по убеждению халдеев, позволяли им бороться с колдовскими чарами.

Заклинания — это формулы, которые повторяются в определенный момент магических действий и могут дать об этих действиях лишь косвенное представление: исходя из слова, мы делаем вывод о жесте. Например, вполне очевидно, что тот, кто произносил такие слова: «Да будут твоё колдовство, твои чары, твои приворотные снадобья, твои губительные разрушения, твои враждебные чары, твоё зловредное искусство, твоя любовь, твоя ненависть, твои враждебные слова, твои проклятия, твои несчастья, твоё хула сняты водой моего тела и водой, которая очистила мои руки»⁴, одновременно осуществлял омовение, целью которого было очищение. Однако так же часто мы обнаруживаем, что вслед за неким заклинанием идут несколько строк, перечисляющих те действия, которые оно должно сопровождать или которым предшествовать. Наконец, ассирийцы составили целые сборники, посвященные исключительно ритуальным предписаниям. Сейчас эти тексты, которыми ассириологи долгое время пренебрегали из-за трудностей в интерпретации языка, изобилующего техническими терминами, начинают раскрывать свои тайны. Первым на этот путь бесстрашно вступил г-н Циммерн, опубликовав свой труд «Ритуальные таблички для предсказателей, заклинателей и певцов» *Ritualtafeln für Wahrsager, Beschwörer und Sanger*. Там можно получить не одну интересную деталь, которую пришлось бы напрасно искать в заклинаниях.

Большая часть религиозных текстов, которыми мы располагали до настоящего времени, происходят из библиотеки Ашшурбапипала, которую частично раскрыли для нас

раскопки Куянджика. Их происхождение подтверждается конечной надписью, повторяющейся одинаковым образом почти на всех этих табличках, и примеры которой можно в большом количестве обнаружить в наших магических текстах⁵. У нас также есть несколько текстов, происходящих из частных библиотек; так, одна из копий первой таблички *Маклу*⁶ принадлежала Набубанунни. Судя по стилю, она также относится к эпохе Ашшурбанипала. Его правление началось в 668 и закончилось около 626 г. до и. э., следовательно, если собранные в его библиотеке документы были оригинальными, мы располагаем текстами лишь очень недавней эпохи⁷. Однако, как можно было бы предположить и как позаботились сообщить нам писцы, эти таблички являлись точным воспроизведением очень древних текстов. Действительно, зачастую после начальной строчки мы можем прочесть надпись: *kima labirisu satirma bari*, что значит: «скопировано в соответствии с оригиналом и сверено». Кажется, что для Ассирии-Вавилонии период создания оригинальных текстов закончился в достаточно отдаленную эпоху: в любом случае благоговейное копирование древних книг не прекращалось никогда. Копирование гимнов, написанных, как представляется, не позже правления Хаммурапи (1792-1750 г. до н. э.)⁸, продолжалось и в эпоху Аршакидов, в 81 г. до н. э. Если бы даже сами писцы явным образом не известили нас о том, что исполняли работу копировщиков, мы смогли бы определить это по некоторым признакам. В наших текстах много раз встречается надпись *hibessu*, которая означает «отбито» и указывает на то, что уже древним писцам случалось иметь под рукой лишь один, поврежденный, экземпляр. Иногда объяснение бывает более полным, например, читаем: *tuppi ul salim ul alsies*, «табличка повреждена, я не могу прочесть»¹⁰. К тому же состояние текстов показывает со всей очевидностью, что они неоднократно редактировались и перестраивались. Так, Циммерн¹¹ разъяснил, что искать пятую табличку *Шурпу* нет смысла; шестая следует за четвертой, что доказывает начальная строчка, которая заканчивает одну и начинается другую. Эта явная лакуна объясняется тем, что наши экземпляры четвертой и шестой табличек принадлежат к разным редакциям, неодинаково подразделявшим заклинания этой серии. Кинг также отметил следы многочисленных правок в молитвах *ниш каму*. В качестве примера он приводит¹² такой текст: *Siptu... beltu surbutu ummu remem'tu asibat same elluti* (Заклинание... величественная жена, милосердная мать, та, которая живет на сияющих небесах). В № 6, где эта молитва обращена к богине Бау, она помещается между молитвами Сину и Шамашу; в копии D ей предшествует несколько ритуальных предписаний, в то время как в копии E она оказывается первой. Мы встречаемся с той же самой молитвой в № 7, где за ней идет молитва Ишаре, и в № 4, где текст настолько изменен, что «практически образует новое заклинание». Наконец, восьмая табличка серии *Маклу* предоставляет нам еще одно любопытное доказательство правки, которое, как я убежден, до сих пор не было замечено. Как я уже говорил, эта табличка указывает ритуалы, соответствующие каждому заклинанию, которое обозначается первой строчкой. Так, в строке 58 читаем: «Заклинание, лучшее из заклинаний, отгоняющих [чары]. Он сделает изображение колдуна и колдуньи и поместит его в сосуд для омовения, и т. д.». Следом идут предписания, относящиеся к заклинанию «Я омыл руки и очистил тело». Восьмая табличка без пропусков или перестановок перечисляет заклинания в том же порядке, что и предыдущие. Однако на седьмой табличке (стрк. 107-114) мы находим, между двумя только что процитированными, заклинание *kisriki kussir*, для которого на восьмой не имеется никакого ритуального предписания. Следовательно, заклинание *kisriki kussir* являлось более поздней вставкой по отношению к той редакции восьмой таблички, которой мы располагаем, если только нам не следует заподозрить ее переписчика в пропуске. Во всяком случае, отсутствие согласованности показывает, что текст подвергался более или менее произвольным переработкам со стороны переписчиков и что он старше эпохи Ашшурбанипала. К сожалению, это самое точное из того, что мы можем сказать по поводу хронологии наших документов. Очень правдоподобно, что ассирийцы позаимствовали у вавилонян их магическую литературу, как и многое другое, но у нас нет прямого и безусловного доказательства, и, главное, мы не можем утверждать, что они к ней ничего не добавили. Даже тот факт, что большая часть заклинаний составлена на двух языках, не доказывает того, что они представляли собой наследие народа, населявшего Ирак до семитов. В крайнем случае можно предположить, что

шумерский язык использовался в качестве богослужебного вплоть до эпохи Ашшурбанипала и что обе версии двуязычных магических текстов были написаны ассирийцами: не все песнопения католической церкви являются произведениями римлян или людей, говоривших на латыни. Тем не менее, за неимением точных хронологических указаний, примитивный характер ассирийского магического ритуала заставляет считать его очень давним, и, хотя нам и не удастся установить дату, очень похоже, что ее близость к истине напрямую зависела бы от ее древности¹³.

Часть первая

ЦЕЛЬ МАГИИ

Глава I

ДЕМОНЫ

Ассирийская магия — это, главным образом, оборонительное оружие. Мы почти не видим, чтобы она применялась с целью вызвать благоприятное событие, но почти всегда — с целью предотвратить какое-то несчастье, потому ли, что древний халдей не верил в возможность воздействовать на силы добра, или же, скорее, потому, что он полагал счастье в отсутствии страдания, инстинктивно опережая построения Эпикура. Зло, против которого направлена его магия, — это почти исключительно зло физическое, недуг, боль. Игнорируя истинные причины этого зла, человек относил его то за счет злых духов, постоянно занятых тем, чтобы приводить в расстройство вселенную или терзать его тело, то людей, одаренных высшей силой или обладающих действенными рецептами, то, наконец, более или менее нейтральных явлений, приписать которым пагубное влияние его заставляло поверхностное наблюдение или наивные рассуждения. Следовательно, прежде чем обрисовать приемы ассирийской магии, мы изучим те силы зла, против которых она была направлена: это демоны, в большинстве своем зловердные, колдуньи и рок.

До сих пор мы не располагаем методическим трактатом о демонах на ассирийском языке. У нас имеются лишь те разрозненные и часто туманные данные, которые в основном содержатся в заклинаниях, собранных в конце этой книги и особенно принадлежащих к серии *утукку лемну*. На основании этих обрывков почти никогда нельзя точно установить природу и роль каждого из демонов, да и нет уверенности, что сами ассирийцы имели по этому поводу такие уж сложившиеся представления. Поэтому я считаю преждевременными предпринимавшиеся ранее попытки переводить имена этих демонов, отождествляя их, зачастую слишком уж произвольно, с нашими вампирами, инкубами и суккубами, и предпочел бы, скорее, употреблять ассирийское наименование, нежели наводить читателей на ложные сопоставления. Здесь я ограничусь классификацией и обсуждением того, что сообщают тексты и памятники искусства по поводу демонов вообще и каждого из них в частности, предоставив любителям сравнений хлопоты по установлению степени их родства с демонами других народов.

Ассирийцы различали две, очень отличающиеся по численности и значению, разновидности демонов — добрых и злых. Добрые демоны играют лишь, так сказать, охранительную (*negativ*) роль: они занимают тело человека, дом или дворец, чтобы воспрепятствовать злым проникнуть туда и произвести опустошения. Ассириец совершенно не мог себе представить, чтобы место оставалось пустым: если дух, покровительствующий человеку, покидает его, им не замедлит завладеть злой гений. В соответствии с заклинаниями, именно таким часто бывает происхождение зла: «Его бог покинул его тело, богиня, которая давала ему советы, ушла далеко от него»¹. — «*Аххазу (ahhazu)* встречают человека, на которого сердит его бог, они покрывают его как одежда, они набрасываются на него, наполняют его ядом, связывают его руки, связывают его ноги, терзают его бока, орошают его желчью»². Кроме того, маг обычно сопровождает экзорцизм приглашением добрых гениев вернуться в тело больного: «Злой *утукку (utukku)*, злой *алу (alu)* да держатся в стороне; благотворный *утукку*, благотворный *шеду (sedu)* да придут»³ — «Да войдут во дворец благотворный *утукку*, благотворный *ламассу (lamassu)*»⁴. Таким образом, человек и его жилище постоянно находятся в состоянии одержимости, и, поскольку привлечь добрых духов не менее насущно, чем отогнать злых, первые играют, если угодно, такую же важную роль, как и вторые; но, с другой стороны, поскольку они всего лишь стоят на страже, не делая положительно ничего хорошего, заклинания очень бедны деталями по поводу их

способа существования и деятельности. Как не увидеть в этом новый пример слабости человеческого духа, столь скорого на измышление зла и столь ленивого в рассуждении о благе, столь плодovitого на изобретение пыток для ада и столь скудоумного, когда он желает описать радости рая!

В первый разряд добрых гениев следует поместить божество и богиню, которые ассоциируются с защитой каждого человека, начиная с его рождения. Они вовсе не аналогичны, как утверждал Ленорман⁵, зоро-астрийским фраваша, «чистым формам вещей, небесным существам, соответствующим существам земным, для которых они являются бессмертными прототипами... личными духами каждого создания... в низшем ранге небесной иерархии». Не являются они и «особыми божествами, которые причастны к человеческой природе, ее несовершенствам и слабостям». Если и верно то, что они не могут устоять против силы проклятия, то не в этом состоит особенность, отличающая их от других божеств ассирийского пантеона: существуют формулы, против которых не устоит никакой бог. Наконец, эти божества-защитники не суть духи, в большей или меньшей степени лишенные индивидуальности, подобно католическим ангелам-хранителям. Это совершенно определенные, обладающие именем божества, это божества ассирийские и иногда верховные. Заклинательные формулы оставляют свободным место для имен этих божеств и больших, для которых будут читаться заклинания. Очень часто мы читаем: «Я имярек, сын имярека, бог которого — имярек, а богиня -имярек»⁶. Для того чтобы вернее обозначить больного, к его имени прибавлялось имя его отца и богов-покровителей; значит, эти боги не были туманными абстракциями вроде фраваша. Впрочем, решающим является текст, скопированный специально для Ашшурбанипала. На этот раз формула является полной: «Я, твой Ашшурбанипал, сын своего бога, бог которого — Ашшур а богиня — Ашшурит»⁷. И так, покровителями людей, как и городов, были настоящие боги, имена которых, как мы это видим в только что процитированном тексте, несомненно, служили для образования их собственного наименования, так, например, от Мардука происходит имя Мардук-аплаиддина (Мардук дал сына)⁸, от Сипа — Апилль-Син (сын Сина), от Набу -Набубалатсуикби (Набу приказал, чтобы он жил). Бог держался справа от человека, а богиня — слева: «Пусть мой бог встанет справа от меня, а моя богиня слева от меня»⁹. Не считая тех случаев, когда эти защитники принуждены покинуть своих подопечных, они могут по собственной инициативе лишиться их своей помощи, чтобы наказать за преднамеренный или непроизвольный проступок. Заклинания часто призывают рассерженного бога и богиню вернуться¹⁰. Помимо того, что присутствие бога-покровителя предохраняет человека от происков злых духов, его посредничество может в экстренных случаях обеспечить ему защиту могущественных божеств, к чему их, возможно, не смогли бы ни принудить, ни склонить человеческие заклинания, ни молитвы¹¹.

Собственно говоря, единственными добрыми демонами с полностью установленными чертами являются *шеду* и *ламассу*, мы еще увидим, что существует злой *шеду*. О них часто упоминают царские надписи, благодаря чему мы знаем, что именно они изображались в виде крылатых быков, которых ассирийские цари ставили на стражу у входа в свои дворцы и которые в настоящее время украшают наши музеи. Вот как описывает их г-н Перро¹²: «Голова человеческая, однако вокруг венчающей ее высокой тиары поднимается несколько пар закругленных рогов. Эти рога — один из атрибутов животного, природа которого преобладает у этого составного существа... Тело и ноги бычьи, однако кольца гривы напоминают льва; общую картину довершает пара огромных крыльев, принадлежащих орлу, царю пернатых... Наконец, самое примечательное — это человеческая голова, лицо с резкими чертами, которое так удачно обрамляют массы густых волос и бороды с множеством симметричных завитков. Выражение лица серьезное и величественное, иногда почти улыбающееся, оно удивительно подходит этому таинственному и благожелательному существу, которому халдейское воображение придало этот причудливый облик и это могучее каменное тело».

Список злых демонов гораздо длиннее, чем добрых, и очень возможно, что им эта категория духов, деятельность которых вызывала у ассирийцев трепет, не исчерпывается. В заклинаниях духи зла перечисляются в соответствии с неизменным порядком, но часто не

все. Наиболее полный список представляет нам заговор от колдовства¹³, который называет *утукку*, *алу*, *этем му* (*etemmu*), *галлу* (*gallu*), злого *илу* (*ilu*), *рабицу* (*rabisu*), *ламашту*, *лабацу* (*labasu*), *аххазу*, *лилу* (*lilu*), *ардат лили* (*ardat lili*), *намтару* (*namtaru*) и *асакку* (*asakku*). Каждое из этих имен обозначает не персону, а вид демонов. Говоря об этих демонах, тексты сообщают: «Их семь», и, несмотря на то значение, которое вавилоняне приписывали этому числу, нам, без сомнения, следует, не воспринимая его буквально, подразумевать под ним гораздо большее количество, если мы не хотим войти в противоречие с текстом вроде следующего: «Их семеро, богов просторного неба; их семеро, богов просторной земли; их семеро, алчных богов; их семеро, богов вселенной; их семеро, злых богов; их семеро, злобных *ламашту*, их семеро, злых бедствий *лабацу*, их семеро в небесах, их семеро на земле»; или другого: «Их семеро, их семеро, их два раза по семь».

Подобно *лилу* или *ламашту*, *утукку* — это демон определенного вида, но, как кажется, это название так же часто использовалось для обозначения демонов вообще¹⁴. Несомненно, именно в этом смысле в заклинании упоминаются «*утукку* равнины и *утукку* горы, *утукку* моря и *утукку* гробницы»¹⁵. Зачастую сложно сказать, должно ли его описание, которое дается в заклинаниях, подразумевать собственно *утукку* или демонов вообще; мы тоже объединили под этим названием все те проявления, которые не являются чертами своеобразия того или иного демона, и именно с этой оговоркой следует взирать на портрет, который мы попытаемся нарисовать.

Утукку осуществляет власть зла в небе, на земле и под землей; он одновременно является «отпрыском, которого породил Ану», бог небесных пространств, «нежно любимым сыном Бела», владыки земли, и «потомком Эрешкигаль» или Аллат, властительницы ада¹⁶. *Утукку* легко сравнить с «безмерными бурями, которые обрушиваются с небес»; они — «буря, грозовая туча, неистовый ветер, ураган, вихрь, опустошающий страну, они сеют бурю; первый из семи — южный ветер, шестой — приближающийся вихрь, седьмой — грозовая туча, неистовый ветер; они — ураган, который в небесах яростно пускается в погоню, они — плотная грозовая туча, навевающая мрак на небесах; они -буря, которая приближается и среди белого дня порождает тьму; они совершают нападение с неистовым ветром, бурей, они — ливень Адада, они стоят справа от Адада; они приближаются как потоп»¹⁷. Итак, представляется, что, по крайней мере по происхождению, они являются персонификацией разрушительных атмосферных стихий и именно в этом смысле служат вестниками Ану¹⁸. Они враждуют с Эа¹⁹, поскольку этот бог, являющийся покровителем человечества, открыл людям магические формулы, при помощи которых можно отогнать *утукку*. Напротив, они — *гузалу*, то есть опора трона Аллат, царство которой они призваны заселить, а также достойные сыновья и вестники Намтара, бога чумы. Они шествуют перед Нергалом, богом ада. Царем их является Аламу, родственную связь которого с Нергалом я установлю ниже²⁰. Принадлежа до некоторой степени к божествам, они все же уступают им в силе и представляют собой не более чем, если так можно выразиться, божественные отбросы, «они плевок из желчи богов»²¹. Иногда *утукку* оказываются помощниками богов²², но чаще всего по отношению к ним они не менее враждебны, чем к людям; они их не боятся²³ и даже дерзают атаковать. Лунное затмение является следствием их победы над богом Сином; «доблестный Шамаш, могущественный Адад» с самого начала оказываются неспособны противостоят им, и Белу приходится прибегнуть к помощи великого мага Эа. Они нападают на бога огня Гирру и одолевают его²⁴. На небесах им ничто не препятствует²⁵; на земле они не знают преград по более веской причине: «высокие ограды, плотные ограды, они проходят сквозь них как поток; они бросаются из дома в дом; двери не останавливают их; засов не заставляет их повернуть назад. Как змея они проскальзывают сквозь дверь, как ветер они врываются сквозь половицы»²⁶. Тексты и барельефы часто изображают их с крыльями²⁷. Злоба их равна их могуществу: «они злобны, они злобны», настойчиво утверждает одно заклинание; они — первопричина зла²⁸, и нет надежды ни смягчить, ни убедить, ни привлечь их к себе, так как они не знают ни милосердия, ни разума, ни преданности и не внимают ни молитвам, ни просьбам²⁹. Им приписываются самые разные злодеяния: это они отрывают женщину от груди мужчины, похищают сына с колен отца³⁰; они питаются человеческим мясом и пьют кровь, они нарушают сон и препятствуют принятию какой-либо пищи³¹, и,

согласно одному поразительному образному выражению, «перемальвают людей в муку»³². Они нападают даже на животных; «они выгоняют голубей из их жилищ; они заставляют птицу покинуть свое обиталище; они заставляют ласточку вылететь из своего гнезда; они поражают вола, они поражают осла». — «Они низвергают птицу небесную, подобно Ададу; каменного барана они хватают за голову и за рога; козла и дикого козла они хватают за шерсть; они укрощают дикого быка пустыни; на животных полей они нападают па пастбищах». Они преследуют домашних животных до самого стойла, они поселяются в лошадиной гриве, вызывают выкидыш у овцы или истощение сил у барана, когда он еще сосунок³³. В них нет ничего человеческого, они ни мужчины, ни женщины, они не овладевают женщиной и не зачинают ребенка³⁴. Это дикие и вредные животные, «лошади, которые растут в горах³⁵; второй из семи — гадюка, третий — пантера, четвертый — змея, пятый — бешеная собака»³⁶. Они зародились в «небесной запруде»³⁷, то есть на оконечностях мира, там, где небесный свод опирается на окружающий землю Океан, или западную гору³⁸, которая вместе с восточной горой отмечает две границы движения солнца. Выросли они также в уединенных необитаемых местах, либо в глубинах Океана³⁹, либо на восточной горе⁴⁰. Они обитают в пустыне, в расщелинах земли, и выходят из низменных мест⁴¹. Они не познаны никем, ни в небесах, ни на земле⁴²; не знают их⁴³ сами звезды, правящие тремя стражами или частями ночи, и боги, несмотря на всю свою премудрость, не ведают их имени⁴⁴, которое может открыть Мардуку⁴⁵ лишь один Эа.

Эти черты дополняются теми, которые можно обнаружить при рассмотрении памятников искусства. Мы видим, что, как и тексты, они рисуют демонов в виде ужасных созданий, более близких к животному, чем к человеку. Такова прежде всего бронзовая статуэтка, представленная в музее Лувра. «Надпись, вырезанная вдоль поясницы, сообщает нам, что это демон юго-западного ветра, самого знойного и вредоносного из всех ветров Месопотамии. Нам не найти ничего ужаснее, чем эта человеческая голова, совершенно исковерканная гримасой и напоминающая чем-то череп; ее уродство усиливают огромные птичьи глаза и возвышающиеся над ней козлиные рога. Тело, тощее и костлявое, с некоторыми признаками шерсти на правом боку, больше напоминает летучую мышь, чем человека. Огромные плоские кисти рук с укороченными большими пальцами похожи на когти; что касается ног, то они заменены лапами хищной птицы»⁴⁶. — Бронзовая пластинка⁴⁷, с обеих сторон покрытая гравировкой, еще раз демонстрирует демонов в виде животных, по крайней мере в их основной части. «Сторона, которую мы называем лицевой, полностью занята телом фантастического четвероногого, наполовину рельефно вычеканенного, наполовину выгравированного. Чудовище стоит, повернувшись спиной к зрителю, в то время как низ туловища изображен в профиль или, скорее, в три четверти. Стоя на задних лапах, чудовище, кажется, хочет перепрыгнуть через пластинку, к которой оно прикикло. Передними лапами оно опирается на верхний край пластинки, и его голова перевешивается через него, как через гребень стены. Оставленные за кадром концы передних лап и голова обработаны рельефно. Достаточно перевернуть пластинку, чтобы увидеть морду чудовища, безобразную и свирепую, с вдавленным черепом, пылающими глазами, ревущей пастью, с грозным оскалом, напоминающим льва или пантеру; когти не противоречат характерным кошачьим чертам этой морды. Зверь наделен четырьмя крыльями. Два больших крыла с двумя рядами черепицеобразных перьев прикрепляются к лопаткам; они опущены и свешиваются симметрично по правую и левую сторону от его тела. Ниже находится пара поднятых и гораздо более коротких крыльев, у которых видны лишь концы. Тело, гибкое и поджарое как у леопарда, украшено сетчатой гравировкой, изображающей чешую или пятна. Хвост, вытянутый трубой, растет почти что из крестца. Член чудовища, который поднимается, следуя контуру нижней части живота, представляет собой точное изображение змеи. Художник подчеркнул свой замысел, придав головке члена форму и вид головы рептилии. Задние лапы, упирающиеся в нижний край пластинки, принадлежат не четвероногому, а, скорее, птице, их украшают шпоры и могучие когти. На оборотной стороне мы прежде всего замечаем сверху возвышающуюся между двумя когтями, вцепившимися в край пластинки, голову чудовища, тело которого скрыто по другую сторону. Это грозное существо доминирует над композицией из изображенных ниже сцен, и его

рычание придает им как бы оттенок ужаса. Табличка делится на четыре горизонтальных пояса или находящихся друг на друга регистра, неодинаковых по высоте, разделенных рельефными валиками⁴⁸. Во втором регистре можно видеть семь персонажей с головами животных, изображенных в профиль и идущих справа налево; они принадлежат к категории тех демонов, которые могут, смотря по обстоятельствам, играть роль врагов или покровителей человека⁴⁹. В третьем регистре изображена погребальная сцена. Слева стоит канделябр, а справа — группа из трех персонажей; один из них кажется человеком, в то время как остальные имеют львиные головы и очень напоминают демонов из соседнего пояса; похоже, что они потрясают кинжалами и делают угрожающие жесты. Посередине изображен обвитый саваном человек, распростертый на ложе. У изголовья стоят два персонажа с человеческими головами и рыбьими тепами. К левому краю последнего регистра движется чудовищное существо. У него безобразная, наполовину звериная, наполовину человеческая, голова. Череп сдавлен и искривлен; общую картину его отвратительного облика довершает приплюснутый нос и пасть до ушей. Верхняя часть туловища — человеческая, несмотря на то, что кожа на ней, как, впрочем, и на всем теле, испещрена небольшими вертикальными штрихами, обозначающими длинную шерсть. Одна рука поднята, другая опущена, как у духов из второго пояса. Как и на лицевой стороне, у чудовища имеется хвост, вытянутый трубой. Лапы у него птичьи. Есть у него и крылья, концы которых видны над левым плечом. В центре регистра скользит лодка. В лодке находится лошадь, изображенная в профиль, ее правое колено согнуто. Лошадь несет на спине гигантское и грозное божество, которое использует ее не как обычное верховое животное, но как опору; согнутым правым коленом оно опирается на крестец животного и в то же время стремится поставить ступню своей поднятой левой ноги, вооруженную огромным когтем хищной птицы, на самую голову лошади. Форма ног — человеческая; то же можно сказать и о туловище, однако здесь, как и у чудовища, идущего по берегу, мы снова обнаруживаем небольшие черточки, обозначающие волосной покров. У этого божества голова льва или, скорее, львицы, так как, если на первый взгляд пол этой фигуры и может показаться сомнительным, то трудно иначе, чем это сделал г-н Клермон-Ганио, объяснить наличие двух львят, устремляющихся к груди божества справа и слева. Таким образом, они с одинаковым рвением прыгают для того, чтобы пососать грудь богини»⁵⁰.

В соответствии с верованием, о котором мы уже упоминали, демоны истощают тело человека болезнями, именно путем проникновения в него. Поэтому направленные против них заклинания являются настоящими заговорами экзорцизма, призывающими их выйти: «Из тела человека, сына его бога, из которого они удаляются, из его тела, которое они покидают»⁵¹. Одно из них подробно описывает одержимость демонами разных частей тела: «Злой *утукку*, враг, [тот, имя которого не произносится], стал его хозяином; тот, которого не заставили выйти из тела, стал его хозяином. Он поразил его руку и поселился в его руке, он поразил его ногу и поселился в его ноге, он поразил его голову и поселился в его голове»⁵². В другом заклинании каждый из демонов избрал себе определенную часть тела: «злой *этемму* набросился на его талию, злой *галлу* набросился на его руки, злой *илу* набросился на его ноги»⁵³, и из аналогичного текста⁵⁴ мы узнаем, что *асакку* напустился на его голову, *намтару* — на душу, *утукку* — на затылок, и *алу* — на грудь. Одержимости подвержены даже неодушевленные предметы: есть демоны, которые нападают на дома и стены, прячутся в дверях и скрываются в засовах⁵⁵.

Относительно *алу* мы не знаем ничего определенного, разве только то, что их имя представляет собой перевод шумерского слова *галлу*, также обозначающего бурю, и особенно бурю, вызываемую южным ветром. *Алу* — это имя небесного быка, созданного Ану с целью отомстить своей дочери Иштар и укрощенного Гильгамешем и Энкиду; однако известно, что этот бык является обычной персонификацией бури^а. (^а Связь между этим демоном и Небесным Быком из эпоса о Гильгамеше весьма сомнительна. Это доказывают различные шумерские эквиваленты двух *алу*: имя демона пишется *a-la₂* (букв, «недостаток воды»), а имя Небесного Быка *du^h-an-na* (букв, «бык неба»). Между *алу* и *илу₃*, «буря», также нет очевидной корреляции.) Это подтверждает сказанное выше о примитивности демонов. Ассирийцы полагали, что специальным местом обитания *алу* служили развалины: «Злой *алу*, уйди далеко; твоё обиталище — пустынное место, твоё жилище -разрушенный дом, развалины»⁵⁶.

Природа *этемму* установлена лучше. Его имя происходит от корня 'km, «похищать», и обозначает маны, души тех, кого похитила смерть, духов, которые все еще сохраняют тень жизни, в то время как тело их погибло^b. (^b Этимология неверна, поскольку в то время было неизвестно точное чтение слова — не *экимму* (как всюду в оригинальном тексте книги), а *этемму* (от шумерского *гидим*.) Чтобы поддерживать свое жалкое существование, такой дух нуждается в помощи живых: о том, кто никак не заботится о манах, *этемму*³¹, говорится с сожалением, и Ашшурбанипал был уверен, что, перевезя в Ассирию останки эламских царей и лишив их мапы молитв и жертвенных возлияний⁵⁸, он наложил на этот народ самое ужасное наказание. *Этемму* обычно обитал под землей⁵⁹, подобно телу, душой которого он некогда был, и некромант, обращавшийся за советом к мертвым, назывался *Muselu sa₂ etemmu*, то есть «тот, кто изводит *этемму* (из земли)». Синонимом *этемму* является слово *sulu*, «тот, кто вынужден подняться»⁶⁰. В определенных случаях и, несомненно, тогда, когда тело оказывалось непогребенным⁶¹, или потомки умершего оставляли в небрежении его могилу, *этемму* выходил из глубин земли, чтобы мучить живущих. Возможно, ассирийцы изображали его крылатым подобно тем мертвым, о которых повествует поэма о нисхождении Иштар в преисподнюю (стрк. 10). Он всегда квалифицируется как вредоносный⁶² и строит свои козни главным образом ночью и в сельской местности⁶³. Вредное воздействие приписывалось также духам людей, умерших насильственной смертью или от голода и жажды⁶⁴, однако мы не можем определить, имели эти духи особое название или входили в категорию *этемму*.

Если бы не приходилось бояться слишком буквально истолковать противопоставление, которое, возможно, является лишь чисто литературной антитезой, то можно было бы сказать, что, в отличие от *этемму*, *галлу* живет в городе⁶⁵. Во всяком случае, в других местах мы его почти не видим⁶⁶. Именно там он печально бродит по ночам как лисица. Одно заклинание сравнивает его также с диким быком⁶⁷.

Вполне возможно, что вредоносный *илу* является злым божеством: его имя — это перевод шумерского *дингир* (*dingir*), что означает «бог». В таком случае этот злой бог составлял противоположность богу-хранителю каждого человека, о котором шла речь выше. Больше мы о нем ничего не знаем.

Название *рабицу* означает того, кто подстерегает, выслеживает или просто надзирает. В письмах из Эль-Амарны⁶⁸ это название правителей. Сир — *рабицу* Эшары⁶⁹, Ишум — *рабицу* богов⁷⁰. Как мы видим в одном заклинании, в качестве злого демона *рабицу* атакует волосяной покров головы⁷¹, правда, из этого текста нельзя сделать вывод о причине его особой компетенции. Его опасались сами колдуньи; считалось, что он пугает их, угрожая наброситься⁷².

Из трех известных нам в настоящее время демонов женского рода мы располагаем наибольшим количеством сведений относительно *ламашту*. Ее особенность в том, что она является дочерью Ану; этот эпитет почти неотделим от имени⁷³, и иногда его бывает достаточно для ее обозначения. Самой выдающейся чертой ее характера является ненасытность. Она — «та, которая пожирает»⁷⁴. «Она пьет кровь, которая питает тело человека, мясо, которое не едят, кости, которые не глодают»⁷⁵. «Ее голова — голова льва, ее зубы -зубы осла, она рычит как лев»⁷⁶.

О *лабацу* мы не знаем почти ничего, кроме того, что, возможно, это имя происходит от корня *lbs*, означающего «валить», «бросать на землю». Смысл слова *аххазу* более отчетлив: это демон, который берет, захватывает.

Лилу, *лилит* и *ардат лили*, мужчина и две женщины, образуют демоническую тройку, которую тексты почти не разделяют. Они персонифицируют атмосферные пертурбации; шумерскому названию *лилу*, *лилла*, в ассирийском соответствуют слова *saru* и *zaqiqu*, ветер, буря^a, (^a *Закику* также «призрак».) а *ардат лили*, равно как и в шумерском, называется *ki-sikil u₄-da ka₄-ga*, «дева похитительница света»^{a77}. (Вполне возможно, что нужно переводить «дева, ведущая (за собой) бурю» (поскольку шумер. *u₄* значит и «день, свет», и «буря».) Тексты настаивают на импотенции и бесплодии этих демонов. Вот как они описывают *ардат лили*: «Женщина из дома бури ополчается против женщины в доме; *ардат лили*, которая находится в доме, устремляется против мужчины, *ардат лили*, к которой никто из мужчин не приближается как к женщине; *ардат лили*, которая в объятиях мужа не обнажает своих прелестей; *ардат лили*, которая в объятиях

своего мужа не снимает своих одеяний; *ардат лили*, девственность которой не нарушил никакой любовник (?); *ардат лили*, в груди у которой нет молока...»⁷⁸. Тем не менее она особенно преследует мужчин⁷⁹, а один лексикографический документ сообщает нам об употреблении слова *haru*, «выбирать», «брать в жены», применительно к *лили*, который, несомненно, испытывал по отношению к женщинам такие же бессильные желания⁸⁰.

Лилит — единственный ассирийский демон, который определенно встречается у других семитских народов, причем память о нем сохранялась у них непрерывно вплоть до современной эпохи. Исайя, предрекая бедствия, готовые обрушиться на Едом, говорил: «Животные пустыни будут встречаться с шакалами, и *са'иры* будут переключаться один с другим; лишь Лилит будет там обитать и находить себе покой»⁸¹. Иудеи до настоящего времени верят во вредоносную силу Лилит⁸² и пишут на ложе роженицы и на каждой из четырех стен жилища: «Адам и Ева, прогоните Лилит!» О Лилит упоминается в сирийских записях ритуалов экзорцизма, которые были опубликованы Голлендом, и заклинаниях на магических чашах из Британского Музея и Лувра⁸³.

Намтару и *асакку* отчетливее, чем все прочие демоны, олицетворяют болезни, поражающие человека. Они почти всегда упоминаются вместе, а вслед за ними — пагубная (*mursu la tabu*) или сильная болезнь⁸⁴. Они квалифицируются как мучительные и неизлечимые: *mursu sa amela la umassaru*⁸⁵. Шумерское название *намтару* (*намтар*) означает того, кто пресекает жизнь^a; (Буквально *нам-тар* — «отделять (= определять) судьбу».) возможно, это чума. *Асакку* (*азаг*) — тот, кто лишает сил. В нисхождении Иштар в преисподнюю мы видим, как Намтар, посланник Аллат, по приказу своей госпожи поражает богиню, которая дерзнула проникнуть в царство мертвых, «землю, откуда не возвращаются», чтобы отыскать и вернуть к жизни своего возлюбленного Таммуза: «Иди, Намтар... напусти на Иштар шестьдесят болезней, глазную болезнь — на ее [глаза], болезнь боков — на ее [бока], болезнь ног -на ее [ноги], болезнь сердца — на ее [сердце], болезнь головы — на ее [голову]»⁸⁶.

В ассирийских текстах упоминаются, правда, очень редко, еще некоторые демоны, которые не входят в только что изученную нами группу. Это, прежде всего, *халлулай*⁸⁷, название которого происходит от корня *hll*, «прятаться в норе», и обозначающего также разновидность мух; кроме того, *холлу лай* — это имя бога Шуллапа. В то же время его называют демоном, который посылает сновидения, *ilu sa₂sutti*.

Накму и *накимту*, имена которых в магических текстах⁸⁸ можно обнаружить только единожды, по-видимому, олицетворяют какую-то болезнь.

Наконец, *шеду*, которого мы только что призывали вселиться в тело больного, не является однозначно дружественным демоном. Существует также *шеду лемну*, или злой *шеду*, который опустошает небо и землю и угнетает людей⁸⁹. Возможно, что, в определенных случаях, *шеду*, подобно *утукку*, это, скорее, родовое название демонов, чем обозначение особой категории духов.

Список демонов, который мы только что изучили, очевидно, не исчерпывает всех порождений ассиро-вавилонской фантазии. Но, помимо того, что было бы не слишком интересно увеличить его за счет нескольких дюжин названий, которые так и остались бы лишены смысла и к которым мы не смогли бы добавить даже эпитета, на неполноту нас обрекает невозможность с уверенностью отличить существа, которых ассирийцы, возможно, рассматривали как настоящих богов, от простых демонов, при том условии, что риск причислить первых к последним для нас нежелателен. В принципе, для того чтобы задать критерий для нашей классификации, существует определитель (*dingir*), который обозначает бога и должен стоять только перед именами богов. Однако его употребление писцами ограничено не настолько строго, чтобы мы могли рассматривать присутствие или отсутствие этого знака в качестве достаточного основания. Так, в ряде случаев определитель божества предшествует названиям *галлу*⁹⁰, *ламашту*⁹¹, *лабацу*⁹² и *намтару*⁹³, которые в наших текстах упоминаются в числе *утукку* определенно являются демонами. Более того, мы не можем классифицировать вышестоящие по отношению к человеку существа, исходя из их благотворного или вредоносного воздействия на него. Боги часто притесняют его, даже не всегда имея повод для злобы, и, как мы видели, одни и те же гении поочередно то

призываются как оказывающие помощь, то изгоняются как пагубные. Демоны едва ли менее могущественны, чем боги, и мы даже видели, что иногда они успешно с ними борются. Следовательно, бога от демона отличает вовсе не физическое превосходство, которое к тому же достаточно трудно измерить. Различие следует искать, скорее, в природе отношений, которые человек устанавливает между собой и сверхчеловеческими сущностями; только богам он поклоняется, обращается к ним с молитвой и приносит дары; в связи с демонами речь идет лишь о заклинании, самое большее, о приношении пищи с целью подкрепить, а не умиловать того, кому она предлагается⁹⁴. Несомненно, магические формулы могут содержать имена Эа и Мардука наряду с *асакку*, но я не знаю примера молитвы или приношения, адресованного *утукку*. И если бы какой-то неизвестный ныне текст доставил нам гимн *Намтару*, я бы сделал вывод не о несостоятельности нашего критерия, но о достаточно легко объяснимой нерешительности вавилонских представлений по поводу богов и демонов^a. (А спустя столетие этот вывод блестяще подтвердился. Шу-мсро-вавилонские молитвы, посвященные демонам, не обнаружены, и, скорее всего, они не были записаны никогда по причине, о которой говорит автор. Однако в более раннее время, до возникновения государства и культа богов, демонам в Месопотамии вполне могли возносить молитвы и приносить жертвы (как это делается у всех народов, не имеющих развитой религии).) Демаркационная линия между этими двумя категориями сверхчеловеческих существ никогда не была слишком ясной; она могла варьироваться не только в зависимости от эпохи⁹⁵ или места, но и индивидуально, и нельзя с уверенностью утверждать, что более полное познание ассирийской религии когда-либо позволит нам провести ее с большей точностью.

Глава II

КОЛДУНЫ И ВЕДЬМЫ

Ассирийский язык очень богат синонимами для обозначения колдунов и колдуний. В заклинаниях из серии *Маклу*, где они, как кажется, механически подставляются один вместо другого и часто нагромождаются по поводу одной и той же персоны, оттенки, различающие их, достаточно малозаметны. Однако разные слова должны, по крайней мере при своем возникновении, обозначать разные вещи, и интересно расследовать, не соотносилось ли первоначально каждое слово с особой категорией колдунов.

Самое частое ассирийское название колдуна *saru* от корня *ksp.* возможно, тождественного арабскому *qsb*, «отравлять», несмотря на малозначительное отличие первого корневого согласного. Следовательно *kassapu* мог являться колдуном, действовавшим посредством приворотных зелий и ядовитых жидкостей. Шумерское *lu₂- us₇-zu*, которое переводится как *kassapu*, возможно, позволяет нам еще больше прояснить смысл этого слова. *Us₇* обозначает *imtu*, *ru'tu*, *rupustu* и *kispu*¹. Это последнее слово происходит от того же корня, что и *kassapu'*, три другие означают слюну, плевок, пену изо рта, или яд, если речь идет о таком животном, как змея. Следовательно, *us₇-zu* — это человек, сведущий² в слюне и ядах. Далее, изучая магические приемы, мы увидим, что ассирийцы приписывали выделениям изо рта огромную силу. Теперь же нам будет достаточно установить, что *kassapu* — это, собственно, колдун, который умеет использовать их для того, чтобы напускать свои чары.

Слово *rahu* для нас не отличается от *kassapu*. Подобно ему, он использует в своем колдовстве (*ruhu*, шумерское *us₇-zu*) слюну людей и животных. *Энишу* — это самое общее из всех названий; оно происходит от очень часто употребляющегося в ассирийском корня *'rs*, который значит просто «делать», «действовать». Примечательно то, что и в других языках магия обозначается по преимуществу как действие. Якоб Гримм возвел немецкое слово *zaubern* к готскому *taujan*, немецкому *thun* и английскому *to do*, которые все без исключения означают «действовать». На древнелатинском магия будет *factura*, на итальянском — *fattura*, на португальском — *feitigo*, первоначальный смысл всех этих слов слишком ясен, чтобы на нем настаивать. Далее мы увидим, что у ассирийских колдунов была очень распространена практика порчи и что изображение лица, которое требовалось околдовать, часто пряталось в стене или под плитами мостовой. Возможно, именно по ассоциации с этим приемом колдуна часто называли *sahiru*, от глагола *saharu*, который, в формах *usaksad* и *ustaksad*, означает

«окружать стеной», «прятать». Что касается слова *našišitu*, то оно определенно означает собственно колдунью, которая готовит мази. (*napsaltu*).

Ассирийцы приписывали колдовские способности скорее женщинам, нежели мужчинам, и, как кажется, они верили, что ведьмы многочисленнее и могущественнее колдунов. Большая часть заклинаний направлена против ведьм, а когда рядом с ними появляются колдуны, то лишь мимоходом, чтобы вскоре снова уйти в тень. Так, в первом заклинании из серии *Маклу* читаем: «Я сделал изображение моего колдуна и моей колдуньи»³. Однако все последующее посвящено исключительно ведьме: «Гибельно заклинание колдуньи; да вернутся ее слова в ее рот, да будет вырван ее язык, и пр.». Этот предрассудок характерен не только для ассирийцев. Все средневековое верило, что женщина более пригодна для колдовства, чем мужчина, и для ученых мужей не составило труда найти объяснение этому «факту». «Каждого,— говорит Ваир⁴,— кто обладает вспыльчивой и похотливой душой, кто моментально раздражается, обычно называют чародеем. .. И поэтому мы видим больше колдуний и чародеек среди женщин, чем среди мужчин: ибо они настолько безудержны в своей ярости и алчности, что не способны ни отступить, ни как-то управлять собой; что приводит к тому, что при первом и малейшем случае, который предоставляется, они кипят гневом и пронзают пылающим и бешеным взглядом того, кого хотят заколдовать». Родерик а Кастро⁵ предлагает менее изощренное объяснение, и, возможно, оно ближе к тому, которое дал бы ассириец. «Если кто-либо спросит этих людей, почему многие из женщин колдуют, они отвечают, это потому, что месячные легко обретают гибельное свойство. Если же спросить их, почему среди женщин есть старухи, которые колдуют еще больше, они говорят, это потому, что их месячные еще быстрее превращаются в яд по причине возраста и отсутствия теплоты и что месячное очищение, изжитое и ставшее ядовитым, разливается внутри всего тела и насыщает духов, главным образом тех, которые испускаются из глаз; что эти духи оскверняют воздух и поражают колдовством детей и слабых людей». Нигде больше женщина не считалась существом столь нечистым и зловредным, слабым и скверным, заслуживающим одновременно презрения и боязни, как на Востоке. Колдовство же — дело нечистое⁶. Колдунья называется *qadistu*, *istaritu*¹, «блудница», и жертва ее чар упрекает ее за то, что ее осквернили⁸. Действительно, следует отметить, что в Ассирии, как, впрочем, и во многих других местах, женщина в значительно большей степени, нежели мужчина, была подвержена нервным срывам, что издревле объясняли одержимостью, и как следствие, женщине приписывали способность вступать в сексуальную связь с духами, что естественным образом, по мнению ассирийцев способствовало постижению секретов магии. Однако добрых фей Ассирия, похоже, не знала, а практики гадания, столь полезные, были, по-видимому, отданы в ведение одних мужчин. Следовательно, та роль в колдовстве, которая приписывалась ассирийской женщине, была в значительной мере следствием нечистоты, которая относилась за счет ее пола и ее презируемого положения в обществе^a. (^a Совершенно верно, что гаданиями и астрологией в Месопотамии занимались преимущественно мужчины, а толкованием снов и составлением рецептов — женщины. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что основной причиной этого было низкое положение женщины в месопотамском обществе. Во-первых, во всех законах этого общества женщина является правоспособным лицом; во-вторых, давно замечено женское вещее чутье, интуиция будущего и особое понимание внутреннего мира. Вследствие этого женщина в древности — превосходный толкователь снов и травник (чувство внутреннего), но редко астролог и гадатель по печени (умение прочесть внешний знак).)

Хотя ненависть к чужакам у современных народов не исчезла без следа, уступив место чувству всеобщего братства, тем не менее мы уже далеки от той эпохи, когда всякий пришелец был врагом, когда другая цивилизация являлась синонимом варварства. С другой стороны, хотя и всегда справедливо то, что нет пророка в своем отечестве и что за него с легкостью может сойти пришелец, но мы больше не считаем, подобно дикарям, всякого чужака могущественным волшебником. Заклинания снова свидетельствуют об этом умонастроении — ненависти и страхе по отношению к пришельцу.

Ведьмы охотно изображаются как представительницы соседних народов: эламитов, кутиев, сутиев, луллубеев или ханнигалбатцев⁹. И в отрывке из первой таблички *Маклу*, который иначе оказался бы весьма туманным, определенно следует видеть намек именно на этих иноплеменных волшебниц: «Я закрыл проход, затворил ограду, удалил чары всех стран»¹⁰. У нас нет никаких оснований полагать, что народы Элама и Мелитена, окружавшие

Ассиро-Халдею, были как-то особенно привержены к колдовству. Куда правдоподобнее, что с ними происходил обмен подобными обвинениями и что, будь в нашем распоряжении литература кутиев или луллубеев, мы бы обнаружили, что в ней они обращены против ассирийцев и вавилонян.

Колдуны и ведьмы — человеческие существа, однако народное суеверие приписывает им особые повадки, и тем, кто намеревается сдружиться с духами и повелевать миром материи, следует стремиться ко всему, что может поразить воображение современников, и, сгущая покров тайны вокруг своего образа жизни, питать фантазии о том, что совершается по их воле. Кроме того, те, кто более или менее сознательно приобрели репутацию колдунов, становятся для своих сограждан объектом ненависти, а равно и страха; взвалив на свои плечи ответственность за неисчислимые бедствия, они никогда не знают, которое из этих двух чувств овладеет душами людей, считающих себя их жертвами. К тому же ведьма, имя которой стало известно, — пропащая ведьма, так как в таком случае ее чары обращаются на нее. Заклинания часто вопрошают: «Кто ты, ведьма, которая преследует меня?»¹¹, или же: «Кто ты, чей сын; кто ты и чья дочь?»¹². Тот, кто знает, с кем имеет дело спешит объявить: «Я знаю вас, я вполне уверен»¹³. Следовательно, первейшая забота ведьмы — ускользнуть от «следствия», именно поэтому она предпочитает жить в уединенных местах, в развалинах или даже внутри стены¹⁴.

Для этого ей необходима необычайная ловкость, которой она и обладает на самом деле. Она проникает сквозь всевозможные стены и ограды¹⁵. Ее могущество не знает пространственных ограничений: «вселенная — ее владение, она прогуливается по всем горам»¹⁶, «она идет по улицам, проникает в дома, проскальзывает в крепости, ходит по перекресткам»¹⁷. Впрочем, она соединяет в себе все преимущества физического превосходства. У нее не только «проворные ноги и гибкие колени», но еще и «зоркие глаза и сильные руки»¹⁸. Природа ведьмы достаточно тонка, чтобы позволять ей проникать в тело человека; она поселяется в нем как демон и подобно демону изгоняется: «Изыди из моего тела; из моего тела удались... из моего тела уходи»^{САРut¹⁹}. Ничто, ни на земле, ни на небе, не может избежать ее могущества. Подобно людям, ее возмущающему воздействию подвержены и стихии. Она изнуряет небеса и волнует землю²⁰, она раскачивает море подобно южному ветру²¹, направляет свое волшебство против неба и чары — против земли²². Она может насылать плохие сны, гибельные предзнаменования и чудеса²³. Она общается с демонами, обращая против человека злого *утукку*, *этемму*, *шеду* и злого *илу*²⁴, а при наведении порчи делается приспешницей *ламашту*, отдавая ей изображение человека, которому желает зла²⁵.

Сами бога вынуждены служить ее замыслам. Божества-покровители человека могут под воздействием ее чар стать враждебными по отношению к тому, кому прежде благоволили. «Оттого что ведьма заколдовала меня, кричат на меня мой бог и моя богиня. — Ты раздражила против меня моего бога и мою богиню»²⁶, говорят заклинания. Ведьма «заграждает рот богам и сковывает колени богиням»²⁷, то есть обрекает их на бессилие.

Ночь — это время, когда суеверные страхи людей удваивают свою силу. Тишина и мрак не дают органам чувств никаких объектов для работы, воображение от этого лишь разгорячается; сокращенная до минимума способность восприятия, преувеличенная и извращенная, становится отправной точкой для галлюцинации, тем более стойкой, что ей не противоречат никакие ощущения. Итак, как полагают, ночью встретиться с колдуньями легче всего. Именно поэтому, ощущая себя более незащищенным и слабым, чем днем, человек считает, что эти злобные существа, которые обладают более тонкими чувствами и которым темнота не помеха, более всего угрожают ему ночью. Вот почему ведьма именуется ночной охотницей²⁸; в основном именно ночью она нападает на человека, ночью готовит свои чары²⁹; и поскольку для того, чтобы осуществить свои злодеяния, она должна рассчитывать на сообщничество ночных божеств, ее жертва, в свою очередь, призывает их и требует, чтобы они разрушили ее волшебство³⁰.

Ведьмы творят самые разнообразные злодеяния, и им приписывается способность к нанесению жертвам как физического, так и морального ущерба. Этот вред, зачастую воображаемый или порождаемый исключительно страхом, иногда бывает совершенно

реальным но его единственное объяснение выглядит спорным. Результатом действий озлобленной ведьмы халдей считает дрожь, которая на повороте улицы или на перекрестке без видимой причины отнимает у него возможность владеть ногами³¹; на самом деле он — жертва малодушия: ему кажется, что он замечен ведьмой, которая набрасывается на его шаровары³²; от этого у него перехватывает дыхание, он воображает, что его тянут за волосы, дергают за одежду, он пребывает неподвижным в дорожной пыли³³. На ведьм возлагается ответственность и за настоящие болезни: лихорадку, чахотку, сумасшествие, сердечные недомогания³⁴. Они делают женщин бесплодными или заставляют их рожать раньше срока; один-единственный взгляд ведьмы лишает мужчину его мужественности, или, как говорится иными словами, «завязывает ему шнурок»³⁵. Их колдовство способно даже вызвать смерть: «ведьма губит мужчин и не щадит женщин»³⁶. В сфере нравственности именно они вносят переполох в семьи, ссорят сына с родителями, брата с сестрой, друга с другом, хозяина со слугами, подданного с царем³⁷ и, как мы уже видели выше, человека с его божеством.

Колдун не обязательно сознает то зло, которое совершил; некоторые люди обладают вредоносной силой, которая действует без их желания и даже ведома. Представления ассирийцев по поводу колдовства были такими же, как у греков, римлян и многих других народов³⁸, и часто мы обнаруживаем, что одной из самых грозных для человека опасностей³⁹ является «изображение дурного глаза», причем без дальнейших подробностей. Демон дурного глаза — *шеду*⁴⁰. Взгляд некоторых людей отличается особой пагубностью, однако все без исключения в определенных случаях могут принести несчастье своему ближнему даже непреднамеренно. Следуя еще одному очень распространено-му сегодня суеверию, пережитки которого я нашел в Сирии, для какого-либо существа может быть пагубным, когда его слишком хвалят или восхищаются им. По этой причине там избегают превозносить красоту ребенка, и, если кто-то неосмотрительно это сделает, мать считает себя обязанной плюнуть на дитя, чтобы отвратить порчу. «Дурные уста, дурной язык, дурная губа»⁴¹, ассирийские заклинания могут изрекать слова ненависти и губительные проклятия точно так же, как и выражать восхищение. Однако «любовь и ненависть» ведьмы⁴², как мне представляется, указывают соответственно на два способа, при помощи которых она может наводить порчу, — похвала и проклятие. Наконец, одно и то же лицо, в обычное время безобидное, в определенных моменты может становиться опасным, таковы: женщина, кормящая грудью, умершая от болезни груди или беременная⁴³. Проститутка подвергается экзорцизму как настоящий демон⁴⁴.

Глава III

РОК. БОЛЕЗНИ.

Даже затравленный демонами и преследуемый по пятам колдунами и ведьмами, человек был бы еще чрезвычайно счастлив, если бы со всех сторон ему не грозили другие опасности. Помимо врагов, о которых мы уже говорили, злых духов, мужчин и женщин, обладающих сверхчеловеческой силой, ассирийцу приходилось опасаться еще и последствий своих собственных поступков. Он мог оказаться причиной собственной гибели посредством множества дел, которые считались приносящими несчастье¹. Так, вторая, третья и пятая таблички из серии *Шурпу* перечисляют, под наименованием *мамим* (*tamit*), многочисленные и разнообразные чары, жертва которых одновременно может быть и их автором. Было бы превосходно уловить в этих длинных списках некий принцип классификации, однако обнаружить в этом хаосе путеводную нить невозможно, и повторы прекрасно показывают, что это не только кажущийся беспорядок. Единственным стремлением автора было достижение как можно большей полноты, и мы увидим почему, вполне возможно, что, желая этого добиться, он объединил несколько списков в одну неуклюжую компиляцию. Ни один из этих списков до сих пор не переведен на французский язык, я предложу перевод первого и самого длинного из них, что даст возможность не зависеть от других толкований по этому поводу и в дальнейшем способствует более глубокому исследованию.

Surpu II

1. Заклинание. Да будет прощен, великие боги,
2. Бог и богиня, владыки прощения,
3. Имярек, сын имярека, чей бог имярек, чья богиня имярек,
4. ... больной, хворый, скорбящий, страждущий,
- 5 (Кто) запрещенное богом своим ел, кто запрещенное богиней своей ел,
- 6 (Кто) сказал «нет» вместо «да», кто сказал «да» вместо «нет»,
- 7 (Кто) вслед равному себе пальцем показал,
8. (Кто) клеветал, непристойное говорил,
- (9-10 разбиты)
11. (Кто) богом своим пренебрег, с богиней был неучтив,
12. (Кто) ... злое сказал,
13. (Кто) ... нехорошее сказал,
14. (Кто) ... несправедливое сказать заставил,
15. (Кто) ... неверное судью решить заставил,
16. (Кто) ... предстоял,
17. (Кто) ... говорил, говорил и преувеличивал,
18. (Кто) ... слабую обидел,
19. (Кто) ... отвратил женщину от ее города,
20. (Кто) сына от отца отделил,
21. (Кто) отца от сына отделил,
22. (Кто) мать от дочери отделил,
23. (Кто) дочь от матери отделил,
24. (Кто) невестку от свекрови отделил,
25. (Кто) свекровь от невестки отделил,
26. (Кто) брата от брата отделил,
27. (Кто) друга от друга отделил,
28. (Кто) товарища от товарища отделил,
29. (Кто) схваченного не отпустил, связанного не ра; вязал,
30. (Кто) не дал узнику увидеть свет (дня),
31. (Кто) о схваченном: «держи его», о связанном «вяжи его» сказал²,
32. (Кто) не ведал, (что есть) проступок (перед) богом, прегрешение перед богиней,
33. (Кто) богом своим пренебрег, с богиней был неучтив.
34. Против его бога вина его, против его богини прегрешение его,
35. К отцу своему он полон презрения, к старшему брату он полон ненависти,
36. С отцом-матерью он был неучтив, на старшую сестру наговорил дурного,
37. Малой мерой дал, большой — получил,
38. Когда не было — «есть» сказал,
39. Когда было — «нет» сказал,
40. Неправильное сказал, неточное сказал,
41. Дерзкое сказал, ... сказал,
42. Неверные веса держал, правильных весов не держал,
43. Нечестное серебро принимал, честного серебра не принимал,
44. Законного сына прогнал, законного сына (в правах) не утвердил,
45. Неверную границу провел, верной границы не проводил,
46. Межу, границу и межевой камень передвинул,
47. В дом соседа своего вошел,
48. С женой соседа своего сблизился,
49. Кровь соседа своего пролил,
50. Одежду соседа своего надел.
51. (Кто) нагого человека не одел,

52. (Кто) доброго человека от семьи отдалил,
53. (Кто) собранный род рассеял,
54. (Кто) перед начальством стоял (навытяжку),
55. Чьи уста прямы, (а) сердце лживо,
56. В чьих устах «да», (а) в сердце «нет»,
57. (Кто) всегда говорил неправду,
58. (Кто) праведного ...,
59. (Кто) губил, удалял, истреблял,
60. (Кто) уличал, указывал, сплетничал,
61. (Кто) грабил, разбойничал и побуждал к разбою,
62. (Кто) ко злу обращал свою руку,
63. Чей язык лжив и ..., на чьих губах — путаница и невнятность,
64. (Кто) в неправильном наставлял, кто неподобающему учил,
65. (Кто) следовал за злом,
66. (Кто) преступил границы истины,
67. (Кто) недоброе сотворил,
68. (Кто) обратил руку свою к колдовству и чародейству,
69. За скверную запретную пищу, что он ел,
70. За многие грехи, что он совершил,
71. За Собрание, которое он рассеял,
72. За родню соединенную, которую разогнал он,
73. За все, в чем с богом и богиней он был неучтив,
74. За то, что обещал и сердцем, и устами, но не дал он,
75. За то, что при кажении именем бога своего пренебрег,
76. Жертву принес, но пожалел и отобрал,
77. ..., для бога оставил, но сам съел,
78. Пребывая в гордыне, воздеть руки решил,
79. Приготовленный жертвенный стол опрокинул,
80. Бога своего и богиню свою прогневил,
81. В Собрании вставал и беспокойное говорил,—
82. Да будет прощен! Он не знал и поклялся,
83. Взял и поклялся,
84. Спрятал и поклялся,
85. Украл и поклялся,
86. Убил и поклялся,
87. На ламассу указал он пальцем,
88. Ламассу отца и матери он поклялся,
89. Ламассу старшего брата и старшей сестры он поклялся,
90. Ламассу друга и товарища он поклялся,
91. Ламассу бога и царя он поклялся,
92. Ламассу господина и госпожи он поклялся,
93. В пролитую кровь он ступил,
94. В место пролития крови не раз он ступал,
95. Запрещенное в его городе он ел,
96. Дело своего города он выдал,
97. Городу своему он дал дурную славу,
98. К оскверненному он стремился,
99. Оскверненный к нему стремился,
100. На ложе оскверненного спал он,
101. На кресле оскверненного сидел он,
102. За столом оскверненного ел он,
103. Из кубка оскверненного пил он.

Как мы видим, проступки, вольные или невольные, даже несознаваемые, тяжкие и незначительные проступки, совершаемые как по отношению к богам, так и по отношению к людям, все они в полном беспорядке причисляются к ряду действий, способных приносить несчастье человеку, совершившему их. Оскорбление бога или убийство человека, занятия колдовством или простой контакт с околдованным человеком — все это почти одинаково пагубно. Здесь уже имеет быть место представление, которое позднее с такой настойчивостью разрабатывалось евреями, о том, что всякая провинность влечет за собой бедствие и что всякое бедствие, болезнь или несчастный случай, является последствием греха³. Однако принципы, которые образуют нравственную вину, отделяющие злодеяние от ошибки или неведения, еще не обозначились. Выделение дел, *злых по своей сути*, уже содержит зачаток морали. Однако понятие ответственности, порождаемое представлением о свободной воле, еще не сложилось. Поэтому зло, являющееся результатом определенных действий, предстает в качестве простого последствия, а не настоящей санкции. Мы не находим ценностной шкалы, в соответствии с которой не слишком щепетильный торговец, использующий неточные весы и легкие гири, понесет наказание от бога, который, в свою очередь, отвечал бы за воздаяние каждому по его делам, нам просто сообщают, что это принесет ему несчастье, точно так же, как если он будет рвать определенные растения или разобьет кружку. Это объясняет, почему он так мало заинтересован в дифференциации провинностей по их степени и тяжести. По той же причине зло, которое проистекает из его проступков, будет отвращено не путем сокрушения, покаяния и приношений богам, как если бы оно являлось наказанием, а посредством заклинаний и магических церемоний. Помимо дел и слов, приносящих зло, существуют и такие, которые зло устраняют.

Данный список требует еще нескольких замечаний. В нем (стрк. 76) мы находим первое упоминание на ассирийском языке о запрещении определенных приношений. Известно, что в жреческом Кодексе запреты такого рода очень многочисленны; теперь можно надеяться, что ассирийская религиозная литература предоставит нам и другие примеры, и предполагать, уже с некоторой долей правдоподобности, что на реке Иордан евреи лишь продолжили традицию, которую позаимствовали в долине Евфрата. — Вина, вменяемая тому, кто не отпускает заключенного (стрк. 29-31), также напоминает одно библейское предписание: «Если купишь раба Еврея, пусть он работает [на тебя] шесть лет, а в седьмой [год] пусть выйдет на волю даром»⁴. Употребление в пищу жертвенного мяса также пагубно⁵. Мы знаем, что у евреев никто не должен был есть мясо жертвы, принесенной во искупление греха⁶. Возможно, ассирийский запрет также должен пониматься исключительно в связи с искупительной жертвой.

Исключительное значение, приписываемое проступкам против семьи, возможно, является напоминанием об эпохе патриархата. По-видимому, путь семитских народов к концепции государства был нелегким; арабы до сих пор не отошли от племенной организации. В подобном обществе семейные связи были тем более крепки и должны были быть тем более надежны, что лишь они одни поддерживали некоторое единство и порядок. Следовательно, все то, что имело тенденцию ослаблять эти связи, расценивалось, как преступление. Ассиро-халдеи, жившие в могущественных городах, создававшие обширные империи, в этом вопросе сохраняли представления своих предков — скотоводов и кочевников.

Возникновение городов знаменовало собой становление более развитой цивилизации; это новое формирование породило новые обязанности для граждан, которые в него входили. Возможно, что у каждого такого полиса, как и у божества, которое ему покровительствовало, имелось сакральное имя, хранившееся в строгой тайне, поскольку знавший его приобретал неограниченную власть над городом. Следовательно, «произнести название своего города»⁷ значило совершить неблагоприятный поступок, приносящий несчастье^a. (У автора неверный перевод «имя своего города он произнес». В аккадском тексте слово *амату*, «слово», употреблявшееся в значении «приказ, дело (которое нужно выполнить)». Имеется в виду, что человек выдал посторонним информацию о некоем важном мероприятии, которое боги приказали выполнить горожанам.)

Состояние ритуальной нечистоты — вещь чрезвычайно заразная; оскверненный оскверняет все, к чему прикоснется, будь то люди или предметы. Мы уже видели несколько

вариантов того, как происходит заражение⁸: заразиться можно, разговаривая с жертвой колдовства, употребляя в пищу хлеб, воду или другие напитки, принадлежащие ей или какому-либо грешнику, даже заступаясь за грешника⁹, и, наконец, принимая нечистое серебро из рук заколдованного человека¹⁰. Достаточно простой встречи:

- «7. в пролитуую воду омовения ступил он,
- 9. свои ноги в нечистую воду погрузил,
- 10. в воду немых рук посмотрел,
- 12. женщину с нечистыми руками обнял,
- 14. на девушку с нечистыми руками позарился,
- 15. ведьмы рукой коснулся,
- 17. человека с нечистыми руками обнял,

Табличка АА

- 4. Кого-то нечистого телом коснулся»¹¹.

Естественно, в состоянии нечистоты человек не должен был пытаться войти в контакт со своим богом¹².

Некоторые из *мамит* кажутся не чем иным, как санкцией, относящейся к определенным аграрным табу. Плоды земли могут охраняться табу, нарушение которого приносит несчастье; отсюда — *мамит*, фактически, как результат срывания растений на полях и тростника в камышовых зарослях¹³.

Мы видели, что разновидность проклятия или колдовства, называемая *мамит*, может проистекать из прегрешения, совершенного против богов, города, семьи, или индивида, или же контакта с нечистотой. Сверх того существует определенное количество деяний, считающихся роковыми, причем нет возможности определить, для кого или почему они предосудительны. По отношению к нравственности они сами по себе так же безразличны, как разбитое зеркало или опрокинутая солонка, однако зло, которое они в себе «несут», от этого не менее фатально. Выяснить происхождение этих суеверий обычно чрезвычайно трудно либо в силу их древности, либо из-за того, что порождает их простой народ, и зачастую скрытно. Известно, с какой легкостью и даже расположением простой народ принимает самые невероятные рассказы, с какой поспешностью выводит универсальный закон из более или менее достоверного частного случая и, наконец, с каким упорством он отмечает любые доказательства противного, которые может доставить ему последующий опыт, фольклор всех народов является прежде всего свидетельством стойкости их легковерия. Тем не менее мы можем, по крайней мере в общем виде, выделить некоторые из путей формирования народных суеверий. Прежде всего в необходимый закон возводится реальное, однако случайное совпадение или последовательность двух фактов. Случалось и еще случится так, что самый молодой или самый старший из тринадцати человек, которые пообедали за одним столом, через год умирает. Находится немало упрямец, и когда, напротив, смерть одного из сотрапезников следует за обедом на восемь персон, вера в роковое влияние числа тринадцать остается неискоренимой. В связи с этими «опытными» данными можно сказать, что они *a priori* выводятся из характера существа или события, признанного роковым. Основополагающий принцип этого умозаключения, который мы обнаружим в практической магии, состоит в том, что подобное порождается подобным. Именно поэтому многие народы убеждены в роковом влиянии прелюбодеяния на урожайность полей и плодovitость стад¹⁴: нарушение человеком брачного закона поражает всю природу бесплодием. В силу того, что я назвал бы «этимологическим предрассудком», сходство между причиной и следствием может быть чисто вербальным. Тогда связь одной с другим устанавливается путем игры слов. Именно по этой причине, если луна находится в той фазе, которую ассириец обозначает, говоря, что «она окружает себя рекой», то следует ждать наводнения¹⁵.

Что бы там ни было, куда труднее объяснить, почему считалось опасным заслонять рукой свет¹⁶, разбирать очаг в чьем-либо присутствии, садиться на сиденье лицом к солнцу¹⁷, спрашивать кого-либо о диких животных вблизи домашних или разбивать блюдо или кружку¹⁸. Изучение происхождения народных суеверий, очевидно, должно начинаться с тех из них, которые все еще достаточно жизненны: зачастую одновременно с верованием можно получить и объяснение его возникновения, иногда, вероятно, ложное, но нередко достаточное для того, чтобы напасть на верный след. К несчастью, исследователи фольклора больше озабочены накоплением фактов, чем их объяснением, и те работы, которые я смог пролистать по этому предмету, были для меня довольно слабой опорой.

Некоторое число *мамит* перечисляется в серии *Шурпу*, при этом не снабжаясь никакими объяснениями, что не позволяет нам делать какие-либо предположения относительно *мамит*. Это упоминание слишком кратко, для того чтобы мы могли позволить себе высказываться не только о природе *мамит*, но даже о его происхождении. Именно поэтому на настоящий момент следует воздержаться от того, чтобы с определенностью утверждать что-либо о *мамит*, осуществляемых посредством «кузнечных мехов и переносной печки, лука и колесницы, бронзового кинжала и копья, дротика и арбалета, тамариска и пальмы, колодца и реки, пристани и брода, ... и моста, горы и ущелья, возвышенности и долины, поля, сада, дома, рынка, дороги, жилища; посредством глины, могилы¹⁹, канала, моста, дороги и улицы»²⁰. С некоторой вероятностью можно идентифицировать лишь те чары, по поводу которых имеются более внятные указания где-либо в другом месте. Например, достаточно правдоподобно, что *мамит*, совершаемые посредством чаши и блюда, посредством постели и кровати, посредством сидения, постели, кровати²¹ — это чары, о которых идет речь во второй табличке той же серии (выше, стр. 104, стрк. 101-103) и которые вызываются прикосновением к предметам, бывшим в употреблении у жертвы колдовства.

Итак, мы выделили в качестве роковых очень разнообразные явления, которые, однако, имеют по крайней мере одну общую черту, будучи результатами человеческой деятельности. Человек, достигший полного осознания законов и ритуалов, осведомленный о пагубных последствиях определенных жестов, может воздержаться от совершения этих незаконных, нечестивых или просто опасных поступков. Но и после этого он не должен считать себя застрахованным от опасностей. Помимо тех несчастий, которые могут вызываться его собственными вольными или невольными поступками, есть и другие, порождаемые феноменами, совершенно недоступными его контролю. Астрономические и атмосферные явления, различные чудеса, вроде рождения чудовищ, не только возвещают, но также служат причиной предстоящих бедствий. Действительно, похоже, что ассирийцы не отличали причинность от обычной последовательности. Одно явление следует за другим, следовательно, им порождается, и именно потому, что первое предшествует второму. Бедствия, которые обрушиваются на человека после затмения, являются «бедами затмения», *lumin atali*²²; «дурные сны, чудеса, роковые знамения на небе и на земле»²³ вызывают не меньший страх, чем бедствия, которые за ними следуют. Астрологи постоянно заняты тем, что вопрошают небеса, прорицатели ищут советы по поводу смысла предзнаменований. Их предсказания редко бывают утешительными: роковыми считаются самые естественные и, с нашей точки зрения, самые нейтральные явления²⁴.

Человек заключен в непреодолимое кольцо врагов, духов и колдунов, со всех сторон ему угрожают последствия его собственных деяний или просто игра природных сил. Его слабость не может противостоять такому натиску. Вся его жизнь от рождения до смерти — это длинная цепочка несчастий. Мы уже назвали некоторые из них. Остается сказать пару слов о тех, устранением или исцелением которых главным образом похвалялась магия, то есть о болезнях.

Присутствие демонов в теле человека, козни колдунов, влияние *мамит* и знамений проявляется в виде болезней. По правде говоря, часто бывает трудно отличить болезнь от демона, который ее провоцирует. Например, страшная «головная боль» описывается как настоящий демон; он выходит из пустыни и набрасывается на человека, который не боится своего бога, причем никто не в состоянии ни предвидеть, ни отразить его удары²⁵; его

быстрота подобна быстроте ветра, молнии, наводнения или быка, он выразительно сравнивается с демоницей, называемой *ламашту*, он обладает телом, и это тело — ураган. «Его лицо — сумрачные небеса, его лицо наполнено густой тенью подобно лесу»²⁶. Пугающее описание производимых им разрушений прекрасно показывает, что «головная боль» ассирийцев — это не простая мигрень: он срывает человека как розу, заставляет его бежать как безумного, жжет его как огонь, пожирает его члены и мышцы, раздирает его грудь, проламывает ему бока как старой лодке²⁷. Это не сумасшествие, которое на ассирийском называется *sane temi* (букв. «изменение рассудка») и с которым к тому же сравнивается. По некоторым признакам, можно распознать в нем скорее эпилепсию: «он повергает на землю, он сотрясает, он колеблет тело»²⁸. Эта болезнь поражает быков, полевых животных и, подобно жалу гадюки, всякого, кто встретится ему на пути²⁹; и тогда это, возможно, бешенство или какая-то схожая с ним болезнь.

По чистой случайности раскопки дали нам больше сведений по поводу «головной боли», чем любой другой болезни. Мы почти не в состоянии уточнить природу этого заболевания или нервных недугов, которые изгоняются посредством заклинания нашей первой таблички³⁰; мы не дерзнули бы утверждать, что болезнь, при которой «глаз человека полон крови», это конъюнктивит³¹, и даже не можем выдвинуть гипотезу относительно *шулу* и *имишу*, о которых нам известно только то, что они мучительны, и болезней глаз, называемых *амуррикану* и *кукану*³². Часто болезнь не называется, и страдания человека описываются, разумеется, с выразительностью, но без достаточной точности, которая позволила бы диагностировать ее природу. Впрочем, предмет нашего исследования находится вовсе не здесь. Магия равным образом исцеляет любые болезни, и теперь нам предстоит рассмотреть, как боролась с ними ассирийская магия или, вообще, как она позволяла человеку одержать верх над своими бесчисленными врагами.

Часть вторая

МАГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

Глава IV

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ГАДАНИЕ

Ассириец окружен могущественными врагами, настойчиво добивающимися его гибели. Его подстерегают злые демоны, всегда готовые воспользоваться недовольством его бога-покровителя. Колдуны и ведьмы со своими кознями опасны отнюдь не меньше. Наконец, человек никогда не застрахован от того, чтобы навлечь на себя, даже без собственного ведома, множество бедствий, — слово, жест, случайная встреча могут оказаться для него источником тысячи несчастий. Следовательно, его страдания имеют самое разнообразное происхождение. А между тем, прежде чем искать лекарство, следует распознать причину. Необходимо определить, не выказывал ли пациент пренебрежения в адрес своего бога, не был ли осквернен контактом с чем-либо нечистым, не околдован ли чародеем и не одержим ли демоном. Это связано не с тем, что в зависимости от того, шла ли речь об устранении последствий *мамит*, отвращении колдовских чар или изгнании *утукку*, методика могла значительно отличаться. Однако было необходимо, чтобы источник зла, против которого направлено действие, указывался в заклинании. Изучая структуру заклинаний, мы увидим, что лечение часто проводится в неведении точной причины беды, посредством длинного списка всех возможных причин. Однако это то, что остается на худой конец, или дополнительная предосторожность, призванная восполнить неточности в диагностике. На самом деле первой задачей мага, как и медицины, является поиск причины. Впрочем, методы у них совершенно разные. Для того чтобы раскрыть причину болезни, магу нет нужды в терпеливом наблюдении симптомов, для него нет смысла осматривать больного и определять природу заболевания по виду выделений и функционированию органов: для него причина недуга не в этом. Особая терапия нуждается в особой диагностике. Таким необходимым подсобным средством магии является гадание. Из уже многочисленных текстов нам известно, что ассирийцы прибегали к наблюдению за астрономическими и атмосферными явлениями, изучению внутренностей жертвенных животных, снотолкованию и предсказанию будущего: не ожидая, пока их постигнет несчастье, они силились предугадать и предотвратить его^a, (^a Можно сказать, что медицина разрабатывалась ассирийцами по методу наблюдательной астрономии и астрологии. Для нее характерно лечение органов, за которыми (или за продуктами которых) легко наблюдать — головы, глаз, печени, кишечника, но ничего не говорится, к примеру, о болезни сердца. Именно по этой причине месопотамская медицина не была столь развитой, как египетская. Египтян интересовали внутренние причины заболевания, которые были лишены персонификации, возникали и размещались в человеческом теле и в силу этого могли быть излечены рациональным способом. Однако в силу стремления к наблюдению и интерпретации внешних знаков природы месопотамская астрономия превзошла египетскую.) и хотя ни один текст не говорит этого напрямую, мы можем с полным правом полагать, что в целях коррекции будущего они зачастую прибегали к магии; для этого существовала целая категория магических действий, предполагавших предварительное знание будущего, и отправной точкой для них было обращение за советом к гадателю. Гадательная наука ассирийцев также обладала возможностями чтения прошлого и обнаружения истоков нынешних бед. К несчастью, эта часть гадательного искусства является одной из наименее изученных, и я почти не вижу текстов, где бы содержалось упоминание о ней, кроме одного. Это отрывок из второй таблички *Шурпу* (стрк. 105-129), где в заклинании перечисляются средства, применяемые жертвой колдовства, чтобы раскрыть причину своего состояния:

«Он вопрошает, он вопрошает; он вопрошает постель, он вопрошает стул, он вопрошает тарелку, он вопрошает, давая стакан, он вопрошает, затапливая переносную печь, он вопрошает факел, он вопрошает кузнечные мехи, он вопрошает табличку и калам; он вопрошает BAR и KA¹; он вопрошает домашних животных, он вопрошает диких животных, он вопрошает оросительные каналы, он вопрошает колодец, он вопрошает реку, он вопрошает лодку, *hinnu* и MA. TU², он вопрошает восход солнца и закат солнца, он вопрошает богов

неба и святилища земли, он вопрошает святилища господина и госпожи, он вопрошает выход из города и вход в город, он вопрошает выход из великих ворот и вход в великие ворота, он вопрошает вход в дом и выход из дома, он вопрошает улицу, он вопрошает дом бога, он вопрошает дорогу».

Надо надеяться, что будущие публикации прольют больше света на эти предварительные действия, сегодня же мы можем только констатировать их использование. Вот и все, что можно сказать об ином способе применения гадания в магии, следы которого мы обнаруживаем в ритуалах. Для обрядов экзорцизма не все периоды времени одинаково благоприятны, как, впрочем, и для жертвоприношений. Бывают моменты, когда лучшие рецепты не имеют эффекта и самые непреодолимые заклинания оказываются бессильными. Значит, прежде чем начать действовать, необходима уверенность в том, что обстоятельства благоприятны. Определенно, что магические обряды совершались не безразлично по отношению к временному отрезку точно так же, как цари не начинали военную кампанию, не посоветовавшись с гадалем и не удостоверившись в том, что момент выбран удачно³. Многие ритуалы начинаются словами: «в благоприятном месяце, в благоприятный день...»⁴. В письме Мардукшакишума мы читаем: «В дурной, роковой день маг не совершит воздеяния рук»⁵. Однако в каждом случае ли прибегали к отдельной консультации с оракулом или же, как и для религиозных церемоний⁶, существовал род календарей, указывавших обряды, соответствующие каждому дню месяца? Молчание текстов на этот счет пока не позволяет нам разрешить этот вопрос.

Для совершения магических ритуалов час значил не меньше, чем месяц или день; однако похоже, что он был унифицирован, по крайней мере для каждого обряда или разновидности обрядов, и что его определение не являлось задачей гадания. Это вытекает из заклинаний, в которых время четко обозначается теми самыми словами, которые произносил экзорцист или его пациент. Действия, направленные против колдунов, обычно совершались на рассвете. Действительно, в серии *Маклу* мы находим несколько отрывков, вроде следующих: «Я жду, пока ты взойдешь, господин Шамаш. — Заря появилась, я воздел руки. — Шамаш взошел, я совершил омовение рук»⁷. Это заклинание следовало читать утром и вечером: «Читай над ним заклинание при уходе и возвращении скота»⁸. Вероятно, ассирийцы разделяли все еще распространенный сегодня предрассудок, согласно которому колдуны и ведьмы могущественны лишь ночью, с приходом зари они оказываются обессиленными, и тогда их гораздо легче одолеть. Пролить свет на это суеверие может любопытная практика южной Италии: «Убивают собаку или кошку и вечером кладут труп на пороге; прежде чем войти в дом, ведьма обязана пересчитать все шерстинки животного, а это дело, которое невозможно закончить до восхода солнца. В этот момент она утрачивают всю свою силу, и ее находят лежащей на мостовой, совершенно нагой и в своем естественном виде»⁹.

Глава V

ОЧИСТИТЕЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ: ОМОВЕНИЕ, ОКУРИВАНИЕ

Одним из первейших следствий одержимости и колдовства является состояние нечистоты, в котором оказывается жертва. «Вы наполнили меня нечистотой», говорит человек, пострадавший от чар¹. Следовательно, экзорцизму и магическим контрмерам должно предшествовать прежде всего очищение.

Естественно, что главное из очистительных средств - это вода. Помимо того, что вода очищает человека от физического загрязнения, она считается способной избавлять его и от нравственной скверны, которую приносит с собой колдовство. В сущности, такой переход от физического к нравственному представляет собой символ: омовению приписываются такие же свойства в области духа, какими оно обладает на материальном уровне. Тот же символический подход, применяясь по-разному, прослеживается в основе всех магических

действий. Магия, если она не увлекается фармацевтическим шарлатанством или оккультной галиматъей, всегда бывает символической, или, как говорится, «симпатической».

Очищение может служить лишь предварительной церемонией, призванной привести человека в такое состояние, когда он способен получить пользу от последующих ритуалов или даже выполнить их, не подвергая себя опасности. Часто этого достаточно, чтобы полностью ее устранить: притом, что общей причиной всех страданий является нечистота, очищающая вода побеждает зло вместе с его скверной. Эта идея часто звучит в заклинаниях: «Все, что есть дурного, погибельного, что находится внутри [тела N, сына N], водами его тела и омовениями его рук да будет убрано прочь»². Омование водой устраняет и колдовские чары ведьмы: «Твои чары, твоё колдовство, твои козни и пр. водой моего тела и омовениями моих рук да будут убраны прочь»³. Очищение посредством воды предписывается и во многих других ситуациях⁴. Иногда оно даже является единственным физическим ритуалом, сопровождающим заговоры экзорцизма. Маг, *машмашшу (mashshu)*, — это прежде всего очиститель, *муллилу (mullilu)*, и оба слова передаются одной и той же идеограммой: MAS. MAS.

Не всякая вода одинаково эффективна. Особенно чистыми признавались воды Тигра и Евфрата. «Вода чистая, вода, происходящая из Тигра»⁵ — таковы были первые слова заклинания, которое следовало трижды прочитать перед сосудом для омовения. Другое заклинание говорит об омывании «водами чистыми..., водами Евфрата, которые в чистом месте [хранятся], ...водами, которые надёжно хранятся в *ансу*.⁶» *Ансу*, то есть, собственно, море^a, (^a Шумер, *абзу*, «подземные воды», аналогично назывался резервуар для освященной воды, бывший обязательной частью каждого храма. Во времена Ассирии *ансу* — также название пресных подземных вод, для обозначения моря существовало слово *тамту* (море, соленые воды, откуда потом Тиамат).) в данном случае, несомненно, соответствует медному морю (...) храма Соломона, то есть огромному резервуару, в котором хранится вода, предназначенная для омовений. Цари Ур-Нанше, Бур-син и Агумкакрима⁷ в своих надписях похваляются строительством подобных «морей». Построенное Ур-Нанше было посвящено Эа, богу-чародею, обиталищем которого традиция называет Океан. В определенных случаях воду следовало брать в месте слияния двух рек: «Возьми воду в устье двух рек, над этой чистой водой произнеси свое заклинание...; человека, сына его Бога, окропи»⁸. Один раз ритуал предписывает использовать «воду из колодца, к которому не прикасалась ничья рука»⁹. Особенно эффективна вода из Эреду, центра почитания Эа, бога-чародея: «Я очистил свое тело чистой водой из источников, которые в Эреду»¹⁰. Несколько раз рекомендуется морская вода¹¹. Возможно, даже название «море», данное храмовому бассейну, было призвано сообщить пресной воде свойства морской. Чаще всего вода используется в чистом виде; иногда в нее добавляется тамариск, *маштакаль*, карликовая пальма, *шалалу*, кипарис и белый кедр¹²; или же тамариск, трава *дилбат*, финиковые косточки, трава *ну*, гипс, перстень, драгоценный камень, трава *гам гам* и кипарис¹³. Речь никогда не идет о погружении, это обычно окропление, простое либо совершаемое семь или два раза по семь раз¹⁴; для изгнания демона под названием *рабшу*¹⁵ оно не требуется. Иногда следует очистить определенную часть тела, руки, лоб или рот¹⁶. Наконец, случается, что воду необходимо выпить: «Из чистого *тиширу* выпей чистую воду»¹⁷.

Иногда, как это можно заметить в только что процитированных текстах¹⁸, над водой, предназначенной для омовения, полагается прочитать заклинание. В этом случае вода оказывает действие посредством не только своих основных свойств, но еще и особой силы, которой наделяет ее заклинание. Тогда физический ритуал омовения сочетается с вербальным, который мы изучим в дальнейшем. Однако если верить огромному количеству текстов, в которых вода применяется без всяких упоминаний о предварительных церемониях, призванных сообщить ей новые свойства, чаще всего оказывается достаточно простого омовения¹⁹.

Выглядит правдоподобным, что омовения обычно совершались в особом месте, называемом *бит римки (bit rimki)*, дом омовений. В магических текстах *бит римки* упоминается несколько раз. Эа, говоря о больном, указывает своему сыну Мардуку: «Принеси его в дом очистительных омовений»²⁰. Ритуал для магов также назывался *бит римки*, это слова, которыми начинается первая табличка²¹. Она предписывает магу построить

бит римки в сельской местности²². Значит, это, вероятно, была временная постройка, может быть, просто палатка или шалаш, сооружавшийся специально для этого случая и уничтожавшийся после церемонии, так как в нем жертва колдовства должна была оставить свою нечистоту. Я бы даже с удовольствием предположил, что рекомендация строить *бит римки* в сельской местности или пустыне (*ина цери (ina seri)*, в обоих смыслах) имела в основе боязнь возможного заражения. Добавим, что, прежде чем туда войти, пациент иногда совершал предварительное омовение и облачался в ритуальные одежды²³, которые, по-видимому, были черными, так же как и одеяние экзорциста²⁴.

При том, что ритуальное очищение было чисто символическим, считалось, что оно может совершаться не только водой, но также и посредством всех веществ, признававшихся чистыми. Так, очищению способствовали сливочное масло, молоко, сливки, медь, серебро и золото²⁵. Металлы оказывали действие лишь, так сказать, посредством своего присутствия, выражалось пожелание, чтобы больной стал чистым, как медь, к которой он, возможно, прикасался, и которая, в любом случае, должна была фигурировать в церемонии. Съедобные вещества съедались: «из чистой тарелки ешь чистую пищу»²⁶. По-видимому, совершенно особенной репутацией обладало молоко рыжих коз²⁷.

Мы привыкли считать благовония компонентом жертвоприношения. Ассирийцы использовали их также при окуривании, сопровождавшем омовение, дабы не оставить никаких сомнений в достижении желаемого эффекта²⁸: целью окуривания было очищение пострадавшего от колдовства. Чаще всего употреблялся кипарис²⁹, иногда *харру*³⁰. Иногда указывается, что вещества должны сжигаться на дровах из колючих растений

Глава VI

РИТУАЛЫ РАЗРУШЕНИЯ. ПОРЧА

Самого по себе очищения может быть достаточно для борьбы с колдовством: на основании символики, о которой говорилось выше, оно просто-напросто смывает чары, которые *исчезают* подобно пятну. Однако обычно оно служит лишь прелюдией к другим ритуалам, играющим не меньшую роль в магической драме. Можно полагать, что при омовении вода принимает скверну на себя: ритуал очищает пострадавшего, но не уничтожает чары, они остаются в использованной при омовении воде, как потенциальная сила и, следовательно, представляющая опасность¹, которую необходимо уничтожить. Как мы уже говорили выше, очищение может служить лишь некой прелюдией к экзорцизму, подготовкой и средством приведения пациента в нужное состояние. Им, наконец, можно полностью пренебречь. Во всех этих случаях по-настоящему действенным или даже единственным является то, что я бы назвал ритуалом разрушения.

Здесь мы снова сталкиваемся с чисто символической церемонией. Устранение зла и изгнание чар символизируется уничтожением фрукта или овоща, луковицы, финика, соцветия пальмы, горсти зерна, овечьей или козьей шерсти. Эти предметы раздробляются, измельчаются, толкутся и наконец сжигаются, что и завершает разрушение. «И зло, которое терзает тело больного, каково бы ни было проклятие его отца, проклятие его матери, проклятие его старшего брата, проклятие *шаггаиту* (демон чумы), которого никто не знает, волшебство будет устранено, как кожа с лука, разрезано как финик, сорвано как соцветие»². Заклинание, читаемое в ходе ритуала разрушения, прекрасно показывает символическую связь, которая соединяет чары с уничтожаемым предметом. Вот одно из особенно поучительных:

«Заклинание. Мои руки наполнены зернами *упунту*; мои руки наполнены жаром, лихорадкой, ознобом, мои руки наполнены проклятиями, сглазами; мои руки наполнены мучениями, страданиями, мои руки наполнены болезнью, болью, грехами, проступками, преступлениями, пороками; мои руки наполнены физическими и нравственными страданиями; мои руки наполнены чарами, приворотными зельями, колдовством, порчами. Подобно тому, как эти зерна *упунту* сжигаются огнем, как сеятель не посеет их в поле, как

они не прозябнут в бороздках и каналах, как они не вращут своими корнями в землю, как из них не поднимется никакой стебель, как они не увидят солнца, — так пусть их порча⁴ не произрастет в моем сердце, их корень не внедрится в мой позвоночник, их стебель не пронзит мою грудь! Пусть проклятие, порча, мучение, страдание, болезнь, боль, грех, проступок, преступление, порок, болезнь, которые таятся в моем сердце, в моей плоти, в моих членах, сгорят, подобно этим семенам! В этот день да поглотит их пламенеющий Гирра, и да снимет он порчу, и да живу я!»⁵ Далее, даже с чрезмерной детализацией, подчеркивается, что эта луковица больше не будет расти и не окажется на столе ни у бога, ни у царя, что цветы этого соцветия больше не расцветут на пальме, что эта шерсть больше не послужит для изготовления одежды ни для бога, ни для царя⁶.

Остается сделать еще один шаг — уничтожить, в свою очередь, огонь, который поглотил предметы, символизирующие чары, то есть погасить его. Таким образом, исчезнут всякие следы колдовства. Выполнение этого ритуала подчиняется своим требованиям.

«Я, великий жрец, я зажигаю огонь, я зажигаю переносную печь, я источаю избавление, я священный жрец Эа, посланец Мардука. Переносную печь, которую я зажег, я гашу; огонь, который я разжег, я тушу; зерно, которое я высыпал в огонь, я размельчаю. Так же как я погасил огонь, который я зажег, как потушил огонь, который я разжег, как я размельчил зерно, которое я рассыпал, пусть Сирис, который освобождает богов и людей, распутает узел, который он завязал. Да откроется для N, сына N, закрытое сердце его бога и богини; да будут изглажены его прегрешения, да будут они отпущены ему, да будут они ему прощены»⁷.

Колдовство, которое требуется уничтожить, может символизироваться животным; смерть одного повлечет за собой уничтожение другого. В одном из наших текстов содержатся некоторые, очень краткие, сведения об этом ритуале. Сначала царь очищается; затем, по выходе из «дома омовений», он берет лук, сделанный чистыми руками, подаренный Нинигиламгой, великим плотником Апу, и перед лицом солнца убивает газель, олицетворяющую его грех; злой *утукку* и злой *алу* уничтожаются одним ударом⁸.

Желая одолеть зло, проистекающее из *мамит*, маг должен прибегнуть к произвольной и условной символике, которая отождествляет чары с неким предметом. Когда зло относится за счет колдуна или демона, символика ритуала разрушения определяется естественным образом. Источником страдания является вовсе не провинность или ошибка, абстракция, ускользающая от всякого материального воспроизведения, — его автором является мужчина или женщина из плоти и крови, демон, тело которого обладает как антропоморфными, так и зооморфными чертами; их изображение, имеющее достаточно много типичных черт, сделать достаточно легко. Значит, символ готов: это будет образное представление, статуэтка демона, колдуна или ведьмы, и ритуал разрушения примет особую форму, которая называется порчей. Надо заметить, что для колдовства и контрколдовства этот обряд является общим: последнее в этом случае выступает в качестве точного противовеса первого. Колдун, на которого человек наводит порчу, ранее навел порчу на него самого; он изготовил изображение лица, на которое желал навлечь последствия своих чар: «Они сделали изображение, похожее на мое изображение, они скопировали мою внешность»⁹. Сейчас мы увидим пример порчи, применяемой против демоницы *ламашту*. В серии *Маклу* содержится заклинание, которое произносили, сжигая изображения демонов: «Я поднимаю факел, я сжигаю изображение *утукку*, *шеду*, *рабицу*, *этемму*, *ламашту*, *лабацу*, *аххазу*, *лилу*, *лилит*, *ардат лили*»¹⁰. Порча, тайно практикуемая колдунами, против врага применялась публично. Фрагмент одного ритуала, к сожалению, очень неполный, начинается так: «Когда враг против царя и его страны... царь должен встать на правом фланге своего войска». Затем, после принесения жертвы, к которой мы еще должны будем вернуться: «Ты сделаешь из сала изображение врага, при помощи *улинну* ты повернешь лицо его назад»¹¹. Я уверен, однако в данном случае это простое предположение, что, заставляя таким образом врага показать спину, символизировали и одновременно провоцировали, так как это одно и то же, его поражение и бегство. Наконец, изображение врага, по-видимому, уничтожалось водой или огнем. В любом случае это было обычным завершением манипуляций, связанных с порчей. Колдуны сжигали¹², топили¹³, закапывали, замуровывали¹⁴ изображения тех, кого хотели

погубить. Их жертвы наносили ответный удар, подвергая их изображения множеству казней, которые, как считалось, лишали их возможности наносить вред. «Я разделяю на куски твою силу», говорит одно заклинание; и эта мысль получает развитие в следующих словах: «Я вырываю твой язык, я наполняю твои глаза ветром, я рассекаю твои бока»¹⁵. Или же еще: «Колдунья, я взял твой рот, я взял твой язык, я взял твои зоркие глаза, я взял твои проворные ноги, я взял твои гибкие колени, я взял твои могучие руки, я заломил тебе руки за спину»¹⁶. Связать члены ведьмы уже означало сделать ее бессильной: «Я связал твоё тело, связал твои члены, сковал твою особу»¹⁷. Наконец, изображение сжигалось: «Изображения семи и семи колдуний я предал Гирре»¹⁸. Гирра, как и Гибил^a, (Гибил — неверное чтение имени Гирра.) Это бог огня, «который сжигает, поглощает, сковывает, укрощает ведьм»¹⁹. Сожжение иногда происходило на берегах Нару^{a20}. (^a *Нару* по-аккадски букв. «река»). В заклинаниях также священная река и бог священной реки (с детерминативом божества).) Похоже также, что иногда изображения помещались на небольшую лодку, которая затапливалась на середине потока. Одно заклинание, к сожалению неполное, гласит: «Син заставил сделать мое судно: между своими рогами²¹ оно несет освобождение; внутри живут колдун и ведьма, внутри живут тот, что наводит порчу, и та, что наводит порчу; внутри живут заклинатель и заклинательница»²². Возможно, это служило «ответным ударом» на порчу посредством «поднявшихся вод реки», в которой обвиняли колдуний²³, и, наводя которую, они, несомненно, топили изображение человека, которому желали смерти. Равным образом можно было поразить изображение оружием; в наших заклинаниях мы читаем в двух припевах: «Ты поразишь мечом изображение *ламашту*, в боковой поверхности стены похоронишь его, в ограде закроешь его»²⁴.

Изображения, предназначенные для ритуала порчи, изготавливались из различных материалов. Обычно выбирались вещества, которые легко обрабатываются и уничтожаются, подобно глине, битуму, салу или меду; реже использовалось дерево или даже медь²⁵. Иногда при изготовлении изображения использовалось несколько материалов; мы находим глиняные фигурки, обмазанные салом²⁶; или сделанные из битума и покрытые гипсом²⁷. Иногда какая-то определенная часть тела должна была изготавливаться из особого материала. Для заклинания «Ведьма, которая идет по улицам» следовало сделать изображение из глины, нанести сало на сердце, а на поясницу поместить кедр²⁸. Для заклинания «После того, как Нину рта воззвал к богу Алале на горе» делалось изображение из глины, и на сердце сверху помещался осколок горной породы²⁹. Как видно из этих описаний, рекомендации, собранные на восьмой табличке *Маклу*, не доверяют выбор материала вдохновению экзорциста или жертвы колдовства. Доходит даже до того, что обозначается происхождение материала: в одном случае изображение должно быть выполнено из битума с берегов Нару³⁰, а в другом — из меди из страны Нару³¹. Было бы чрезвычайно важно выяснить причины, которые определяли выбор в каждом случае, но до сих пор никто не смог вывести нас на правильный путь.

Глава VII

РИТУАЛЫ ЗАМЕЩЕНИЯ

Сходства между изображением и его моделью или даже простой условности, связывающей волшебство с каким-либо объектом, часто бывает достаточно для того, чтобы уничтожение замещающего предмета, схожего по внешним признакам, влекло за собой истребление чар. Однако в ряде случаев подобное замещение возможно только после обряда, переносящего результаты колдовства, от которого требуется избавить человека, на объект или изображение. Самый простой и естественный из этих ритуалов — это омовение, которое, так, как мы уже говорили выше, само по себе не всегда является законченным обрядом разрушения, но первым этапом освобождения от чар. При контакте с жертвой колдовства вода «заряжается» чарами, которые оскверняют жертву. Чтобы окончательно устранить опасность, закрепив колдовство на новом объекте, на него выливается вода, использованная при омовении. Тогда пациент будет освобожден посредством двойной процедуры за-

мещения. Так, например, мы видим, что ритуал из серии *Маклу* предписывает жертве колдовства омыть руки над изображением ведьмы¹ или даже сделать изображение колдуна и колдуньи в сосуде для омовения². Если автор колдовства неизвестен или это какой-то демон, вода, использованная при омовении, выливается на перекрестке³, и чары вместе с водой будут поглощены землей, если только не падут на кого-нибудь неосторожного, который наступит на это место⁴.

Как известно, узлы в ходу у всех видов магии, и символика, лежащая в основе их использования, легка для понимания. Узел очень точно изображает невозможность двигаться и действовать. Поэтому он используется как в колдовстве, так и в обрядах экзорцизма. В качестве колдовского средства он действует на жертву, чтобы обречь ее на бессилие и лишить возможности пользоваться тем или иным из ее членов, той или иной из ее способностей. В качестве орудия контрколдовства он воздействует на демона с тем, чтобы его парализовать, или на болезнь, останавливая ее развитие или предотвращая ее возникновение. Следовательно, это обоюдоострое оружие, которое поочередно используется колдунами и экзорцистами. Узлы часто представляются в качестве причины зла, от которого страдает пациент⁵, и слова «разорвать узел» означают то же, что «уничтожить чары»⁶, однако мы также очень часто видим, что узлы прописываются в качестве лекарства против болезней головы или глаз. «Яркие нити из красной шерсти..., против *амуррикану* его глаз, справа привяжи их»⁷. Для изготовления таких обвязок⁸ особенно рекомендовалась шерсть молодых коз, которые еще не приносили приплода, часто они бывали пестрыми⁹. Кроме того, таким же образом использовалось кольцо или перстень, который, некогда простое украшение, без сомнения, становился амулетом, сравнимым с узлом по своим символическим свойствам. «Перстень, сверкающий камень, который из его страны был привезен, против *кукану* его ока, на его левую руку помести его»¹⁰. Блестящее кольцо бросали, вместе с некоторыми растениями, в воду, предназначенную для определенных омовений¹¹.

Использование узлов, подобное тому, которое мы только что описали, не является ритуалом замещения, но, собственно, отсрочивающим или превентивным обрядом. С логической точки зрения, он мог иметь действие, только пока узел оставался целым, а голова или больная часть тела была обвязана. Представляется, что ассирийцы добились большей результативности применения узлов и ждали от них не только простой отсрочки, но и полного исцеления. Они воображали, что посредством более или менее продолжительного контакта с больной частью тела обвязка пропитывается злом и уносит его с собой, уничтожение этой нити, разрезанной и брошенной на перекрестке, с гарантией приводит к выздоровлению больного: «Обвяжи его голову... вечером разрежь [обвязку], брось ее на распустье, и пусть его головная боль будет снята»¹². Заклинание из серии *Шурту* проливает свет на это верование:

«Заклинание. К ие[родулам] он¹³ направил свой шаг, Иштар отдала приказания своим иеродулам, она приставила к веретену¹⁴ искусную женщину; из белой шерсти и черной шерсти она при помощи веретена спряла двойную нить, великолепную нить, великую нить, пеструю нить, нить, которая развеивает чары, против злых замыслов и чар людских, против проклятий богов, нить, которая рассеивает чары. Он обвязал голову этого человека, его руки, его ноги, Мардук, августейший сын Эреду. С его чистых рук он ее сорвал. Нить заклęcia¹⁵, пусть он отнесет ее в пустыню, в чистое место¹⁶; пусть гибельное заклęcie держится в стороне, пусть этот человек будет чист, пусть будет сияющим; пусть он вернется в дарующие благо руки своего бога»¹⁷.

Вместо того чтобы переводить зло или грех на обвязку, его можно перенести на изображение, но уже не посредством воды, которая использовалась при омовении, а через контакт с больным. Так, например, прежде чем проткнуть кинжалом и, как мы говорили выше, закопать в землю изображение *ламашту*, его помещали на голову больному¹⁸. Пациент мог быть подменен своим изображением¹⁹; демон, введенный в заблуждение сходством, должен был оставить тело одержимого. Случалось, что для того, чтобы обеспечить более успешную подмену, больной должен был лечь на свое собственное изображение, нарисованное на земле, и чары, таким образом, переходили из человека на

изображение. Наконец, точно таким же образом исцелению или очищению человека способствуют животные. Всему миру известен еврейский ритуал козла отпущения: «И возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедует над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлет с нарочным человеком в пустыню»²⁰. Г-н Принс считал, что следует опознать прототип этого ритуала²¹ в тексте, который у нас значится как Исц. № 19, однако я не могу увидеть в нем ничего похожего. Определенно, в нем говорится о козлах или животных этого вида, хотя слова *mas₂-hul-dub₂* не имели этого смысла^{a22}, (^a Принс все-таки прав: шумер. *mas₂-hul-dub₂* буквально значит «козел побивания зла»). Ритуал этот известен по клинописным текстам еще очень недостаточно. Ясно только, что экзорцист изгонял черного козла из священной черты города специальным жезлом.) однако речь здесь вовсе не идет о перемещении грехов или болезней путем возложения рук или любого другого контакта, и мы не можем утверждать, что каменный баран, убиваемый царем, был чем-то иным помимо символа, вроде лука или козьей шерсти, о которых мы говорили в главе, посвященной ритуалам разрушения. Нет оснований и для сопоставления книги Левит с нашим текстом Исц. № 10. Лепорман²³, введенный в заблуждение ошибочным переводом слова *unsu* и желанием, которое помutilo разум стольких ассириологов, обнаружить в ассирийских текстах всю Библию, сначала видел в этом отрывке намек на жертвоприношение первенца. Впоследствии было признано, что *ur₁su* означает просто барана^a. (^a Аккадское «*urisu*» означает «козленок») Г-н Принс заключил, что речь шла о наложении частей тела барана на члены человека. К несчастью, *nadanu* означает не «класть на», а «давать», а слово *napistu*, которое означает жизнь, полностью противоречит столь же буквальной интерпретации этого отрывка. В действительности речь идет о простом жертвоприношении барана. Единственным текстом, в котором содержится отчетливое упоминание о замещении посредством контакта, является следующий: «Положи около больного белого барана Таммуза; вырви его сердце, положи его в руку этого человека»²⁴.

Одного этого отрывка было бы достаточно, чтобы показать, что в магических ритуалах перемещения ассирийцы использовали животных так же, как нити и изображения. Текст, опубликованный Крэйгом²⁵, предоставляет нам еще один пример переноса чар на животное, причем в смысле, которым, как мне кажется, полностью пренебрег г-н Мартен²⁶. Ритуал предписывает убить свинью и заключить (*takamme*) в ее тело чары, которыми отягчен человек. К сожалению, этот текст, в том состоянии, в каком он до нас дошел, не дает нам достаточно четкого представления о способе, посредством которого совершался перенос, так как мы не видим, в какой форме чары попадали в тело свиньи. Выбор животного напоминает о том, каким любопытным образом освободил одержимого Иисус: «И просили Его все бесы, говоря: пошли нас в свиней, чтобы нам войти в них. Иисус тотчас позволил им. И нечистые духи, выйдя, вошли в свиней»²⁷.

Глава VIII

МАГИЧЕСКАЯ ФАРМАКОПЕЯ

Ритуалы разрушения применялись главным образом против рока и колдунов. Против болезней, какова бы ни была их причина, одержимость, порча или *мамит*, очень часто использовались магические лекарства. Впрочем, это правило не было абсолютным: фармацевтические обряды редко употребляются самостоятельно и не ограничиваются случаем болезни.

Факт использования при лечении болезни веществ животного, растительного и минерального происхождения, проглатываемых пациентом или применяемых в виде мазей, припарок или примочек на определенные части тела, сегодня представляется абсолютно чуждым магии, и, конечно, употребление мышьяка против лихорадки как научный метод лечения. Нам известно, что это один из ядов, которые оказывают воздействие на всех существ живой природы и «паразитицидная» сила которых неоспорима; и, поскольку, с другой стороны, мы знаем, что лихорадка является паразитарной болезнью, мы не видим ничего магического в эффективности мышьяка против лихорадки. Однако человеческий

разум не одним махом и не напрямик пришел к пониманию подобных вещей. Даже прежде, чем дойти до эмпиризма, который, если и не выводил терапевтический эффект медикамента из его химических свойств логическим путем, но, тем не менее, уже имел научное основание, констатацию неизменных результатов, человек долгие столетия нащупывал путь вслепую. Или, скорее, он медленно и с огромными усилиями выбрался из-под спуда предвзятых мнений и скороспелых теорий, которые в течение долгого времени освобождали его от сомнений и отвращали его от наблюдения. Он начал с того, что приписал различным веществам качества, подсказанные ему некоторыми особенностями их строения и цвета, или просто их названием, иногда искаженным или утратившим свое истинное значение благодаря одной из бессмыслиц, столь частых в народной этимологии.

Мы знаем, что вера в симпатическую фармацию, в существование связи между формой растений и их действием, одним словом, в «сигнатуры», была воспринята всем средневековьем и что народные суеверия все еще полны ею. «*Echium vulgare*, — говорит Литтре, — будучи покрыт пятнами как гадюка (*vipere*), назывался ужом (*viperine*) и рекомендовался в качестве средства от укусов этого животного». Даже в настоящее время морковь обязана своей незаконной репутацией лекарства от желтухи и непроходимости желчных протоков печени лишь красновато-желтому пигменту, который ее окрашивает. Таким образом, в истоках медицины также обнаруживается символика, основа всякой магии, а фармация, в начале своего существования, совпадает с последней.

В какой мере вавилонская фармация очистилась от первоначальной детской символика, чтобы достичь эмпиризма? Это очень сложно установить. Возможно, что трава зачатия, трава родов, трава любви, о которых идет речь во фрагменте, процитированном Деличем¹, были обязаны своей чудесной репутацией лишь сопоставлению того же рода: подразумевается, что способность увеличивать плодовитость могла приписываться растениям, вроде граната или мака, благодаря большому количеству содержащихся в их плоде зерен. Происхождение этой репутации также может объясняться простым каламбуром на основе исходного названия растения и слов *eru*, *aladu*, *ramu*, которые означают зачинать, рождать, любить. Трава молодости, которой собирался воспользоваться Гильгамеш, когда ее у него похитила змея, называлась «старик снова стал молодым»².

Чтобы с полной уверенностью решить, какую роль в рецептах ассирийской магии следует отвести эмпиризму и символическим элементам, нам понадобилось бы знание ботанической и минералогической лексики, которого нам не хватает и, возможно, еще долго не будет хватать. В действительности мы без труда понимаем, что название растения или камня может *ad nauseam* (до отвращения) повторяться в заклинаниях без того, чтобы на сотый раз установить смысл было легче, чем в первый. Только одна лексикографическая табличка может вывести нас из затруднения. Ассирийцы оставили нам достаточно документов такого рода для того, чтобы можно было надеяться обнаружить подробные и методично составленные списки, которые позволят идентифицировать названия, до сих пор не поддающиеся усилиям филологов. Например, мы ограничиваемся переводом лишь нескольких названий очень распространенных деревьев, вроде кипариса, кедра, пальмы, и некоторых растений, таких как кунжут и мята. Значительное количество названий растений, как, например, *lardu*, *mastakal*, *haltappan*, приходится просто транскрибировать³; и для очень многих идеограмм, обозначающих растения, вроде AN. HUL. LA, GAM. GAM, NU. LUN. HA и др., мы игнорируем даже ассирийское произношение. Понятно, что в такой ситуации мы почти не можем взять на себя смелость критиковать рецепты ассирийской магии.

Тем не менее одно замечание напрашивается уже сейчас. Благодаря тому, что нам известно о современных магиях, мы привыкли искать в их рецептах самые необычайные и редкие вещества, составляющие неожиданные смеси. Это свойственно магии, которая не слишком чистосердечна и уверена в себе и которая стремится главным образом поразить и сбить с толку легковверное простодушие своих клиентов. Ничего подобного в ассирийской магии нет. В употреблении находятся самые обычные вещества, вроде вина и масла, соли⁴, фиников и кунжута, который жители Востока столь широко использовали и продолжают использовать в питании, *маштакаль*, «которым полна земля»⁵, GIS. SE. SA. KU, «которым полон хлеб»⁶. Слюну, которой приписывалась способность как губить, так и исцелять⁷, никак

нельзя считать малораспространенным веществом. Ассирийская магия никак не касалась необычного или сверхъестественного: ее рецепты были результатом суждений а priori, их логика считалась непререкаемой, а испытание доказывало их достоинство и бесспорную силу.

Вещества, применявшиеся ассирийской магией, не обязательно проглатывались больным, это происходило даже достаточно редко. Жертва колдовства жалуется, что колдуны заставили его есть и пить⁸ некие вещества, название которых, впрочем, утрачено. Однако в рецептах, которые входят в наши тексты, я почти не видел микстур или медикаментов для внутреннего употребления. После омовений, о которых мы уже говорили, идут мази и притирания, которые и играют самую значительную роль⁹. (Такие методы лечения — еще одно доказательство пренебрежения ко внутреннему, что характерно для месопотамской культуры.) Колдуны также пользовались ими, и одна из их жертв жалуется, что ее помазали «мазью из губительных трав»¹⁰.

Независимо от способа применения, лекарства считались действенными в силу символики, которую мы только что разъяснили выше. Те, которые на опыте оказывались по-настоящему эффективными, сначала, несомненно, избирались только на основании принципа симпатии. Лишь при этом условии их применение было истинно магическим. И магическим вдвойне, когда к их собственным свойствам добавлялась сила того ритуала, который нам еще остается изучить и который кое-кем расценивается как в высшей степени магический, а именно заклинания.

Глава IX

УСТНЫЕ РИТУАЛЫ: ЗАКЛИНАНИЯ И ПРОКЛЯТИЯ

Изученные нами к настоящему моменту ритуалы сводятся к определенному числу действий и жестов, это ритуалы физические. Они редко применяются в изолированном виде. Чаще их сопровождают, предшествуют им или следуют за ними сакраментальные слова, которые считаются никак не менее необходимыми и не менее действенными. Эти речитативы образуют вербальные ритуалы, и заклинание в различных его формах является их инструментом.

Прежде всего необходимо, чтобы была четко обозначена цель магических действий, которые совершаются или готовятся совершиться. Ужасная сила готовится сорваться с цепи; нельзя допустить риска, что она, отклонившись от курса, поразит какую-то цель, отличную от намеченной магом. Значит, последняя будет указана тщательно и исчерпывающе. Одно заклинание почти целиком посвящено тому, чтобы точно описать ведьму:

«Заклинание. О ты, которая меня заколдовала, ты, которая заставила заколдовать меня, ты, которая меня испортила, ты, которая меня сразила, ты, которая заставила меня заточить, ты, которая меня удручила, ты, которая меня уничтожила, ты, которая навела на меня чары, ты, которая меня связала, ты, которая меня осквернила, ты, которая отвратила от меня моего бога и мою богиню, ты, которая отвратила от меня родителей, брата, сестру, друзей, близких, слуг»¹.

Другое описывает ее действия и ухватки таким образом:

«Преследовательница из преследовательниц, ведьма из ведьм, сеть которой брошена на улицах, глаза которой обращаются и достигают перекрестков, которая преследует мужчин города... которая гонится по пятам за женщинами города»².

Описания демонов и их злодеяний, перевод которых находится в конце этой книги³ и основные черты которых мы уже собрали выше, не имеют другой цели, кроме точного определения объекта экзорцизма и контрколдовства.

Может случиться, что, несмотря на предварительное расследование и применение гадания, этот объект остается неизвестным экзорцисту, или он желает исключить всякую вероятность ошибки, рассеяв все возможные чары одним махом. В такой ситуации в его заклинании будут перечисляться все разновидности того рода, с которым он, по его мнению,

имеет дело. В этом причина существования длинных списков *мамит*, пример которых мы уже приводили и единственным стремлением которых была исчерпывающая полнота. Именно для того, чтобы не дать ускользнуть ни одному, в отрывке вроде следующего перечисляются все демоны:

«Будь то злой *утукку*, злой *алу*, злой *этемму*, злой *улу*, злой *илу*, злой *рабицу*, *ламаишту*, *лабацу*, *аххазу*, *лилу*, *лилит*, *ардат лили*, «рука бога», «рука богини», изнеможение от лихорадки, Лугалурра, Лугалшулпаза, Намтар, «тот, кто поднимает дурную голову», смерть, огонь, пламя, «ревущий», *этемму* семьи, *этемму* чужестранца, какое-то зло, какое бы оно ни было, бедствие, не имеющее названия, чума, убийца, наказание..., погибель, уничтожение...»⁴.

Уточняя цель операциональных ритуалов и обеспечивая их действенность, заклинание в то же время до некоторой степени подкрепляет их за счет устного выражения. Во многих случаях слова лишь повторяют действия. Именно таким образом магические тексты позволяют нам восстановить значительное число церемоний, даже помимо собственно ритуалов. «Я поднимаю факел, я поджигаю изображения»⁵, или же «Я сковываю вас, я вас связываю, я предаю вас Гирре, который сжигает, поглощает, сковывает, укрощает ведьм»⁶. Эти фразы являются для нас таким же ясным указанием, каким могут служить слова ритуала. Но, разумеется, никакого редакторского замысла, имевшего целью направлять экзорциста и тем более обеспечивать нас информацией, не существовало. Присоединяя к жесту слова, он думал увеличить свое могущество. Для примитивных и даже уже обладающих развитой цивилизацией народов слово всегда несет в себе нечто мистическое, человек был тем более склонен преувеличивать эту силу, чем меньше понимал ее механизм, и он не был далек от того, чтобы думать, что слова имеют цену действий. Слово представляет собой звуковое изображение вещи, которую выражает, речь идет о точном эквиваленте, это та самая вещь, и не иметь имени — значит, собственно, не существовать. Поэма о сотворении, чтобы подчеркнуть, что неба и земли не существовало, говорит, что они не были названы^a. (^a Имеются в виду начальные строчки вавилонской поэмы «Когда вверху...» (Энума Элиш): «Когда вверху не назвали Небо, внизу именем не нарекли Землю...» (I, 1-2). Ее перевод см: Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии. М., 1981. С. 32-50.) Имя и вещь образуют одно, узнать имя существа означает, до некоторой степени, овладеть им, стать его хозяином, так же как если бы кто-то завладел его телом или какой-то его частью, ногтями или волосами. Отсюда происходит озабоченность некоторых дикарей тем, чтобы скрыть свое имя, которую проявляли и ассирийцы, не желая раскрывать мистическое имя своего города. Отсюда же могущество, приписываемое названию определенных предметов наравне с ними самими: так, например, в Италии, где чеснок считается способным отгонять чары, достаточно, если его нет под рукой, произнести слово *аглио*⁷. Именно поэтому еще и сегодня избегают говорить о несчастливом событии. Назвать его значит произвести, вызвать его, и если кому-то приходится это сделать, он стремится тотчас же уничтожить эффект своих слов добрым пожеланием: *Да отвратят боги данное предзнаменование! У всех народов существовали парафразы для обозначения демонов, поскольку назвать их означало призвать их к себе*⁸.

Эта вера во всемогущество слова, определенно, является причиной введения в заклинания рассказов, вроде тех, какие мы читаем на 16-й табличке о злых *утукку*⁹. Она повествует о том, как семь демонов дерзнули напасть на Сина, луну, и как в конце концов они оказались побеждены, после того как в первой атаке отбросили Шамаша и Адада, поспешивших на помощь Сину. Как было сказано, этот миф, прозрачный символ лунного затмения и победы света над духами тьмы, был включен сюда вовсе не в надежде, что демоны, исполнившись стыда при воспоминании о своем поражении, уйдут и оставят одержимого в покое. Эти существа не слишком стыдливы. Я бы увидел здесь, скорее, устный эквивалент ритуалам разрушения, о которых я говорил выше. Воинственные танцы индейцев, помимо того, что они симулируют разгром врага, являются для них верным средством достижения победы, а драматическое представление беспорядочного бегства и уничтожения семи злобных духов, безусловно, расценивалось как непогрешимый способ освобождения бесноватого. Вместо того чтобы изображаться мимикой, ритуал мог

передаваться словами и от этого быть не менее эффективным: в устной или физической форме, символика всегда неотразима¹⁰.

Поскольку сила слова такова, что словесное выражение явления оказывается равноценным самому явлению, есть более веская причина для того, чтобы соответствующим образом сформулированный приказ не мог остаться втуне. Демон, от которого требуется покинуть тело одержимого, уже не может мучить его дальше, и добрый гений, приглашаемый занять свое место, не может отказаться. Отсюда эта формула, которой часто завершаются заклинания: «Злой *рабцу* пусть уйдет, пусть он держится в стороне; пусть в его теле пребывают добрый *шеду*, добрый *ламассу*»¹¹. *Этемму* подчиняется голосу того, кто призывает его против колдуний¹². Так же и чары, о которых говорится «уничтожены»¹³, уничтожаются на самом деле. «Пусть этот человек очистится»¹⁴, и он немедленно становится чист. «Пусть злой язык пребывает в отдалении»¹⁵, и его слова тут же теряют всяческую силу. Колдуны, если сказать им: «Не переправляйся через Тигр и Евфрат, не переходи через ирригационные каналы и каналы, не проходи через стены и ограды, не выходи через входы и выходы»¹⁶ оказываются не в состоянии ни покинуть свои логова, ни проникнуть в дома. Если же вы никак их не отвратили заранее и оставили им время произвести свои колдовские действия, то вам достаточно сказать им, например: «Уходите, уходите; убирайтесь, убирайтесь; прячьтесь, прячьтесь; убегайте, убегайте; повернитесь вспять, ступайте, уходите, убирайтесь; пусть ваше колдовство улетит на небо как дым; уходите из моего тела; убирайтесь из моего тела; спрячьтесь вдали от моего тела; бегите из моего тела; поверните прочь от моего тела; не возвращайтесь в мое тело; не приближайтесь к моему телу; близко к моему телу не подходите; не угнетайте мое тело»¹⁷. Эти многочисленные повторы, которые, конечно же, не имеют ничего общего с литературными, прекрасно показывают, какой эффект ожидается от произносимых слов,— они воспроизводились с целью увеличить действенность, поскольку полагали, что эти слова обладали собственной силой. Очевидно, что фразы вроде такой: «Не убивай меня, не уничтожай меня, не топчи меня ногами»¹⁸, или: «Пусть ваше колдовство, ваша порча не приближается ко мне»¹⁹, или еще: «Пусть твое заклинание не приближается ко мне, пусть твои слова не нападают на меня»²⁰, не являются ни простыми пожеланиями, ни молитвами, обращенными к колдунам; это категорические запреты, которые никто не может нарушить. Экзорцизм не менее полезен против *мамит* или их последствий: «Пусть больной живет, пусть парализованный ходит, пусть закованный освободится, пусть заключенный будет свободен, пусть пленник увидит свет. Тот, кто в немилости у своего бога и своей богини, пусть с этого дня обретет их милость; пусть закрытое сердце бога и богини N, сына N, будет открыто для него. Пусть его прегрешения будут омыты; пусть с этого дня он будет избавлен, освобожден. Пусть табличка с его грехами, с его проступками, с его пороками, с его *мамит*, пусть болезни, вызванные *мамит*, будут брошены в воду. Пусть его грехи будут изглажены, его проступки сняты; пусть его чары растворятся, болезни излечатся. Пусть нужда, печаль, тоска, болезнь, стоны и жалобы, дни без отдыха, несчастье, печаль, скорбь с этого дня будут изгнаны из тела N, сына N»²¹.

Тот факт, что посредством заклинания экзорцист стремится оказывать на неодушевленные предметы точно такое же влияние, как и на духов, прекрасно доказывает, что эти слова призваны вовсе не умолять или запугивать, но обладают действием, до некоторой степени механическим. С их помощью он стремится вынудить стихии содействовать достижению его цели: «Пусть вас накроет гора, говорит он колдунам, пусть гора станет для вас препятствием, пусть гора вас задержит, пусть гора вас уничтожит, пусть гора заставит вас отступить, пусть гора вам мешает, пусть гора вас раздавит, пусть гора вас поглотит, пусть могучая гора упадет на вас»²². Или же: «Против волшебницы и ведьмы пусть возмутятся улица и дорога, пусть возмутятся дом и жилище»²³. Одно заклинание взывает о помощи в борьбе с болезнью к морю, рекам и горам: «Головная боль, боль рта, боль сердца, горячка, глазная боль, пусть море... волна, поток, вода Тигра, вода Евфрата, черные горы, белые горы, крутые горы заставят их повернуться вспять»²⁴.

Помимо того, что слова, добавляемые к операциональным ритуалам, увеличивают их действенность, они могут подкреплять их результат, делая его более надежным, или «заверять» его, до некоторой степени фиксируя его и придавая ему окончательный характер.

Такова, по моему мнению, цель слов, подобных этим: «Его узел развязан, его колдовство уничтожено, все его слова наполнили собой пустыню»²⁵. Или же: «Все волшебство, чары моих колдуний развеяны, растворены, более не существуют»²⁶. Или еще: «Водой смерти я покори́л ваше сердце, я уничтожил вашу печень, я исторг стоны из вашего сердца, я помутил ваш рассудок, я разрушил ваши наветы, я сжег ваши чары, я уничтожил замыслы вашего сердца»²⁷.

Заклинания могут действовать напрямую. Это тот случай, когда они просто читаются над той или иной частью тела, как, например, в ритуале, который предписывает произнести заклинания над правой и левой рукой, грудью и сердцем, правой и левой ногой²⁸. Однако бывает и так, что они действуют лишь косвенным образом, через посредство очистительной воды или мази, над которыми они читаются²⁹, и дополняют их свойства своими.

Наконец, следует отметить, что слова служили как колдовству, так и контрколдовству, и что у колдунов, как и у экзорцистов, были свои заклинания: «Пагубно заклинание ведьмы», говорит один текст из серии *Маклу*³⁰. И еще: «Пусть твое заклинание не приблизится ко мне, пусть твои слова не достигнут меня»³¹. «Заставить слова вернуться в рот» ведьмы значит то же самое, что «уничтожить ее чары»³², и чтобы обречь ее на бессилие, можно сказать: «Пусть твой пагубный рот наполнится землей, пусть твой язык свяжут веревки»³³. Вера в роковую силу слова была такова, что страшных *утукку* называли «злыми словами, которые преследуют человека по пятам»³⁴.

Обычно заклинания следовали порядку, который мы приняли в этом исследовании: сначала описание и определение демонов и болезней, которые предполагается изгнать, а затем экзорцизм. Магические рецепты и ритуалы, когда они указываются, находятся в особой секции таблички и отделяются от заклинания чертой. Таково, по крайней мере, то, что можно назвать классическим образцом магического текста. Однако сочинение этого жанра допускает множество вариаций. Есть заклинания, представляющие собой один длинный экзорцизм; другие, напротив, полностью посвящены описанию повреждений, вызванных болезнью. Некоторые больше напоминают рецепт, чем заклинание, повествуют об изготовлении лекарств, амулетов или магических узлов или же, как мы видели, вербально воспроизводят все фазы магической церемонии. Магический рецепт, изобретение которого приписывается Эа, иногда вводится в драматической форме после изложения разрушений, причиненных болезнью. Мы имеем возможность³⁵ процитировать один из этих текстов, где рассказывается о вмешательстве Эа. Наконец, некоторые заклинания представляют собой не что иное, как победную песнь, прославляющую освобождение одержимого, и трудно поверить, что им не предшествовали никакие другие магические формулы. На самом деле нам известно, что одна церемония может предполагать чтение огромного количества текстов³⁶. К несчастью, мы не располагаем заклинаниями, применение которых предписывается нашими ритуалами, однако есть все основания полагать, что, если бы мы смогли расставить их по местам, они бы предстали в том самом логическом порядке, которому мы следовали, говоря о заклинаниях вообще,— описание беды и определение ее причин, иногда рассказ об откровении Эа и, наконец, экзорцизм и констатация успеха.

Такая тщательная и четкая композиция может удивить тех, кто привык к той бессвязной и неясной форме, которую заклинание охотно принимает в некоторых магических традициях. Лично я считаю это доказательством в пользу оригинальности и большой древности шумеро-халдейской магии. Магия средневековой Европы, образованная из разнородных элементов всех традиций, естественно, располагала большим количеством формул и магических слов, которые были искажены в результате неоднократных переходов и полностью утратили смысл. Тяга людей к мистике могла побудить шарлатанов к составлению по этому образцу заклинаний, полных невразумительных слов и фраз³⁷. Однако мы не считаем, что и поначалу все происходило таким же образом. Во всяком случае, в ассирийских заклинаниях нам не встречается ничего подобного. Они написаны так же четко, как и разумно скомпонованы, и трудности в их понимании, которые мы иногда испытываем, можно отнести только за счет недостаточности нашего знания этого языка. Слог даже не лишен некоторого вдохновения, и я уверен, что всякий оценит поэтическое очарование некоторых выражений в тексте вроде этого:

«Заклинание. Это вас я призываю, божества ночи, и с вами я призываю ночь, невесту, окутанную покрывалом, я призываю вечер, полночь и утро. Из-за того, что ведьма заколдовала меня и волшебница зачаровала меня, мой бог и моя богиня кричат на меня. Для того, кто меня видит, я подобен больному; я остаюсь на ногах, не ложась ни днем, ни ночью. Они наполнили мой рот ку, они закрыли мой рот *упунту*. Они убавили воды в моем питье. Мое веселье обернулось стонами, моя радость сменилась печалью. Восстаньте, великие боги, выслушайте мою жалобу, воздайте мне по справедливости, узнайте мои дела. Я сделал изображение моего колдуна и моей колдуньи, моего волшебника и моей волшебницы. Я положил мою жалобу к вашим ногам, и я требую справедливости. Они сотворили зло и привержены к нечистым вещам, так пусть они умрут и пусть я живу! Пусть их магия, их колдовство, их чары растворятся, пусть тамариск, почка которого распустилась, сделает меня сияющим, пусть ... меня освободит, пусть враждебные слова улетят по ветру. Пусть *маштакаль*, которым покрыта земля, очистит меня, пусть *гишшешаку*, которым полнится жатва, освободит меня. Перед вами я заблитаю, как *канкал*, я буду сверкающим и чистым, как *ларду*. Заклинание ведьмы пагубно. Пусть ее слова вернутся в ее рот, пусть будет отрезан ее язык, пусть божества ночи истребят ее за колдовство. Пусть три стражи ночи рассеют ее чары. Пусть ее рот будет из сала, а язык из соли. Пусть злые слова, которые она произнесла против меня, растают как сало, пусть чары, которые она на меня навела, растворятся как соль. Ее узел развязан, ее чары рассеяны; по приказу богов ночи все ее слова наполняют собой пустыню»³⁸.

Заклинание, которое не ограничивается изгнанием зла, но призывает всевозможные бедствия на того, кто его причинил или причинит в будущем, представляет собой собственно проклятие. Клинописные документы сохранили их для нас в огромном количестве. Мы изучим их, говоря об амулетах, поскольку почти все проклятия написаны именно на них.

Глава X

ПРЕВЕНТИВНЫЕ РИТУАЛЫ. АМУЛЕТЫ И ТАЛИСМАНЫ

Лучше попытаться предотвратить, чем бороться. Эта мудрая рекомендация, которая в приложении к медицине породила гигиену, также может рассматриваться в качестве принципа значительного числа магических ритуалов. Не желая ждать, пока влияние демонов претворится в какую-нибудь болезнь или пока ведьма наведет на них свои чары, ассирийцы искали защиту от любого злого воздействия в определенных обрядах, которые нам еще остается изучить. Но не должны ли они были стремиться предотвратить новое нападение злых сил по более веской причине, если некогда уже пострадали от них и, одержав над ними победу, тем не менее предполагали, что те, естественно, полны решимости возобновить борьбу и отомстить за свое поражение.

Ритуалы, изгнавшие демонов или уничтожившие ведьм и их чары, равным образом могли бы удерживать их на расстоянии. Однако невозможно же было непрерывно совершать ритуалы вокруг нуждавшихся в защите лиц или предметов. Соответственно, существовала необходимость обеспечить их постоянное и до некоторой степени автоматическое воспроизведение или заместить ритуал, его охранительное или же иное воздействие, посредством какого-то нового предмета, дабы не оказаться застигнутым врасплох. Именно эта двойная помощь ожидается от амулетов, носимых на какой-либо части тела, подвешиваемых на дверях или помещаемых при входе в дом. Как мы увидим, использование амулетов имеет отношение то к операциональным, то к устным ритуалам, а порой и к тем и к другим вместе.

Самый простой способ обеспечить непрерывное воспроизведение текста заклинания — это переписать его и тем самым продлить его воздействие до бесконечности. Для примитивного разума письменность — это не просто совокупность условных знаков, представляющих ценность лишь ввиду их интерпретации, она обладает теми же свойствами,

что и слова или вещи, которые она символизирует. Так, например, съедение взятого из священных книг обрывка бумаги, покрытого несколькими письменными строчками, у многих народов считается надежным лекарством, и некоторым путешественникам случалось видеть, что к их рецепту относились как к колдовству и не выполняли, а проглатывали. Мы не знаем, придерживались ли ассирийцы подобных практик, но у нас есть доказательство того, что покрытые текстом заклинания глиняные таблички прикреплялись к дверям домов для того, чтобы держать злые чары в удалении. «На дверь и засов... положено заклинание Сириса и Нингишзида», гласит седьмая табличка¹ серии *Маклу*. До нас дошло два экземпляра глиняных табличек, предназначенных для такого употребления, в настоящее время они хранятся в Британском Музее. Вот вкратце их описание согласно г-ну Кингу, который их опубликовал². Как и большинство табличек, они имеют прямоугольную форму, однако одна из меньших сторон снабжена выступом, образующим хвостик, и в ней просверлено отверстие, предназначенное, очевидно, для шнура, при помощи которого их можно было бы повесить. Размеры этих табличек — большая имеет больше пятнадцати сантиметров в длину — и их хрупкость позволяют установить, что их не носили не шее или запястье. Слова: «*ina biti asar tuppū sasu saknu*», то есть: «в доме, где будет помещена эта табличка...», решительным образом показывают, для какого применения предназначались эти таблички: они подвешивались на двери или где-то в доме. На выступах обеих табличек и на оставшемся неисписанным пространстве внизу большей из них нарисованы прямоугольники с диагоналями. Пока значение этих фигур, по всей видимости, магических, от нас полностью ускользает. На одном из них мы читаем:

и на обороте: «...Пусть поселятся в этом доме благой бог⁴ и бог света⁵». Значит, назначение этих амулетов установлено. Теперь посмотрим, чему они были обязаны магической силой, которая им приписывалась. Очевидно, это текст, который они несут и который представляет собой нечто иное, как окончание легенды об Эрре, боге чумы. Мы располагаем лишь фрагментами этой легенды, но нам известно, что, между прочим, в ней рассказывается о бедствиях, которые обрушил на жителей Вавилона и Урука гнев Эрры, и опустошениях, произведенных его помощником Ишумом в горах Хихи и Хашур и городе Инмармару^а. (^а Вавилонский текст, известный под названием «Эпос об Эрре». Его перевод см.: Я открою тебе сокровенное слово... С. 98-121.) Последние строки повествования, которые тщательно сохранили для нас наши амулеты, изображают этого бога умиротворенным, заключающим с человечеством нечто вроде соглашения и обещающим щадить тех, кто совершает его восхваление.

Тот, кто прославит мое имя, воцарится над миром.
Тот, кто возвестит славу моего могущества,
не будет иметь соперников.
Певец, который воспевает мои дела, не умрет от чумы;
его слова будут приятны для царей и великих.
Писец, который сохранит память о них, избегнет врага.
В храме, где люди провозглашают мое имя,
я раскрою их уши^б.
Дома, где будет эта табличка,
даже если будет свирепствовать война,
если семеро будут творить свои опустошения,
не коснутся ни меч, ни чума,
он будет жить в безопасности.
Пусть эта песнь длится всегда и живет вечно;
Пусть все страны знают и возвещают мое могущество,
Пусть жители всех жилищ научатся славить мое имя!

Статуэтка и бронзовая пластинка, о которых мы уже говорили выше⁷, также предназначались для подвешивания где-либо в качестве амулета, так как демон несет над головой кольцо, а на двух углах верхней стороны пластинки имеются крючки двух видов, выдающиеся наружу и выполненные из той же самой массы металла. Мессершмидт весьма своевременно привлек внимание ассириологов к двум предметам подобного типа, один из которых был опубликован Лэйардом⁸, а другой — Сэйсом⁹, но которые оказались несколько забытыми¹⁰. Имеющееся на них рельефное изображение, менее полное, чем на экземпляре, опубликованном г-ном Клермон-Ганно, по счастью, проясняется надписью. Копия Лэйарда настолько плоха, что из нее ничего нельзя было бы извлечь, если бы не текст Сэйса, практически идентичный по содержанию, который вывел нас на правильный путь. Благодаря копии Сэйса мы, невзирая на лакуны, можем догадаться, что имеем дело с амулетом, призванным отгонять дурные сны, которые навевают духи ада.

Эти амулеты, которые подвешивались на дверях или в каком-нибудь дворе дома, защищали ассирийца, лишь пока он там оставался. Для того чтобы обеспечить себе защиту вне его стен, он носил на себе амулеты полегче, с которыми не расставался. Неопровержимыми свидетельствами этого обычая являются цилиндры, вырезанные из твердого камня, которые имеются в наших музеях. Те, на которых нет надписей или вырезанные на них кое-где знаки дают «негативный» отпечаток, определенно не являются печатями и никогда не могли ими служить. Другие благодаря выгравированным на них надписям должны расцениваться как приношения или исполнение обета. Таков цилиндр с шумерской надписью о Килуллагузалале, на котором читаем: «Для Месламтаэа, царя Сиргуллы с могучей рукой, ради жизни Шульги, могучего мужа, царя Ура, Килуллагузалал, сын Урбаби, сделал. Эта печать, „чтобы жил мой царь (в радости своего сердца) и его имя"»¹¹. Или другой, от Урананбада: Нуску, *суккалу* Энлиля, своему царю, ради жизни Шульги, могучего мужа, царя Ура, царя Шумера и Аккада, Урананбад, энси Ниппура, сын Лугальнархи, энси Ниппура, посвятил»¹². Если даже эти цилиндры определенно использовались в качестве печатей, чтобы заверять документы, то это было лишь вторичное и производное употребление. Исходно они, скорее, служили амулетами, и доказательством тому служат рельефные изображения, которые они несут. В прошлом наблюдалась слишком сильная тенденция видеть в произведениях ассиро-вавилонской глиптики иллюстрации к легенде о Гильгамеше и особенно некоторых эпизодах, таких как битва с быком и львом. Такая интерпретация, приемлемая для некоторых памятников¹³, в большинстве случаев совершенно не выдерживает критики. Мне кажется невозможным увидеть в цилиндре из Нью-Йорка, представленном в работе г-на Перро¹⁴, Гильгамеша и Энкиду, борющихся с быком и львом. Эпос не говорит нам о том, что Энкиду имел рога, бычий круп и задние конечности, подобно персонажу, который изображен на данном цилиндре борющимся со львом, но лишь то, что у него мохнатое тело, волосы длинные, как у молодой женщины, что он не водится с людьми, а живет вместе с газелями, скотами и водяными животными¹⁵. Значит, я бы, скорее, увидел в сюжете этого памятника и цилиндров с аналогичным изображением¹⁶ борьбу между добрыми и злыми гениями. Впрочем, даже если бы подтвердить данную интерпретацию не удалось, Гильгамеш и Энкиду, как очень хорошо сформулировал г-н Перро¹⁷, персонифицируют «борьбу богов-защитников человека против слепых природных стихий, против всех сил зла», так что версия о том, что эти мотивы орнамента символизируют поражение злых духов, оказалась бы не менее обоснованной, как и то, что, соответственно, они обладали способностью его провоцировать^а. (^а На сегодняшний день однозначно идентифицировать так называемый «фриз сражающихся» шумерской глиптики с эпическими песнями о Гильгамеше не удастся. Обоснование такого сходства на русском языке см.: Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979.) Значит, цилиндры, несущие это изображение, безусловно, являлись амулетами, призванными защитить человека от демонов. Наконец, добавим, что существует целый класс цилиндров, на которых не следует пытаться обнаружить сцены из какой бы то ни было легенды. Это цилиндры вроде того, который в работе г-на Перро представлен на рисунке 331 и на котором вырезан «крылатый персонаж, с вытянутыми руками, полностью схожий с тем, изображение которого мы видим высеченным на стенах дворца, держащий в каждой руке по

фантастическому чудовищу, двух крылатых четве-роногих». Следовательно, мы имеем право заключить, что большинство цилиндров являлось амулетами.

Впрочем, амулеты имели любые формы. Магический текст, опубликованный Ленорманом¹⁸, был выгравирован «на обеих сторонах амулета вытянутой формы из лентовидного халцедона». А вот его содержание: «Заклинание. Злой *утукку*, злой *намтару*, во имя земли, пусть они уйдут из его тела, добрый *шеду*, добрый *ламассу*, добрый *утукку*, во имя земли, пусть они держатся по бокам от него. Заклинание. Нинурта очищенный (?). Экзорцизм». Достаточно легкое одеяние Иштар, когда она оказывается перед входом в ад, состоит из тиары, серег, ожерелья, нагрудника, пояса из «камней родов»¹⁹, браслетов на руках и ногах и набедренной повязки. «Камни родов», очевидно, носились в качестве талисмана, призванного обеспечивать женщинам легкое разрешение. Один из списков наряду с «камнями родов» называет также²⁰ «камни зачатия», «камни любви» и камни, призванные произвести обратный эффект.

Искусство вышивки само по себе использовалось для удаления злых духов. Оно служило не только для того, чтобы обогатить одеяние поразительными орнаментами, но и сделать неуязвимым для чар человека, который его носит. Так, например, на воспроизведенных скульптором участках вышивки²¹ мы обнаружим добрых гениев (одних или в борьбе со злыми духами), с которыми уже встречались на цилиндрах.

Как мы увидим в дальнейшем, магические обряды часто призывали богов на помощь человечеству и возлагали на них задачу преследования демонов и колдунов. Однако куда лучше ввести богов в дом, чтобы они его охраняли, не ожидая действия чар. Для этого достаточно поместить статуи богов, избранных в качестве стражников, при входе или в каком-то другом месте. Тексты часто упоминают об этом обычае: «Справа от моей двери и слева от моей двери я поставил Лугальгирру и Аламу²². — Я поместил у моей двери бога Лугальгирру, могучего бога, вестника бога Папсуккаля; они могут убить моего колдуна и мою колдунью²³. — Перед изображением Лугальгирры и Месламтаза произнеси заклинание: Лугальгирра и Месламтаза, боги-близнецы, боги-двойники, могучие [сыновья] Ану, который... сияющее небо, который... обитаешь в святилищах на просторной земле... убиваешь злых, покоряешь врага, ... Чтобы прогнать всякое зло, которое против N. сына M, справа и слева я поставил вас; пусть все зло удалится от вас па три тысячи шестьсот *беру* (*beru*)»²⁴.

Изображения богов или демонов-покровителей могли быть просто статуэтками из терракоты или, самое большее, из бронзы, которые подвешивались к дверному косяку; возможно, именно таким образом следует понимать тексты, которые мы только что цитировали, и еще один: «Для того чтобы ничто злое не приближалось, поставь у входа Галлала и Латарака... поставь двух солдат асфальтовой ограды к створкам двери, справа и слева; помести два изображения Эа и Мардука в дверь справа и слева»²⁵. Иногда изображения рисовались или вырезались в виде барельефа на стенах²⁵. У входа в города, дворцы и храмы высились каменные, бронзовые и серебряные колоссы, сооружение и ремонт которых дорого обходились царям, о чем они напоминают в своих надписях²⁷, некоторые подобные образчики дошли до наших музеев²⁸. Крылатые быки, описание которых мы уже приводили выше, не были единственными покровителями жилищ, принадлежавших царям или богам. Нергалшарусур повествует о том, что поставил у дверей Эсагила восемь бронзовых змей: «Восемь поднявшихся бронзовых змей, которые наполняют злодеев и врагов смертным ядом, я обложил их *тиру* чистого серебра и у двери солнечного восхода, у двери солнечного заката, у двери изобилия, у двери чудес... я их поставил»²⁹. Набонид установил у дверей храма Сипа в Харране двух каменных *лахму*³⁰.

Помимо статуэток или настоящих статуй, для которых существовала опасность, что их разрушат или что злые духи, видя их, смогут ускользнуть, дома охранялись еще амулетами, которые закапывались в землю. Вот как объясняет ситуацию Ботта, который первым обнаружил предметы такого рода:

«Эти фигурки были обнаружены в маленьких клетушках, спрятанных под каменным мощением двора, либо вблизи дверей, либо в других точках по окружности стены. Рисунок приводимый нами, демонстрирует форму этих клетушек; они были четырехугольные,

немного суженные книзу; их боковые поверхности были обложены четырьмя кирпичами, скрепленными битумом, а пятый покрывал их, находясь на одном уровне с мощением; на дне находился слой песка, на котором, в положении стоя, помещались статуэтки.

«Эти статуэтки определенно имеют символическое значение, так как они изображают фантастические существа, а другие наделены атрибутами, аналогичными одной из фигур, стоящих у дверей памятника. Некоторые действительно имеют митру, окруженную по нижнему краю двумя парами рогов; одна рука у них сложена на груди, и кажется, что они держат стержень или жезл, слишком поврежденный для того, чтобы можно было догадаться о его предназначении. У других волосы завиты в крупные локоны, как у огромной фигуры, удушающей льва. Есть и такие, у которых тело, человеческое в верхней части, заканчивается бычьими ногами и хвостом. Наконец, имеется одна, наделенная головой хищного животного, которая своими длинными ушами напоминает, скорее, *летучую* мышшь, чем льва или шакала. Нет нужды отмечать, что подобные изображения часто фигурируют на вавилонских цилиндрах и печатях и что примеры тому можно найти среди иллюстраций к компетентной и любопытной работе г-на Ф. Лайарда, озаглавленной: «Исследование народной религии и мистерий Митры» (*Recherches sur le cult public et les mysteres de Mithra*).

«Материал, из которого сделаны эти статуи, это та же самая глина, которая послужила для изготовления кирпичей, она едва обожжена, так что не проявляет большой прочности, и непостижимо, как она могла в течение стольких веков выдерживать не только влажность, но и давление. Некоторые из этих фигурок были раскрашены, одна — в лазурно-голубой, другая, с головой хищного животного, — целиком в черный цвет»³¹.

Открытия того же рода были сделаны и Лэйардом:

«Я не нашел ничего, кроме ящика или четырехугольного углубления, образованного тщательно скрепленными кирпичами и содержащего несколько маленьких головок из сырой глины темно-коричневого цвета. Эти головки имели бороды и очень высокие головные уборы с заостренными концами. Они были обнаружены на глубине порядка двадцати футов»³².

Смит также нашел крылатые статуэтки, расположенные в камерах того же рода и имевшие то же назначение, в Нимруде, в юго-восточном дворце:

«В одной из таких комнат оказалась вкопанная в землю камера из кирпича, и, подняв покрывавший ее кирпич, я нашел шесть спрятанных в ней крылатых фигурок из терракоты. У каждой фигурки была львиная голова, четыре крыла, одна рука была прижата к груди, а другая удерживала корзину, длинное одеяние ниспадало до ступней. Возможно, эти статуэтки предназначались для охраны этого строения от злых духов»³³.

Фигуры крылатых гениев и животных не были единственными амулетами, которые закапывались при строительстве ассирийских жилищ. «В Нимруде, — говорит Смит³⁴, — я обнаружил расположение этих топорных и забавных моделей рук, которые помещались внутрь стен, кистью вверх, цель которых, возможно, состояла в охране этого места от злых духов. На одной из них имеется надпись: „Дворец Ашшурнасирпала, царя вселенной, царя Ассирии, сына Тукульти-Нинурты, царя вселенной, царя Ассирии, сына Адад-Нерари, царя вселенной, царя Ассирии"». Известно, что рука, символ силы, является одним из самых распространенных амулетов; у арабов Алжира рука рисуется на стенах, чтобы отогнать от дома злых духов; в Италии многие люди носят коралловые брелки в виде руки, чтобы уберечься от дурного глаза³⁵.

Эти находки — лучший комментарий к некоторым местам наших магических текстов: «Помести изображение Лугальгирры, который не имеет соперников, в стену дома, и изображение Месламтаза, который не имеет соперников...; скрой в двери двух солдат из гипса»³⁶. (а Лугальгирра (Син) и Месламтаза (Нергал) — братья-близнецы, сыновья Энлиля, стерегущие путь солнечного бога Шамаша от восхода до заката в течение суток и от летнего до зимнего солнцестояния в течение года. Они не дают ночи и ее демонам торжествовать над миром живых.) Наконец, добавим, что боги не имели привилегии в охране ассирийских жилищ, и на дверях дома, как и в настоящее время, подвешивались животные, растения или фрукты³⁷.

Храмам и дворцам было нечего бояться, кроме нападений злых духов, дома простых людей достаточно успешно сами себя защищали от поползновений захватчиков посредством

фактической одержимости. Не связанная с постройками собственность, пальмовая плантация или земля под зерновые, иногда оставляемая под паром, во всяком *случае*, редко посещаемая вне периода посева, жатвы или сбора фиников, порой значительного размера и трудная для наблюдения, должна была быть защищена от вторжений, которых всегда можно было опасаться. Не слишком щепетильный сосед мог тайно расширить границы своего поля или оспорить чужие права на собственность. Здесь снова была необходима ежеминутная защита, которая могла быть обеспечена только посредством материального предмета, способного *табуировать* недвижимое имущество, расстроить мошенничество, а при необходимости и наказать. Эта роль отводилась памятникам, называемым *кудурру*. Яйцевидной формы, приблизительно пятидесяти сантиметров в длину, высеченные из известняка или базальта, *кудурру* были обязаны своим авторитетом и могуществом изображениям богов и ужасным проклятиям, которые несли на себе. В тексте сначала шло описание и оценка площади данного владения, проданного или обмененного, в пользу храма или частного лица. За этим следовало изобилующее подробностями проклятие против того, кто дерзнет оспорить права нового владельца или передвинуть границы участка. Вот пример такого проклятия, которое мы читаем на булыжнике Мишо³⁸:

«Навеки, на последующие времена, всякий среди братьев, сыновей, родственников, мужчин или женщин, слугителей или служанок Бит-Хабана, будь то наследник, или управляющий, или какое-либо другое лицо, который встанет, чтобы взять это владение или передвинуть его границы; встанет и подарит это владение богу, или пошлет другого, чтобы тот его отнял³⁹; или сам возьмет его в собственность, изменит площадь, границы или межевые столбы, уменьшит, расчленил участок, скажет: «это поле не было дано в приданое»; и пошлет, по причине ужасного проклятия, написанного на этом *кудурру*, безумца, глухого, слепого, несмыслящего, пришельца, невежу, и заставит его убрать эту надпись; бросит ее в воду, спрячет ее в земле, разобьет ее камнем, сожжет ее в огне, сотрет ее и напишет поверх другую или положит ее в месте, где никто не сможет ее увидеть, — пусть на этого человека воззрят с гневом великие боги Ану, Бел, Эа и Белит, искоренят основанное им, уничтожат его потомство. Пусть Мардук, великий господин, поразит его водянойкой, узы которой не развяжутся. Пусть Шамаш, величайший судья на небе и на земле, судит его *зир-ди* и с яростью восстанет против него. Пусть Син, свет, обитающий на сияющих небесах, как одеждой покроет его проказой. Пусть бы он подобно дикому ослу прятался при входе в свой город. Пусть Иштар, госпожа небес и земли, каждый день подстрекает его ко злу перед богом или царем. Пусть Нинурта, сын Эшары, величественный сын Бела, разрушит его пределы, его границу, его *кудурру*⁴⁰. Пусть Гула, великая воительница, супруга Шамаш-шуту, впустит в его тело разрушительный яд и вместо воды омоет его кровью и гноем. Пусть Адад, великий бык неба и земли, могучий сын Ану, затопит его поле и уничтожит его хлеб, пусть там в изобилии произрастут тернии, и пусть его нога раздавит нивы и пастбища. Пусть Набу, величественный вестник, принесет ему нужду и голод, и пусть он не получит ничего из того, что желает, для *харру* своего рта. Пусть великие боги, все те, имена которых упомянуты в этой надписи, проклянут его страшным, неизгладимым проклятием и навсегда уничтожат его род».

Для того чтобы надежнее обеспечить содействие богов, от которых требовалось вести борьбу против того, кто осмелится убрать *кудурру*, эти боги были представлены на нем самом и, таким образом, отождествлялись с ним и разделяли его жребий; спрятать, повредить или уничтожить его означало тяжко оскорбить их, совершить святотатство, которое они не могли оставить безнаказанным. Правда, эти боги изображались не в том облике, в котором нам было бы легко их узнать, а в виде эмблем, которые оставляют место для множества ошибочных интерпретаций. В них умудрились распознать даже знаки Зодиака⁴¹. Сомнения больше невозможны с тех пор, как мы можем прочитать на *кудурру* Назимарутташа⁴²: *ilani rabuti mala ina eli nare anni sumsunu zakru kakkesunu kullumu u subatumsunu udda*, то есть: «великие боги, те, имена которых названы на этом камне, гербы представлены, жилища показаны». Открытия г-на де Моргана внесли свой вклад в нахождение верного решения уже тем, что показали, в каком направлении его искать. В действительности они дали нам фрагмент *кудурру*, на котором каждая эмблема

сопровождалась именем бога, которого она представляет⁴³. Несколько из этих имен, к сожалению, нечитаемы. Остальные же доказывают, что светильник изображал Нуску, бога огня; Эа обозначала антилопа, переходящая в рыбу, и разновидность палицы с бараньей головой на конце; Шукамуну — древко, увенчанное четырехугольной булавой, Забабу — морда неопределимого животного; и, наконец, символом Мардука являлось копьё. Мы уже знаем, что эмблемой Сина был полумесяц, солнце и звезда выступали двойниками Шамаша и Иштар, утренней и вечерней звезды. Имея эти элементы, можно было бы посредством простого сравнения различных *кудурру* и их надписей математически вывести символ для каждого бога, если бы иногда наблюдался параллелизм между текстом и изображением, однако слишком очевидно, что это не так. Приведем лишь один пример. *Кудурру Набукудуруцура*⁴⁴ называет десять богов и имеет девятнадцать символов: первые три принадлежат Иштар, Сину и Шамашу, которые в тексте никак не проявляются. Значит, следует ожидать, что какое-нибудь новое открытие восполнит информацию, которую доставили нам первые раскопки г-на де Моргана в Сузе. Я бы лишь привлек внимание к одной группе памятников, на которых также имеются эмблемы богов, а именно, к царским стелам, и особенно стелам Бавиана⁴⁵.

Текст надписей Бавиана начинается с имен двенадцати богов, одно из которых утрачено: Ашшур, Ану, Бел, Эа, Син, Шамаш, Адад, Мардук, Набу...⁴⁶, Иштар, Игиги. Сделанные выше отождествления позволяют прежде всего выяснить, что *здесь* символы богов следуют в том же порядке, что и имена. Действительно, мы имеем последовательность: палица с головой барана, эмблема Эа, полумесяц и крылатый диск, символы Сина и Шамаша. Установлено, что идущая следом молния изображает Адада, а большая звезда с семью более мелкими, которые завершают ряд, представляют соответственно Иштар и Игиги — этих богов было семеро, и самой частой идеограммой для их обозначения является цифра семь. Следовательно, мы, не опасаясь обмануться, можем предположить, что три тиары, которые предшествуют барану Эа, принадлежат Ашуру, Ану и Белу, заостренный предмет, обозначенный г-ном Лушаном как «стилизованное дерево со свисающими фруктами», является копьём, украшенным флажками Мардука; и, наконец, идущий следом прямоугольный объект — это зубило Набу, в других местах расширяющееся кверху⁴⁷. Мы бы узнали и то, какое имя следует дать двухголовой собаке, помещенной между Набу и Иштар, если бы в тексте не было досадной лакуны.

Мы можем лишь предположить, что эта эмблема принадлежала Нинурте, отсутствие которого в подобном списке было бы удивительно.

Чтобы закончить это описание, добавим, что некоторые *кудурру* имели имя, которое само по себе являлось своего рода талисманом: один назывался *мукин-кудур-ри-дарати*, «вечная опора границ»⁴⁸, другой — *Набу нацир-кудур-эклати*, «Набу охраняет границу полей»⁴⁹.

Проклятие было слишком простым и эффективным средством охраны собственности, чтобы его применение ограничивалось защитой недвижимости. Мы обнаружим, что оно применяется для защиты цилиндров фундамента или табличек библиотеки Ашшурбанипала, и есть все основания полагать, что к нему обращались и за тем, чтобы обеспечить усопшим безмятежное владение их последним пристанищем. Пока мы располагаем только двумя погребальными надписями⁵⁰ и одна из них сохранилась не полностью. Обе определенно содержали благословение в адрес того, кто уважает захоронение; весьма возможно, что более полные или лучше сохранившиеся тексты предоставят нам и антитезу этому благословию — проклятие — тому, кто осквернит могилу. Таким образом, мы имеем прототип проклятий саркофага Эшмоназара и набатейских погребений, а может быть, и условий, предусматривающих наказание за невыполнение, которые в Малой Азии включались в эпитафии. Уже в период правления Аретаса IV (IX в. до н. э.) в Набатее перестали довольствоваться обещанием тому, кто продаст или купит место захоронения, заложит или подарит его, извлечет труп или кости или похоронит там кого-либо против воли основателя, гнева Дусареса, Мануту и Кайши; сверх того, он был обязан выплатить штраф размером в тысячу сиклей⁵¹. Позже, во втором или третьем веке⁵² н. э., остался лишь штраф.

Мы не настаиваем на проклятиях, обращенных Ашшурбанипалом против тех, кто похитит таблички из его библиотеки и напишет на них свое имя: они очень краткие, и в наших текстах можно найти несколько подобных примеров⁵³. Те же, которые написаны на цилиндрах и призмах, которые ассирийские цари расставляли по четырем углам своих построек, храмов или дворцов, более подробны. Так, например, Тукультиапалешарра (Тиглатпаласар I)⁵⁴, поведав о своих военных походах и трудах с целью реставрации и украшения храмов и о том, как он сам нашел, помазал елеем и поставил на место надписи своего предка, Шамши-Адада, заканчивает, говоря:

«В грядущие времена, когда-нибудь, когда храм Ану и Адада, великих богов, моих господ, и этот *зиккурат* обветшают и превратятся в руины, будущий владыка, пусть он починит их развалины, помажет маслом мои надписи и мои *темену* (бочонки), совершит жертвоприношение, поставит их на их место и напишет свое имя рядом с моим! Пусть Ану и Адад, великие боги, щедро одарят его радостями и победами, как меня! Тот же, кто разобьет или испортит мои надписи и мои темену, бросит их в воду, сожжет их в огне, покроет их землей, выбросит их на свалку в место, где их нельзя будет увидеть, сотрет написанное в них имя, чтобы написать свое, измыслит и сотворит какое-либо злое дело с моими надписями, пусть Ану и Адад, великие боги, мои господа, гневно воззрят на него и проклянут его гибельным проклятием, пусть они разгромят его царство, вырвут основания его царского трона, уничтожат принадлежащее ему потомство, сокрушат его оружие, обратят его армии в бегство и сделают его пленником его врага. Пусть Адад поразит его своей смертоносной молнией, пусть он обрушит на его страну нищету, голод, бедствие и смерть; пусть он не даст ему прожить ни дня, но уничтожит его имя и его потомство в этой стране».

Глава XI

БОГИ В МАГИИ

До сих пор мы, насколько это было для нас возможно, изучали чистую магию, не занимаясь теми чертами, которые она могли позаимствовать из религии. Мы видели, что если не считать проклятий, в которых магия призывает гнев богов на определенных людей, обычно она обходится своими средствами, символическими манипуляциями над природными силами или духами, которые их персонифицируют. Именно эта магия без богов, которую можно было бы назвать атеистической, не потому что она отвергала существование богов, но потому что она их игнорировала, и была первоначальной формой магии; она предшествовала вере в могущественные силы, которые можно склонить к себе посредством молитв или приношений, которая характеризует собственно религии. В тот день, когда человек поднялся до представления о богах, магия не исчезла, но изменилась и приспособилась к новым верованиям. Боги, понимаемые как люди, наделенные большей силой и мудростью, естественно, должны были рассматриваться как обладатели более точных формул и более действенных ритуалов, чем те, которыми мог пользоваться человек, и даже как изобретатели всей магии. Человек, продолжая верить в силу древних заклинаний, не мог пренебречь помощью магии, несравненно более могущественной, чем его собственная. Впрочем, заклинание еще оставалось единственным средством воздействия на богов, так же как на стихии или демонов. Человек призывал или, точнее, запрашивал помощь богов; он еще не предполагал, что они могут отказать в ней.

Менее могущественная магия стремилась принудить к содействию более могущественную. Здесь наблюдалась своего рода непоследовательность, которая, тем не менее, не была в состоянии смутить общественное сознание. Только позднее, благодаря новому поступательному развитию мысли, возникло представление о том, что божество способно устоять против требований мага и его можно склонить к оказанию помощи посредством восхваления и лести или же подкупить дорогостоящими жертвоприношениями. В истории ассирийской магии присутствуют эти различающиеся этапы.

Традиция, время возникновения которой мы не в состоянии установить, но которая представляется очень древней, приписывает изобретение всех полезных искусств, и особенно магии богу Эа¹. Следы этой традиции часто встречаются в заклинаниях, которые выводят на сцену этого бога и его сына Мардука. Этот последний, сжалившись над больным, состояние которого описывается вначале, идет искать своего отца и рассказывает ему о разрушениях, произведенных болезнью. Эа заставляет себя упрашивать, отговариваясь тем, что его сын не менее мудр, чем он сам, но в конце концов указывает лекарство, которое исцелит смертельное заболевание:

«Ламашту вышла из глубины моря; судьба происходит из глубины небес. Аххазу покрывают землю как трава. До четырех углов горизонта их ярость угнетает, жжет как огонь; они делают людей больными в их жилищах, наполняют страхом их тела. В городах и сельской местности они вызывают страдания, они заставляют плакать и малых и старых, сковывают мужчин и женщин, наполняют их мукой; в небесах и на земле они свирепствуют подобно буре и бросаются в погоню: испуская вопли, они прибегают туда, где бог проявит свой гнев. Чуть только встретится им человек, против которого раздражен его бог, они покрывают его как одежда, они набрасываются на него, наполняют его ядом, связывают его руки, связывают его ноги, терзают его бока, орошают его желчью. При помощи проклятия и колдовства его тело было приведено в изнеможение, и его грудь ослабела от удушья, кашля. Пена, слюна наполнила его рот; на него набросились стоны и мучения, он совершенно обессилен. День и ночь он бродит, болезнь не дает ему покоя. Мардук видит его; он идет искать отца в его дом и говорит ему: „Отец мой, Ламашту вышла из глубины моря“. На второй раз² он рассказывает ему эту вещь: „Я не знаю ни того, что случилось с этим человеком, ни того, как с этим бороться“. Эа отвечает своему сыну Мардуку: „Сын мой, чего ты не знаешь и чему я могу тебя научить? Мардук, чего ты не знаешь и что я могу добавить к твоей науке? То, что я знаю, ты знаешь тоже. Иди, сын мой Мардук! Пусть... госпожа равнин и вершин...³. Пусть Никилит, господин тварей, перенесет его жестокою болезнью на паразитов земли. Пусть Даму, великий экзорцист, передаст свои благоприятные мысли. Пусть Гула, госпожа, которая воскрешает мертвых, воюющая касанием своих священных рук. И ты, Мардук, милосердный господин, который возвращает мертвых к жизни, рассеяй его чары своим священным заклинанием, которое дает жизнь. Пусть этот человек, сын своего бога, будет чистый, блистающий, сияющий; пусть он будет омыт как сосуд с *сиккати*, пусть он будет очищен как сосуд со сливками! Шамашу, первому из богов, поручи его; пусть Шамаш, первый из богов, поручит его благоприятным рукам его бога, чтобы его спасти"»⁴. Диалог между Эа и Мардуком встречается в заклинаниях так часто и в настолько одинаковых выражениях, что чаще всего на него указывали посредством следующих трех реплик: «Мардук видит его. — То, что я (я знаю). — Иди, сын мой»⁵.

Мардук выступает не только ходатаем за человека перед лицом Эа, следует отметить, что в качестве такового он наследует науку своего отца. Заклинание здесь даже обозначается как собственное орудие Мардука⁶. Мардук является «господином экзорцизма, магом богов»⁷. «Заклинание — это заклинание Мардука, экзорцист — образ Мардука»⁸.

Представляется, что впервые боги появились в ассирийской магии одновременно с краткими упоминаниями, заключающими некоторые заклинания, которые, как можно полагать, охотно добавляли уже задним числом, поскольку связь между ними и текстом весьма слаба, и в которых экзорцист просто утверждает, что воля Эа, Шамаша и Мардука согласна с его собственной. «Я уничтожу твое колдовство, я заставлю твои слова вернуться тебе в рот. Чары, которые ты навела, пусть падут на тебя; изображения, которые ты сделала, пусть помутят твой разум; воды, которые ты... пусть обернутся против тебя; пусть твое заклинание не достигнет, пусть твои слова не заденут меня. По приказанию Эа, Шамаша, Мардука и Белит, государыня богов»⁹.

Похоже, что экзорцист, который, желая получить помощь от бога, считал необходимым просить ее и больше не довольствовался простым утверждением того, что она обречена, уже имел более возвышенное представление о божестве. Ранее эта просьба формулировалась в повелительном тоне, исключавшем возможность отказа:

Пусть Ану и Анат придут туда и укротят болезнь;
 Пусть Бел, господин Ниппура, будет там и своим
 нерушимым словом прикажет, чтобы он жил;
 Пусть Эа будет там, он, господин человечества,
 рука которого сотворила человека;
 Пусть Син будет там, господин месяца, пусть он рассеет его чары;
 Пусть Шамаш будет там, господин суда, пусть он сотрет его вину;
 Пусть Адад будет там, господин видений (?),
 вместе с Шамашем, пусть он отгонит его болезнь;
 Пусть Шух будет там, господин армий, пусть он преследует инфекцию;
 Пусть Нинурта будет там, господин оружия, пусть
 он отгонит прочь тоску;
 Пусть Папсуккаль будет там, господин скипетра,
 пусть он отгонит его болезнь;
 Пусть Мардук будет там, мудрейший из богов,
 который устанавливает судьбы;
 Пусть Асарухи будет там, маг великих богов,
 заклинание которого воскрешает мертвых
 и возвращает к жизни больных;
 Пусть Нергал будет там, господин наказания,
 перед лицом которого *улу* угнетают болезнями самые укромные места;
 Пусть Нингирсу будет там, господин полей,
 пусть он уничтожит болезнь;
 Пусть Забаба будет там, господин святилищ,
 пусть он отгонит чуму;
 Пусть Эннуги будет там, господин каналов и ирригации,
 пусть он скует *асакку*,
 Пусть Нуску будет там, вестник храма приказов и милостей,
 пусть он сделает, чтобы больной жил;
 Пусть Гирра будет там, тот,
 который примиряет с разгневанным богом и
 разгневанной богиней, пусть он изгонит муку из его тела;
 Пусть Иштар будет там, госпожа стран,
 пусть она вступится за него;
 Пусть Нинкаррак будет там, великая воительница,
 пусть она изгонит мучение из его тела;
 Пусть Бау будет там, пусть она разгонит его тоску¹⁰.

Конец второй таблички *Шурпу* призывает богов и неодушевленные предметы, храмы,
 звезды, ветра, города вперемешку, что прекрасно показывает, что все они равно бессильны
 сопротивляться приказанию, отданному в соответствии с ритуалом:

Да будет прощен, о Шамаш, судья,
 Прости, Шамаш, господин верха и низа,
 Руководитель богов, господин стран,
 По твоему приказу пусть совершится правосудие,
 Пусть... процветает пред тобой.
 Прости, маг богов, милосердный господин, Мардук;
 Прости, бог хозяина дома, бог хозяина...
 Прости, бог хозяина...
 Прости, Нергал, бог освобождения.
 Простите, Шукамуна и Шималия.
 Простите, двое великих, все сколько вас есть.
 Прости, переносная печь, сын Эа.
 Пусть Бел и Белит простят.
 Пусть Ану и Анту простят.
 Пусть Энлиль, царь, творец вселенной, простит.
 Пусть Нинлиль, госпожа Экиура, простит.
 Пусть Экиур, святилище женщин, простит.
 Пусть Энки простит, Нинки простит.
 Пусть Эншар простит, пусть Ниншар простит.
 Пусть Эа, царь Апсу, простит.
 Пусть Апсу, обитель мудрости, простит.
 Пусть Эреду, обитель Апсу, простит.

Пусть Мардук, царь Игиги, простит.
 Пусть Царпанит, царица Эсагила, простит.
 Пусть Эсагил и Вавилон, обитель великих богов,
 Простят.
 Пусть Ташмету, великая госпожа, простит.
 Пусть Даяну, *гузалу* Эшагила, простит.
 Пусть Икбидунки, раздающий милости, простит.
 Пусть Дер и Эдимгалкалама простят.
 Пусть Мапиришу и Дириту простят.
 Пусть Шушинак и Лахуратиль в Сузе простят.
 Пусть Ябру и Хумбан царя (?) простят, великие
 Пусть звезды юга, севера, востока, запада,
 Пусть четыре ветра дуют и простят его от его чар.
 Пусть Иштар, в Урукс, за крепкими стенами,
 простит его.
 Пусть Анунит, в Аккаде, городе наслаждений (?),
 простит.
 Пусть Аккаде простит, пусть Эулмаш простит.
 Пусть Ишхара, богиня жилищ, простит.
 Пусть Шидури, богиня мудрости, простит.
 Пусть дух жизни, Эрра, Эрра великий,
 Эрра всемогущий, простит.
 Пусть Лаз, Хайа, Лухуша простят;
 Пусть Лугалэдинна, Латарак, Шарраку простят.
 Пусть Шуль, Шамаш, своим именем простит.
 Пусть Тибал, Саккут, Кайману Иммерия простят.
 Пусть Лук, Плеяды, Сириус, Марс, Наруду простят.
 Пусть Хендурсагга и звезда Сипазианна простят.
 Пусть боги и богини, столько, сколько имен их названо,
 В день этот ему предстанут.
 Имяреку, сына имярека, его грехи,
 Его провинности, его преступления,
 Его пороки, его ложные клятвы
 мамит.
 Пусть они простят!"

Заметим, что Иншушинак, Лахуратиль, Ябру, Хум-баи — это сузские боги. Почти невероятно, чтобы Ашшурбапал установил в Ниневии культ сузских божеств. Ввести чужеземные божества могла лишь магия, считавшая богов неспособными устоять перед своими приказаниями.

Вместо того чтобы призывать всех богов неба и земли, экзорцист мог многократно повторять обращения к одному и тому же богу: «Гирра, сожги колдуна и колдунью; Гирра, поглоти колдуна и колдунью; Гирра, укроти их; Гирра, уничтожь их; Гирра, изгони их далеко»¹². Подобный приказ повторялся тысячу раз во всевозможных формах, но эти требования в адрес стольких богов, настоящие перечни, были еще очень далеки от молитвы. Богов не умоляли, им отдавали приказания, спасения ожидали не от их доброй воли, а от всемогущества произносимых слов, и именно от этого происходило такое многословие.

Развитие рефлексии должно было подвести ассирийцев к признанию того, что боги не просто пассивно подчиняются приказам их заклинаний, но вольны согласиться или отказать человеку в помощи своей магии. Значит, приходилось принять от милости то, чего, как они полагали, нельзя было получить силой. К счастью, боги, хотя и ускользали от тирании человека, все же оставались восприимчивыми к тем средствам подкупа, которыми он располагал. Их не могла оставить равнодушными лесть, и им было трудно не выступить в пользу тех, кто превозносил их могущество и доброту и провозглашал их превосходство над другими богами. Поэтому значительное количество заклинаний удивительно похоже на гимны, и различить их для нас зачастую было бы невозможно, если бы магическое назначение этих отрывков не было напрямую удостоверено их названием. Вот, например, молитва Нинурте, которую никто не решился бы назвать заклинанием, хотя она, тем не менее, носит это название:

«Заклинание. Могущественный сын, первенец Бела, величайший, совершенный, отпрыск Эшары, облеченный ужасом и исполненный ужасного могущества, буря из тяжелых туч, против удара которых невозможно устоять, высоко твое место среди великих богов; в Экуре, твоём излюбленном жилище, твоя глава высока. Отец твой Бел дал тебе держать в своей руке закон всех богов. Ты судишь людей. Ты указываешь на того, кто ошибается, того, кто находится в нужде. Ты берешь за руку слабого, ты воодушевляешь того, кто без сил. Тому, кто был ввергнут в Араллу (ад), ты восстанавливаешь его тело. Ты стираешь грех того, кто имеет грех. Тому, на кого сердит его бог, ты скоро возвращаешь его милость. Нинурта, ты — могучий владыка богов»¹³.

Чаще всего в гимнах призываются Гирра, бог огня¹⁴, разрушительная сила которого используется для уничтожения изображений колдунов или предметов символизирующих болезнь, которой страдает одержимый; Шамаш, который рассеивает мрак, под прикрытием которого творят свои козни колдуны и демоны, и знает чары, жертвой которых становится болезнь¹⁵; Мардук, сын Эа, бога-чародея¹⁶; Лугальгирра, сомнительное божество, часто злое, от которого, тем не менее, человек может получить помощь¹⁷.

Если восхваления и были надежным средством добиться благосклонного отношения со стороны богов, то этого никогда не было достаточно для того, чтобы побудить их действовать в пользу человека. Их помощь зачастую приходилось покупать чем-то помимо красивых слов. Куда более могущественным инструментом убеждения, чем самые торжественные гимны, являлись приношения, так как, принимая их, боги оказывались бесповоротно связанными обязательством, которое почти не могли ни снять с себя, ни отклонить; мы видим, как после потопа боги, долгое время лишённые жертвоприношений, учуяв благоухание приношений Утнапиштира, «теснятся толпой над жрецом подобно мухам»¹⁸. Один текст из серии *Маклу* в своей наивности ясно показывает своего рода обмен¹⁹, которому служило жертвоприношение или возлияние богам: «Я приношу медный сосуд, глиняный сосуд, траву *маштакаль*, богу неба я предлагаю воду. Очистите меня так же, как я совершил для вас ваше очищение»²⁰.

Жертвоприношения могли соединяться с самыми разнообразными магическими ритуалами. Мы можем видеть, что они сопровождают и церемонии, призванные очистить царя от его грехов:

«Ты зарежешь барана и очистишь царя. Затем ты сделаешь очищения для царя. Когда ты выполнишь очищения, ты заставишь (их) выйти через дверь. Потом при помощи *хулдуппу*, факела, живого барана, крепкой меди, шкуры большого быка, зерен ты очистишь дворец. Маг помажет мужчин и женщин мазью Нинурты, он смешает растительное и сливочное масло и ими помажет; он наденет черные одеяния и покроет себя темной мантией. Ты поставишь во дворе дворца семь жертвенников; ты положишь на них хлебы *кусаг*, хлебы *кулугал*, хлебы короткие и хлебы длинные; ты насыплешь на них фиников, крупчатки, муки; ты положишь на них мед, растительное масло, сливочное масло, молоко, медовый напиток; ты положишь масло, лучшее масло, ароматное масло; ты поставишь семь курильниц; ты наполнишь вином семь чаш и поставишь их; ты наполнишь бродящим питьем семь чаш и поставишь их; ты насыплешь на семь курильниц кипарис и траву *куркур*; польешь кунжут вином и ты предложишь жертву; мясо с правой стороны туши, почки, *шуме*, ты их предложишь; ты сделаешь возлияние из вина и бродящего питья; ты бросишь семь куч муки. Маг встанет позади этих принадлежностей и, лицом к ним, прочтет заклинание: «Могучая буря, идущая через равнину». Он сделает на четыре " стороны света окропление медом и сливочным маслом...»²¹.

Изготовление амулетов не обходилось без жертвоприношения. Перед тем как срубить дерево, из которого следовало сделать изображения-обереги, призывали Шамаша и предлагали ему различные приношения:

«Ты нальешь чистой воды, ты воздвигнешь жертвенник, ты принесешь в жертву барана, ты предложишь мясо с правой стороны, почки, ты насыплешь фиников, крупчатки, ты положишь кусок смеси из меда и сливочного масла, ты поставишь курильницу с кипарисом, ты польешь вином кунжут и ты падешь на колени, ты очистишь курильницу, факел, сосуд для омовений, кипарисовую палку. Перед лицом Шамаша ты скажешь:

„Заклинание. Шамаш, царственный господин, высокий судья, смотритель вселенной и небес, государь мертвых и живых, я срубая божественное дерево, священный тамариск, освященное дерево, чтобы сделать из него изображения, которые я поставлю рядом с домом N, сына N, чтобы побороть злых духов. Пред тобой я преклоняю колени; пусть все, что я делаю, имеет успех и процветает. — Ты скажешь это, и золотым топором, серебряным *таггам* ты прикоснешься к *эру*, и топором лесоруба срубишь его. [Ты сделаешь из него (?)] семь изображений семи богов, с головами, покрытыми подобающими им уборами, одетых в подобающие им одеяния; на пьедестал из тамариска поставишь их, одетых серебряным жиром как одеждой"»²².

Церемонии порчи сопровождались жертвоприношениями, при которых иногда присутствовали изображения тех, кому желали навредить. Прежде чем сделать из сала, как мы уже видели и выше, изображения врага: «Ты подметешь землю, ты польешь чистой водой, ты воздвигаешь жертвенники перед Иштар, Шамашем и Нергалом, ты положишь три хлеба из пшеничной муки, ты приготовишь смесь из меда и сливочного масла; ты насыплешь фиников, крупчатки; ты принесешь в жертву трех сильных баранов; ты возложишь мясо с правой стороны [на жертвенник]; на курильницу ты насыплешь кипарис и крупчатку; ты выльешь мед, сливочное масло, вино, ароматное масло»²³! Один текст, к несчастью, поврежденный, но в котором речь явно идет о церемониях, призванных изгнать демонов, мучающих больного, указывает, на каком расстоянии следует разместить изображения. Сперва идут три заключительные строчки заклинания, которое, по-видимому, имеет отношение к мистическому браку между демонами и обреченными на уничтожение изображениями. «Вы, все злые, все вредные, которые овладели N, сыном N, и его преследуете, если ты мужского рода, пусть это будет твоя жена, если ты женского рода, пусть это будет твой муж». Далее следуют предписания, относящиеся к жертвоприношению: «Утром ты воздвигнешь перед Эа, Шамашем и Мардуком семь жертвенников; ты установишь семь курильниц, с кипарисом; ты убьешь семь баранов; ты предложишь мясо, взятое с правой стороны, почки, *шуме'*, ты польешь вином кунжут. Эти изображения²⁴ ты поставишь на семь локтей от жертвы, ты их разместишь, ты их покроешь льняной тканью»²⁵. Чтобы освободить несчастных, которых колдуны предали привидениям, к жертвоприношению Шамашу, Эа и Мардуку добавлялось возлияние духам усопших: «Когда человек схвачен мертвым и его взял *этемму*, освяти жилище, насыпь крупчатки. Утром, чтобы колдун и колдунья не [сделали] ничего плохого..., изготвь изображения колдуна и колдуньи. ., заставь их взять, одень их в повседневную одежду, помажь их хорошим маслом. Перед Шамашем подмети землю, полей чистой водой, поставь пустое сиденье для бога... расстели сверкающие ткани, воздвигни жертвенник перед... Трижды поставь хлеба перед Шамашем, Эа и Мардуком, насыпь фиников, крупчатки, поставь три сосуда *алагуру*, поставь три курильницы с благовонными веществами, насыпь зерен всякого рода. Для *этемму* его семьи поставь сиденье слева от жертвы; для *этемму* его семьи слева от *этемму*, слева поставь сиденье; для *этемму* его семьи соверши возлияния мертвым, сделай им подарок»²⁵.

Глава XII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

МАГИЯ, РЕЛИГИЯ И НАУКА

Вот мы и подошли к концу нашего исследования. Мы определили цель и вкратце рассмотрели приемы ассирийской магии. Теперь мы можем попытаться обозначить ее место между религией и наукой.

Как мы констатировали, как устные, так и операциональные ритуалы базировались на представлении о том, что подобное порождается подобным. Магия вовсе не обращалась к сверхъестественному, она не стремилась совершать чудеса; она лишь использовала в своих целях силу, симпатию, влияние которой представлялось ей таким же постоянным и

естественным, как действие силы тяжести или теплоты. Уничтожение изображения влекло за собой разрушение оригинала, подобно тому, как огонь заставляет кипеть воду. В этом нет мистики, и все превосходство мага состоит во владении рецептами, логически выведенными из принципа симпатии, подобно тому, как преимущество химика или физика заключается в знании свойств веществ. Если же ожидаемый от ритуала эффект почему-либо не достигается, он делает вывод не о том, что он и не мог быть достигнут, но, как и в случае лабораторного эксперимента, что не были обеспечены все необходимые условия. Первые физики рассматривались как маги, и первые элементарные понятия их науки назывались *натуральной магией*. В действительности в глазах непосвященных, которые наблюдали, как маги и физики без божественного вмешательства получают результаты, одинаково удивительные для их невежества, разницы между научными и магическими практиками не существовало.

Напротив, упор часто делался на различия, отделяющие магию от религии, и официальные религии, римская или христианская, не считали грехом преследовать то, что расценивали как бесчестное соперничество. Одно из наиболее часто называемых отличий состоит в том, что магия пользуется помощью демонов, в то время как религия обращается к богам. Второе отличие, являющееся не чем иным, как следствием первого, заключается в том, что магия — запрещенное искусство, в то время как религия представляет собой упорядоченную и легитимную функцию социального организма. Я не думаю, что эти различия справедливы и, в частности, что они применимы к ассирийской магии. В любой магии, и особенно в той, которую мы только что изучили, имеется огромное количество обрядов, которые действуют сами по себе, без вмешательства какого-либо духа, доброго или злого. Можно даже сказать, что ассирийская магия знала демонов лишь с точки зрения того, как с ними бороться, настолько неприметной была роль добрых демонов. Более того, когда она не действовала напрямую, она обращалась, скорее, к богам, нежели к демонам, и мы видели, что она стремилась использовать могущество самых верховных богов ассирийского пантеона. Она могла делать это без всякого кощунства и при этом отнюдь не считалась осуждаемым и незаконным искусством. Маги фигурировали в официальных церемониях, цари официально нанимали их, и дошедшие до наших дней заклинания хранились именно в царской библиотеке^a. (^a В древней Месопотамии маг выполнял одновременно обязанности современного священника, современного целителя-экстрасенса и современного психотерапевта. Царь не просто нанимал его, а пожизненно брал на государственную службу. Таким образом, в отличие от средневековой церкви, храмовый культ древнего мира не отличал магию и религию, магия не была в это время запретной и официально осуждаемой деятельностью. Безусловно осуждалась только порча, наводимая на человека неведомыми злыми колдунами по частному заказу.)

Если верно то, что под наименованием магии часто подвергались преследованиям чуждые и запрещенные религии, и если Плиний мог числить среди предпринимаемых против магии мер декреты Тиберия против друидов¹, то именно в этом заключается шовинистическое и клерикальное представление, которое не может претендовать на роль критерия. Следовало бы сделать вывод: то, что является религией по эту сторону границы, оказывается магией по другую. В период правления Домициана христианство было не чем иным, как магией, и в тот день, когда оно восторжествовало, оно не менее официально сохранило многое из собственно магических ритуалов. В странах, где антагонизм между магией и религией получил развитие, чужеземные боги, исключенные официальной религией, естественно пополняли магический пантеон, в то же время как в магический ритуал вливались более или менее деформированные религиозные обряды. Этот феномен наблюдается на протяжении истории, главным образом греко-римской и европейской магии периода средневековья, и очень хорошо проявляется в неполной абсорбции греко-римской религией культов Средиземноморья и сохранении языческих божеств после обращения Европы в католичество. Однако вклад чужеземных религий, настолько значительный, каким он был, является лишь вторичным, по крайней мере хронологически. В Риме, как и в Вавилоне, магия существовала раньше каких бы то ни было иностранных влияний и, по всей очевидности, долгое время существовала без всяких гонений со стороны религии.

Если рассмотреть факты подробнее, то магия и религия представляются, скорее, как две сестры — правда, иногда враждующие, — чем как два существенно различающихся способа изменения естественного хода вещей. Если понаблюдать, каким образом действуют

боги, то придется признать, что они напоминают настоящих магов. Подобно колдуну или экзорцисту они считаются обладателями формул, которые повелевают материей и духами. В поэме о сотворении² мы видим богов, готовящихся передать верховную власть Мардуку, приглашающих его самому констатировать могущество своего слова: «Тогда они положили посередине между собой одеяние; старшему над собой Мардуку так сказали они: „Пусть воля твоя, о господин, будет верховной над всеми богами; уничтожение и сотворение, что ты ни скажешь, и это будет явлено. Открой свой рот, и это одеяние исчезнет. Дай ему противоположный приказ, и одеяние снова появится“. Мардук открыл рот, и одеяние исчезло; он дал ему противоположный приказ, и одеяние снова появилось». Вновь посвященный маг не стал продолжать пробовать свои силы другими способами. Словом, та магическая власть, которой наделили Мардука боги, — это и есть способность повелевать вещами и изменять миропорядок посредством подходящей формулы. Мардук, мне это известно, является богом-чародеем по преимуществу. Однако другие боги действуют не иначе, чем он. Во всех случаях, когда они не пользуются естественными средствами, они прибегают именно к магии: например, если они не уверены в том, что их оружия достаточно для того, чтобы обеспечить победу, они стремятся уничтожить своего оппонента каким-нибудь проклятием. В тот момент, когда Мардук нападает на Тиамат, она «читает заклинание и произносит свою формулу»³. Слово является основным инструментом богов: по-видимому, оно лучше, чем физическое усилие, соответствует возникшему высокому представлению об их могуществе; гимны восхваляют неодолимую силу их слова; именно посредством его они принуждают одушевленные и неодушевленные существа служить их замыслам; короче говоря, они используют почти исключительно устные ритуалы магии. Тем не менее им случается действовать и посредством своих рук. Богиня Аруру сотворила Энкиду вовсе не посредством простого приказа: предварительно омыв руки, она размяла глину, из которой и вылепила этого героя⁴. Впрочем, текст не дает нам никаких подробностей по поводу того, каким образом она оживила тело. Боги пользуются даже амулетами и талисманами. О поясе Иштар мы уже говорили. Мардук, отправляясь на сражение с Тиамат, нес в руке магическое растение (*шаммин там*)⁵.

Итак, власть богов по существу не отличается от власти, приписываемой магам, и, поскольку человек ограничивается тем, чтобы посредством заклинания заполучить и применить ее, религиозный феномен в этом акте, собственно говоря, отсутствует, имеет место лишь косвенная или двухступенчатая магия. «Под религией,— говорит г-н Фрэзер,— я понимаю заступничество и посредничество сил, стоящих над человеком, которые, как считается, направляют и контролируют жизнь природы и человека»⁶. Для большей точности следовало бы добавить: и понимаются, как способные по своей прихоти содействовать или отказывать в помощи. В этом и кроется единственное, по-настоящему серьезное и объективное, различие между магией и религией: магический обряд принуждает, религиозный — согласовывает. Маг претендует на то, чтобы повелевать богами, как простыми демонами или стихиями, жрец не ожидает от богов ничего, кроме доброй воли, которую и силится склонить. Несомненно, и этого следовало бы ожидать, нет религии, которая бы не восприняла и не хранила более или менее официально значительное число магических практик, в которых находят применение освященная вода, особые одеяния, реликвии и прочие амулеты. Более того, один и тот же обряд может, в зависимости от точки зрения, рассматриваться как магический или религиозный или, скорее, представлять собой неразрывное соединение магического и религиозного. Жертвоприношение Робигалия, при котором убивали рыжих собак с целью получения урожая такой спелости, при которой он приобретет цвет этого символа (*rufae canes immolabantur ut fruges flavescerent ad maturitatem perducerentur* — *рыжих собак убивали, чтобы урожаем, приобретая золотистый цвет, доходил до спелости*)⁷ было религиозным, если приношение считалось способом склонить богов, и магическим, если результаты ожидалось от симпатической связи между цветом жертвы и урожая. Однако это никак не повышает ценность нашего различения и доказывает лишь глубокое взаимопроникновение магического и религиозного.

Остается сказать пару слов по поводу туманного вопроса о хронологических отношениях магии и религии. Наше различие, если оно допустимо, должно пролить на него некоторый свет. Его неоднократно пытались решить путем наблюдения за примитивными народами. Однако прежде чем принимать сведения, доставленные путешественниками и невежественными или предубежденными миссионерами, в качестве основания для теории, касающейся столь сложного предмета, следовало подвергнуть их суровой критике. Если принять то определение магии, к которому мы подвели исследование ассирийской магии (искусство изменять естественный порядок вещей, основанное на принципе симпатии, понимаемом как необходимый), то кажется, что ее следует считать предшественницей религии, а это очень далеко от того, что она, как это часто пытаются утверждать, представляет собой искажение и извращение религии. Утверждая, что подобное порождается подобным, человек лишь применяет к природным явлениям закон своего разума. На самом деле подобие есть один из принципов, согласно которым в сознании возникают и сменяют друг друга мысли. Однако скептицизм, вопрошающий, присущи ли необходимости нашей мыслительной способности и всем остальным явлениям, не является естественным состоянием человеческого разума, который непринужденно и без колебаний идет к утверждению и допускает сомнение в своих силах только после неоднократного уличения во лжи и многочисленных неудач. Значит, очень похоже на правду, что первобытный человек принимал за природные законы собственного разума, и эта ошибка могла лишь укрепить другое представление, равно примитивное и благоприятное для развития магии, а именно, уверенность в своем всемогуществе. Следующий этап в истории человеческой мысли, я не говорю «отрадного прогресса», должен знаменоваться представлением о силе, превосходящей его собственную, которая больше не мыслилась как слепая, но как обладающая свободной волей.

Пока человек считал, что может изменять ход событий благодаря применению принципа симпатии, он имел по крайней мере туманное представление о том, что феномены упорядочены и механически следуют определенным законам. Следовательно, маг был в некотором смысле предшественником физика, с которым его впоследствии и путали. Как и магия, наука строится на том принципе, что одни и те же причины всегда и с необходимостью порождают одни и те же результаты, однако она замещает химерическую причину, симпатию, необходимым и постоянным antecedentом, истинной причиной. Бечуана, сжигающий вечером говяжий желудок, чтобы вызвать дождь, «потому что, говорит он, черный дым вызовет скопление туч»⁹, совершает магическое действие. Физик, который посредством взрыва вызывает конденсацию атмосферной влаги, совершает действие научное. Однако и маг и физик, не обладая одинаково ясным мышлением и к тому же апеллируя к весьма отличным ценностям, тем не менее, оба опираются на универсальный детерминизм природы. Химия вышла из алхимии только за счет естественного развития. Значит, можно полагать, что религиозное представление о свободной силе, стоящей выше всякого принуждения и всякого закона, антинаучная идея о произвольности и о своенравном божестве, очень долго отвлекало человека от изучения истинных причин неудачности его действий, приписывая их злой воле какого-либо божества и, в качестве основного результата, тормозя естественную эволюцию, в результате которой должна была появиться современная наука.

БАВИЛОНО-АССИРИЙСКИЕ МАГИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ

(Переводы с аккадского и шумерского В. В. Емельянова)

О магических формулах в заговорах древней Месопотамии

В Приложении к своей книге, вышедшей столетие назад, Ш. Фоссе приводит в транслитерации и переводе множество ассирийских текстов заговорного содержания. Тексты эти выбраны им из самых различных серий, приводятся они фрагментарно, причем фрагментарность текстов объясняется не столько произволом переводчика, сколько плохой сохранностью табличек и отсутствием в то время знаний о параллельных текстах, на основе которых можно реконструировать недостающие части данного. Тексты в Приложении расположены бессистемно, и сохранять такое расположение вкупе с фрагментарностью переводимого материала невозможно для ассириолога, живущего столетием позже, в окружении многочисленных изданий того, что было недоступно нашим предшественникам. Поэтому мы пошли на изменение композиции Приложения, и теперь осталось только объяснить читателю, в чем суть этого изменения.

Магические формулы ассирийского времени сохранились в записях заклинаний и ритуалов, но запись ритуала чаще всего фиксирует только первую строчку формулы и опускает остальные, полагая, что жрец и так знает, что нужно произносить во время действия. Поэтому изучать формулы лучше всего по таким источникам, где они сохранились в полном виде, то есть по заклипаниям. Какие же существуют типы магических формул и в каких ситуациях они применяются? Классификация формул требует учитывать как формальные, так и содержательные аспекты их бытования. В своей магистерской диссертации 1931 г., посвященной шумероязычным заклипаниям, Л. Фалькенштейн разделяет все заклипания на четыре группы: легитимационные, профилактические, заклипания типа «Эа-Мардук» и освятительные^a. (^a Falkenstein A. Die Haupttypen der Sumerischen Beschwörung literarisch untersucht. Leipzig, 1931.) Разделение это проведено строго по формулам, которые являются основными для данного текста. Легитимационная формула — заявление жреца о том, что он получил свои знания от великих богов и не является самозванцем. Например: «Это не мое, слово это — слово Нипгиримы, слово Эа, слово Нинкаррак!» Подобные же формулы можно встретить в славянских заклипаниях, и там они звучат так: «Не я исцеляю — Господь исцеляет!» Профилактическая формула — формула заклятья злых сил еще до момента их приближения к человеку; она состоит из перечисления имен и эпитетов злых сил (что указывает на хорошее знание их поведения и свойств заклинателем) и их последующего заклятья именем (или жизнью) Небес и Земли. В заговорах христианского мира заклипают именем Отца, Сына и Святого Духа, оставляя неприкосновенной первую часть формулы.

Формула «Эа-Мардук» может быть также названа формулой равного знания. Она представляет собой диалог богов — отца и сына, учителя и подмастерья. В начале II тыс. это были Энки и Асарлухи, в I тыс. — Эа и Мардук. Сын приходит к отцу за советом и пересказывает ему некий инцидент, спрашивая, что надлежит делать в таких случаях. Отец отвечает: «Сын мой! Чем я могу тебе помочь? То, что я знаю, знаешь и ты!» Далее следует подробный рецепт исцеления, начинающийся со слов: «Ступай, мой сын Мардук! То-то и то-то сделай...» Формула настолько часто встречается в заклипаниях, что ассирийские писцы устают выписывать ее полностью, ограничиваясь только фразой «то (же), что (и) я». Зачем же нужна была такая формула? На этот вопрос есть по крайней мере три ответа. Профанным смыслом формулы является разрешение на практическое употребление сакрального знания. И Эа, и его сын Мардук знают одинаково, но Мардук, по-видимому, не применял своих знаний на практике. Сакральным смыслом формулы является невозможность прямого контакта между Эа и смертным. Для воздействия на человека со стороны Эа необходим

магический посредник, основной функцией которого была бы материализация сакральных идей, их воплощение в человеческом мире. Наконец, сугубо практическим смыслом формулы является доверие смертного заклинателю как вестнику бессмертных богов (что во многом роднит ее с формулой легитимационного типа).

Формула освящения может быть также названа формулой трисекрации. Дело в том, что эпитет «святой» выражался у шумеров не одним, а сразу тремя словами, и об этом разговор особый. В своем развернутом виде формула выглядит следующим образом: «Подобно Небу, пусть светел он будет! Подобно Земле, пусть чист он будет! Подобно Середине Неба, пусть он сияет!» Первое слово *kug* писалось знаком «серебряная пластинка» и означало «светлый» (*ellu*), в заклинаниях «светлой» называлась та область мира, которой заведовал сам бог Ан, то есть область высокого мира звезд. Вторая часть эпитета *sikil* — «чистый» (*ebbu*) изображалась знаком «девушка» и сопоставлялась с землей и подземным миром. Третья часть *zalag₂* — «сияющий» (*namru*) изображалась знаком «два солнца» и сопоставлялась с небесным сводом, по которому совершают свой путь Луна, Солнце и планеты. Получалось что-то вроде треугольника, в котором третий член уравновешивал противоположное положение двух предыдущих. Таким образом, святостью не обладал только срединный мир, который должен был к ней стремиться. И если в ритуале достижение святости обеспечивалось окроплением священной водой, возжиганием факелов и воскурением ароматных смол, то в повседневном быту ничье поведение не было близко к идеалу святости — может быть, потому, что святость была всецело прерогативой храма и государства.

Как шумеры понимали святость, хорошо объясняют сами знаки эпитетов. Светлость, очищенность от внешней порчи связана с серебром из-за его хорошо известного свойства заживлять раны. Второй эпитет связан с чистотой как девственностью, нетронутостью пространства и цельностью тела. Последний эпитет выписан знаком «удвоенный свет, много света», чтобы обозначить сильное сияние, слепящее излучение. Освящение необходимо как культовым предметам (кадильнице, факелу, сосуду для святой воды), так и людям (особенно царю), и даже городам. Уподобившись Небесам, Земле и пространству между ними, объект заклинания приобщается к изначальному единству мироздания, цельность которого была временно нарушена незаконными действиями демонических сил^а. (^а Подробнее см.: Емельянов В. В. Шумерские заклинания консекации в связи с представлениями о святости у шумеров // Палестинский сборник 35 (1998). С. 39-60.)

Через 70 лет после выхода диссертации Фалькенштейна стало очевидно, что, во-первых, ему не удалось вычленить все основные заговорные формулы; во-вторых, что он попытался отождествить тип формулы и тип заговора. Если говорить о формулах, то среди не упомянутых им очень важных типов назовем хотя бы два: формула изгнания демонов и приближения хранителей («Злой язык пусть в стороне стоит! Добрый *шеду*, добрая *ламассу* пусть приблизятся!») и формула отпущения *греха* («Да отпустится!»). Что же касается упомянутого отождествления, то известно множество примеров, когда в составе одного заговорного текста возможно употребление одновременно профилактической формулы, формулы типа «Эа-Мардук» и формулы трисекрации. Стало быть, тип формулы не определяет тип заговора, и наоборот. Помимо формальных свойств формулы, есть еще ситуация ее употребления и место, занимаемое ею в композиции заклинания или в ритуале. Займемся поэтому ситуационной и композиционной классификацией ассирийских магических формул.

Чтобы провести ситуационную классификацию, нужно воспользоваться формально-типологическим методом, который В. Я. Пропп употребил для изучения структурных особенностей волшебной сказки, а Г. Л. Пермяков — для классификации паремий (поговорок и пословиц)^а. (Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928; Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. М., 1979) Суть метода в том, чтобы абстрагироваться от вариантов текста и прийти к логико-композиционному инварианту текстовой группы. Для этого нужно выделить героев действия, их основные функции и ситуации, в которых действуют герои. Так, например, в нашем случае, какой бы заговорный текст мы ни взяли, всюду есть три действующих лица — субъект порчи, заклинатель и пострадавший. К этим троим часто добавляются покровители заклинательного искусства Эа и Мардук, что, впрочем, не меняет реального состава действующих лиц. Субъект порчи может быть демоном, человеком или животным, пост-

страдавший может быть незаслуженно или заслуженно наказанным существом, но это всегда человек, о заклинателе ничего специально не говорится, кроме того, что он владеет своим искусством на законных и освященных традицией основаниях. Существуют заклинания, в которых порча имеет различную направленность: она может идти и от субъекта порчи к больному, и от заклинателя (который является посредником больного) к колдуну. Из этих жестких правил есть единственное исключение: в освятительных заклинаниях роль пострадавшего играет освящаемый предмет (об очевидной порче которого не упоминается, он всего лишь нечист ритуально), а субъект порчи чаще всего отсутствует. Кроме того, существует ряд молитвенных серий, традиционно обозначаемых словом «заговор». Как мы формально можем отличить молитву от заклинания? В отличие от заклинания, молитва всегда представляет собой диалог между пострадавшим человеком и божеством, это прямое общение, не нуждающееся в жреце как квалифицированном посреднике. Человек просит божество не удалить порчу, а снять наказание, он просит униженно, умоляя бога восстановить справедливость, временно нарушенную в отношении него. Поэтому формула, содержащая прямую речь пострадавшего и адресованная божеству, а не субъекту порчи, формально должна быть признана молитвенной. С другой стороны, если о милости божества к пострадавшему призывает назначенный пострадавшим человек, а не он сам, — это достаточное основание для того, чтобы отнести текст к разряду заклинаний^а. (^а Не следует путать эту ситуацию с современной, когда молитву за человека может вознести и он сам, и специально предназначенный для этого священник. И в том и в другом случае это будет молитвой, поскольку заклинания удалены из церковной службы, а практикуемое церковью изгнание бесов также входит в молитвенный канон.)

На сегодняшний день картина выглядит так:

Ситуационная классификация

1. Устранение болезни или порчи, нанесенной демоном или животным безвинному человеку (инцидент — обращение — рецепт — изгнание демонов и приближение хранителей).

Классификация по субъектам порчи (змеи, скорпионы, виды демонов)

Классификация по видам порчи (болезнь головы, глазная болезнь, болезнь зубов, плохой сон, тяжелые роды и т. д.).

Примеры текстов: слова против змеи, слова против скорпиона, *Утукку лемну*, *Асакку марцутти*, *Ламашту*, *ардат лили*, против болезни глаз, против зубной боли, против головной боли, в помощь роженице, против плохого сна ребенка.

2. Нанесение ответной порчи колдуну (эпитеты — рецепт — последствия).

Классификация по субъектам порчи (колдуны и шептуньи).

Классификация по видам порчи (сожжение статуэтки, пожар, болезнь и т. д.).

Классификация по имени божества, к которому обращается заклинатель (Шамаш, Эа, Гирра и т. д.).

Примеры текстов: *Маклу*.

3. Оправдание виновного или безвинного с просьбой отпустить перечисленные грехи (мольба об отпущении — перечень грехов — приближение хранителей).

Классификация отсутствует.

Примеры текстов: II и III таблички *Шурпу*, молитвы-заклинания серий *Липшур* и «Утешение сердца божьего».

4. Освящение зданий, предметов и людей (источник святости — трисекрация — изгнание демонов и приближение хранителей).

Классификация по объекту освящения (царь, человек, сосуд для святой воды, кадила, факел, тамариск).

Примеры текстов: большинство ритуалов (особенно «Омовение и отверзание уст», «Дом омовения»), IX табличка *Шурпу*, слова над священным деревом и культовыми предметами.

Не менее важной, чем ситуационная, представляется композиционная классификация формул. При просмотре большого числа заговоров выясняется, что формулы в них расположены в определенной последовательности от начала к концу, а с точки зрения текстового пространства — от верха к низу. Причем каждый тип формулы занимает одно и то же место в различных ситуациях высказывания. Так, например, начинается любой заговор либо с описания инцидента (конкретной порчи и ее носителя), либо со слов заклинателя о законности своих действий, либо (как в случае с освячительными заговорами) с перечисления и восхваления эталонов святости. Точно так же формула «Эа-Мардук» с последующим рецептом не может нигде находиться в начале или в конце текста — она всегда срединная, центральная. Также и формула трисекрации никогда не встречается в начале или в середине текста — она всегда одна из конечных, предваряющих закрепку чары. В целом получается следующим образом:

Композиционная классификация

Формулы начала чары (инцидентные, эталонные, легитимационные).

Формулы основной части («Эа-Мардук», рецептурные, профилактические).

Формулы окончания (трисекрация, приближение хранителей, закрепка чары)^а. (^а

Встречаются также заклинания, в которых эта последняя часть не выражена. Они завершаются профилактической формулой типа «Именем Небес будь заклят! Именем Земли будь заклят!».)

На протяжении нашего анализа мы уже неоднократно сталкивались с непохожестью формального и ситуационного устройства освячительных заклинаний в сравнении со всеми остальными типами. Общими здесь являются только срединная формула «Эа-Мардук» и конечная формула приближения хранителей, но прочие части различны. Нет упоминания о порче, демонах и колдунах, отсутствуют легитимационные и профилактические формулы (они заменяются эталонными), вместо пожелания исцеления употребляется пожелание святости. Такое множество формальных различий заставляет предположить принадлежность освячительных заклинаний к иной метаситуации в сравнении с метаситуацией 1-3 ситуативных групп. В самом деле, тексты первых трех групп имеют своей целью избавление человека от порчи, его телесное исцеление. Каковы бы ни были средства достижения этой цели (уничтожение самой порчи или уничтожение насланного ее колдуна), в какой каузальной связи с субъектом порчи ни пребывала бы жертва порчи (отягченная грехами или безвинно пострадавшая) — все равно заклинатель должен обеспечить своему пациенту избавление от болезни, и только в этом смысле текстов этой метаситуации, которую мы назовем «Исцеление». После избавления от порчи в заклинаниях этих групп может употребляться и освячительная формула, однако ее наличие не свидетельствует об изменении характера чары, поскольку до ее употребления заклинание строилось не по освячительному, а по исцелительному принципу. Тексты четвертой группы не имеют общего с предыдущими тремя по своей цели и направленности. Здесь не возвращают недостающее, а добавляют никогда не принадлежавшее субъекту, т. е. именно делают не целым, а сверхцелым, подобным не собственному прежнему телу (у которого болезнь временно отъехала часть), а телу всего мироздания с его небесами, землей и околоземным пространством. Такую метаситуацию мы назовем «Консекрация» (лат. «приобщение к святости»). Итак, теперь мы получаем классификацию формул в максимально общем виде:

I. Исцеление

1. Устранение болезни или порчи, наносимых демоном или животным безвинному человеку.

Легитимационная формула/инцидентная формула. Профилактическая формула/Эа-Мардук. Рецепт.

(Освячительная формула).

Приближение хранителей.
2. Нанесение ответной порчи колдуну
Инцидентная формула/обращение к божеству.
Профилактическая формула.
Приближение хранителей / пожелание смерти колдуну.

3. Оправдание виновного или безвинного с просьбой отпустить перечисленные грехи.
Инцидентная формула (мольба об отпущении и перечень грехов).
Профилактическая формула. (Освятительная формула). Приближение хранителей.

II. Консекрация

4. Освящение зданий, предметов и людей.
Эталонная формула/инцидентная формула.
Эа-Мардук.
Рецепт.
Освятительная формула.
(Приближение хранителей).

В соответствии с этими общими принципами классификации и будут располагаться магические формулы нашего Приложения.

В заключение — несколько слов о принципах перевода магических формул. Заговоры часто путают с поэзией, поэтому стремятся перевести их как можно красивей и непонятней для читателя, придав древнейшей магии эдакий теософско-мистический оттенок. Однако из ассирийского учебника магов читатель уже сумел уяснить себе вполне рационалистическую природу магического искусства в Двуречье, теснейшую связь магии с повседневной жизнью. Поэтому нет никакого смысла поэтизировать то, что не предназначалось для восторгов древнего эстета. Поэтическое творчество оригинально; напротив, заклинание предельно формализовано, оно являет собой собрание клише, в которых каждое слово в целях достижения большего эффекта не должно сходить со своего места. Слово заговора должно действовать, поэтому оно обладает особой интонационной интенсивностью, в нем множество повторов, параллелизмов, определенных акцентов, которые нельзя сдвигать, чтобы слово не потеряло силу.

Значит, переводить заклинание нужно с соблюдением следующих условий:

- а) стараться сохранить количество слов в строке оригинала;
- б) стараться соблюдать порядок слов в строке оригинала;
- в) насколько возможно, передавать аллитерации оригинала;
- г) делать смысловой акцент на ударных стихах оригинала;
- д) прибегать к концевой рифме только там, где этого требует интонация усиления (ни в коем случае не превращая рифму в постоянное окончание строки).

В. В. Емельянов

Исцеление

Группа 1. Устранение болезни или порчи, наносимых демоном или животным безвинному человеку.

В этот раздел вошли фрагменты табличек из серий «Злые Утукку», «Больное око», «Головная боль», в которых даются медицинские и магические рецепты по лечению различных соматических и нервных заболеваний. К сожалению, сохранность текстов оставляет желать лучшего, и мы не можем во многих случаях привести реконструкцию по параллельным источникам ввиду отсутствия академического издания этих серий. Много неясностей содержит и лексический состав заговоров этой группы, особенно сложно проводить ботаническую и химическую идентификацию упомянутых в них медицинских снадобий. В настоящее время полное издание и словарь серии «Злые Утукку» подготавливается английским ассириологом М. Геллером. Относительно других нам ничего неизвестно.

№1

II R 17-18=ASKT № 11 - стр. 82-99.

Кол. I.

1. Заклинание. Злой бог, *злой утукку*,
2. *утукку* равнины, *утукку* горы,
3. *утукку* моря, *утукку* могилы,
4. злой *шеду*, *алу*, чей блеск ужасен,
5. буря, которая не знает страха,
6. злой *утукку*, срывающий кожу с тела,
7. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!^a

(^a В шумерской части этой формулы всюду «Дыханием Небес..., дыханием Земли...», что можно понять как заклятие «душой» или «жизнью» Небес и Земли)

8. *Утукку*, схвативший человека, *этемму*, схвативший человека,
9. *этемму*, причинивший ему зло, *утукку*, причинивший ему зло,
10. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!

18. Зло, что не оставляет, зло, что не щадит,
19. слабость, плохие нервы,
20. то, что связывает нервы, то, что вытягивает нервы, *шаишату*, *саману*^a,

(^a Разновидности нервных заболеваний (сюда же относятся *машкаду* и *рападу*). В частности, при *шаишату*, как написано в ассирийском медицинском тексте, голова пациента вращается, а руки и ноги трясутся.)

21. раздробленность нервов, плохие нервы,
22. Именем Небес будь заклято, именем Земли будь заклято!

23. Болезнь печени, болезнь сердца, спазмы сердца,
24. болезнь желчи, болезнь головы,
25. злой *шулу*, гневная *раибту*^a,

(^a Приступ внезапного озлобления и гнева.)

26. поражение почек, больная селезенка,
27. грязь, беспорядок,
28. сон недобрый,
29. Именем Небес будьте закляты, именем Земли будьте закляты!

30. Ты, что схватил тело человека,
31. злое лицо, дурной глаз,
32. злой рот, злой язык,
33. злая губа, злой плевок,

34. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!
35. Кормилица,
36. кормилица, чья грудь сладка,
37. кормилица, чья грудь горька,
38. кормилица, чья грудь поражена,
39. кормилица, что от поражения груди умерла,
40. беременная, чье лоно благополучно,
41. беременная, чье лоно открыто,
42. беременная, чье лоно закрыто,
43. беременная, чье лоно неблагополучно,
44. Именем Небес будьте закляты, именем Земли будьте закляты!
45. Злой *асакку*, могучий *асакку*,
46. *асакку*, что не оставляет человека,
47. *асакку*, что не выходит,
48. *асакку*, что не исходит, злой *асакку*,
49. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!
50. Злой *намтару*, могучий *намтару*,
51. *намтару*, что не оставляет человека,
52. *намтару*, что не выходит,
53. *намтару*, что не исходит, злой *намтару*,
54. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!
55. Болезнь печени, слабость,
56. озноб,
57. болезнь, что не выходит, болезнь членов,
58. болезнь, что не исходит, злая болезнь,
59. Именем Небес будь заклята, именем Земли будь заклята!
60. Колдовство, яд, со злобой исторгнутый изо рта,
61. путы колдовства, завязанные со злобой,
62. стригущие бока, стригущие тело,
63. обрезки ногтя, тряпки, лохмотья,
64. старая обувь, разрезанный ремень,
65. нечистота, от которой очищено тело,
66. пища, извергнутая из тела человека,
67. пища, что после поглощения выходит обратно,
68. вода, что очаровывает после поглощения,
69. злой яд, которого пыль
70. не покрывает, которого ветер не уносит в пустыню,
71. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!
6. Тот, кто брошен в канал
7. решения не
8. пусть не [раскрывает] могилу,
9. *этемму*, которого нельзя уничтожит»,
10. брошенный без погребения,
11. чью голову земля не покрывает,
12. сын царя, который в пустыне
13. и в руинах был брошен,
14. могучий, оружием умерщвленный,

15. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!

16. «Целый день я ем»,

17. «Целый день я пью»,

18. «Целый день я лежу»,

19. «Целый день я силен»,

20. развалились на куски,

21. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!

22. Тот, кто умер от голода и в заточении,

23. тот, кто умер от жажды и в заточении,

24. голодающий, что в голоде своем

25. не ощутил запаха (пищи),

26. тот, кто на берегу реки

27. был избит и умер,

28. тот, кто умер в степи и в болоте,

29. тот, кто в степи потоплен ливнем,

30. *дева-лилит*, у которой нет мужа,

31. *лилу-муж*, у которого жены нет,

32. тот, чье имя помнят,

33. тот, чьему имени памяти нету,

34. тот, кто голода не вынес,

35. начало неполного месяца,

36. Именем Небес будьте закляты, именем Земли будьте закляты!

37. О бог обреченного на смерть человека,

38. жизнь этого человека

39. пусть будет перед Шамашем постоянна!

40. *Шеду* добрый, добрый *ламассу*^a

(^a Духи-хранители человека. *Шеду* связан с плацентой, *лв-массу* — по-видимому, с органами зрения и потенцией.)

41. пусть в изголовье его пребудут!

42. Ради его жизни

43. пусть не отходят!

44. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!

45. Яркие нити из красной шерсти,

46. которые принесены в руке чистой,

47. против *амуррикану*^a его глаза

(^a Само по себе это слово означает «разлитие желчи», здесь вероятнее всего гнойник, ячмень.)

48. справа привяжи их и

49. перстень *лулутти*, сверкающий камень,

50. из страны его принесенный,

51. против *кукану*^a его глаза,

(^a Слово означает какое-то насекомое вроде таракана («таракан» в глазу). Но возможен и вариант «темнота», отсутствие зрения.)

52. на его мизинец,

53. на его левую руку надень ты!

54. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!

55. Белыми шерстинками, спряденными вместе,

56. обвяжи его голову

57. и края его постели;

58. черные шерстинки, спряденные вместе,

59. слева от него привяжи ты,

60. злой *утукку*, злой *алу*, злой *этемму*,
61. злой *галлу*, злой *илу*, злой *рабицу*,
62. *ламашту*, *лабацу*, *аххазу*,
63. *лилу*, *лилит*, *ардат* *лили*,
64. чары, колдовство, чародейство,
65. болезни, гибельные чары,
66. свою голову
67. на его голову,
68. свою руку на его руку,
69. свою ногу — на его ногу
70. пусть не ставят!
71. Пусть не протягивают!
72. Именем Небес будьте заклятие- именем Земли будьте закляты!

Кол. III

1. Мардук,
 2. старший сын Эреду,
 3. освященной водой, светлой водой;
 4. чистой водой, сияющей водой,
 5. водой два раза по семь раз
 6. окропляет,
 7. заставляет сверкать,
 8. очищает!
 9. Злой *рабицу* пусть уйдет,
 10. Пусть в стороне стоит!
 11. добрый *шеду*, добрый *ламассу*
 12. Пусть постоянны в его теле!
 13. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!
-
14. Этот человек, запри его в ограде,
 15. в ограде из гипса,
 16. дверь ограды справа
 17. и слева замкни, и тогда
 18. Отойдет проклятье
 19. и все дурное.
 20. Именем Небес будь заклято, именем Земли будь заклято!
-
59. *Ламашту*, дочь Ану,
 60. названная именем богов,
 61. богиня Инанна, возвышенная
 62. среди владычиц,
 63. ? ? злой *асакку*,
 64. алу, известный
 65. среди людей,
 66. великая *ламашту*,
 67. далеко!
 68. Именем Небес будьте закляты, именем Земли будьте закляты!
-
69. любимец Сина.
.....
 74. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!

Кол. IV

1. злой...
2. они
3. первый, бог, господин людей.
4. первый на небесах и на земле
5. старший сын Эа,
6. опора его жизни,
7. в изголовье его пусть он пребудет!
8. Ради его жизни
9. пусть он не отходит!
10. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!

11. Гирра, любимый сын
12. царственного Эа
13. *утукку*,
14. великих богов
15. герой Нинурта
16. опора [его жизни?]
17. в изголовье его пусть он пребудет
18. Ради его жизни;
19. пусть он не отходит!
20. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!

21. Нингирима, госпожа заклинаний,
22. заклинаний Эреду,
23. пусть произнесет свое святое слово,
24. Бау, великая мать,
25. госпожа людей,
26. врачующая тело,
27. пусть она принесет, Гула,
28. в руке своей белую глину,
29. пусть в теле его она пребудет!
30. Головная боль, болезнь рта, болезнь сердца.
31. бред, болезнь глаз,
32. Пусть
33. пусть
34. пусть волна, стремительное течение (?),
35. вода Тигра, вода Евфрата,
36. черные горы, белые горы,
37. крутые горы (?)
38. заставят их вспять обратиться!
39. Именем Небес будьте закляты, именем Земли будьте закляты!

40. Пусть Эрешкигаль, жена Ниназу,
41. обратит свое лицо на другое место;
42. пусть злой *Утукку* выйдет и
43. в стороне встанет,
44. пусть добрый *шеду*, добрый *ламассу*
45. пребудут в теле его постоянно!.
46. Именем Небес будьте закляты, именем Земли будьте закляты!

47. Пусть Ишум, великий вестник, исполнитель,
48. высокий среди богов, подобно богу, своему создателю,

49. в изголовье его пребудет!
50. Ради его жизни
51. пусть он не отходит!
52. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!
53. Пусть человек, на смерть обреченный, жертвой во имя милосердия
54. и исцеления как чистая медь засияет!
55. Пусть человека этого
56. Шамаш в живых оставит!
57. Мардук, старший сын Апсу,
58. Здоровье и счастье — в твоих руках!
59. Именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят!

60. Именем Аншара и Кишара.
61. Имущество Ашшурбанипала, царя вселенной, царя страны Ашшура.

№ 2. II R 51 b. 1-29 = ZK.

1.
2. пусть он не приближает[ся]его рукам;
3. к имяреку, сыну своего бога, пусть он не приближается;
4. подобно дыму, пусть он поднимется ...
 пусть унесется, пусть на место свое не вернется!
5. Все, что есть злого, дурного в теле имярека,
6. с водой его тела и с омовениями его рук
7. пусть изыдет, и пусть река унесет это вниз по течению!
8. Проклятие, именем Небес будь заклято, именем Земли будь заклято!

9. Очаг, *имсусу*^a великих богов, от факела я зажег,
 (Значение слова неясно.)
10. зерно я насыпал, которое освобождает богов небес и земли,
11. которое основывает города; пусть предстанут великие боги и
12. пусть они дадут жизнь имяреку, сыну имярека, сына своего бога!
13. Пусть предстанут его бог и его богиня
 и ниспошлют ему благополучие в этот день!

14. Заклинание. Я великий жрец, я зажег огонь,
15. Я поставил очаг, избавление я возжег,
16. Светлый и чистый жрец-окропитель Эа,
 посланник Мардука — я!
17. Воды, сколько я приказал, пусть нальют; уголь
18. [пусть погасят?] Пусть Эа и Мардук не слушают гневных богиню и бога!
19. Очаг, что я зажег, я гашу, огонь, что я зажег, я гашу;
20. зерно, что я насыпал, я тушу.
21. Сирис^a, освобождающий богов и людей, пусть будет развязан его узел!
 (^a Сирис — сын богини пива и пивоварения Нинкаси, был весьма почитаем в ассирийское время.)
22. Как я гашу очаг, который я зажег,
23. Как я заставляю погаснуть огонь, который я зажег,
24. Как я тушу зерно, которое я насыпал,
25. Сирис, освобождающий богов и людей, пусть будет развязан его узел!
26. пусть имярек, сын имярека, сын своего бога,
 будет развязан, и отпущение (ему) установлено!

27. Заклинание. Возвышенный, благотворный, отпрыск царственного дома.
28. Согласно подлиннику списано и сверено.

№ 3

IV R 1-2

3. Холод, шквал, что вселенную сжал, —
4. это злой *утукку*, порожденный порождением Ану,
7. *намтару*, любимый сын Эллиля,
8. отпрыск Эрешкигаль.
11. Вверху они сокрушают, внизу они разрушают;
13. они — сыны преисподней;
15. вверху они грохочут, внизу они рокочут;
17. они — плевков из желчи богов;
19. они — великие бури, что обрушиваются с небес;
21. они — ураган, что в городе грохочет;
23. они рождены порождением Ану,
они — сыновья, потомки Земли!
25. Сквозь высокие ограды, плотные ограды проходят они как поток;
27. Они врываются из дома в дом.
30. Двери не останавливают их,
31. засов не заставляет повернуть назад,
32. Как змея сквозь дверь они проскальзывают,
35. как ветер сквозь половицы они прорываются.
37. Женщину от мужской груди они отрывают;
39. Сына с колеи мужчины они похищают;
41. Мужчину покинуть свой дом они заставляют.
43. Они — злые слова, что преследуют человека.
45. Бог человека, пастырь, ищущий пищу для человека,
47. то, что его бог избрал ему в пищу,
48. будь то *ламаишту*
49. будь то *лабацу*
50. будь то *аххазу*
51. будь то священная блудница.
52. будь то бер[еменная] женщина
53. будь то рыдания
54. будь то зл[ой] человек.....
55. будь то зл[ой] *утукку*.....
56. будь то [четыре] края
57. будь то
58. будь то мрачная буря
59. будь то мрачная буря .
60. будь то мрачная буря
61. будь то мрачная буря
62. будь то пусть он войдет.....
63. будь то пусть он войдет.....
64. будьте..... пусть он войдет, пусть он.....
65. будьте пусть он войдет, пусть он.....
66. будь то «я голоден, пусть я ем пищу».
67. будь то «я жажду, пусть я пью воду».

1 b

1. будь то «я из сброда, да буду я помазан маслом»,
2. будь то «я ..., да сижу я на своем заду»,

4. *Асакку*, я заклинаю тебя заклятием Ануннаков;
 6. злой *асакку*, я заклинаю тебя заклятием Ануннаков;
 8. *асакку*, что приблизился, к больному не приближайся;
 10. *асакку*, именем Небес будь заклят, именем Земли будь заклят;
 11. именем Энки будь заклят;
 12. именем Нинки будь заклят;
 13. именем Энуль будь заклят;
 14. именем Нинуль будь заклят;
 15. именем Энбулуг будь заклят;
 16. именем Нинбулуг будь заклят;
 17. именем Эндаума будь заклят;
 18. именем Ниндаума будь заклят;
 19. именем Эндулькуг будь заклят;
 20. именем Ниндулькуг будь заклят;
 21. именем Энугилла будь заклят;
 22. именем Нинугилла будь заклят;
 23. именем Энмешарры будь заклят;
 24. именем Нинмешарры будь заклят;
 26. именами владык, отцов-матерей Эллия, будь заклят;
 28. именами владычиц, отцов-матерей Нинлиль, будь заклят;
 30. именем Сина, наперекор кому никакое судно
не пересекает реку, будь заклят;
 32. именем Шамаша, господина, судьи богов, будь заклят;
 35. именем Иштар, перед словом которой
не устоит ни один из Ануинаков, будь заклят;
 37. именем Реки, матери Эа, будь заклят;
 39. именем Нанше, дочери Эа, будь заклят;
 41. именем Нипдара, пастыря стад, будь заклят;
 43. именем Пабильсага, привратника Земли, будь заклят;
 45. именем Нингишзиды, *гузалу*^a Земли, будь заклят;
- (^a Слуга, стоящий у трона и контролирующий поток посетителей к царю, в переносном смысле — особо доверенное лицо.)
47. именем семи дверей Земли будь заклят;
 48. именем девяти засовов Земли будь заклят;
 50. именем Нети, великого привратника земли, будь заклят;
 52. именем Хушкаши, супруги Намтара, будь заклят;
 54. именем Хидимкуги, дочери Апсу, будь заклят!
 55. Этого человека, сына своего бога,
 56. его господин очистит, его господин сиять заставит;
 57. он будет есть пищу, он будет пить воду.
 58. Эллия поставит чашу воды на тебя, на твою руку.
 59. Морской водой, сладкой водой,
горькой водой, водой из Тигра, водой из Евфрата,
 60. водой из колодцев, водой реки ты исцелишься.
 61. В Небе он будет жить; перестанет мучить;
 62. в Земле он будет пребывать — да не утвердится в жилище;
 63. к этому человеку, сыну его бога,
пусть он не приближается; пусть он не возвращается!
64. Слова (из серии) «Злой *Утукку*».
66. Заклинание. Они — бури из туч, из злых ветров;
 - 1^a а 2. гибельная буря, ураган им служат;
 4. гибельная буря, ураган впереди идут.
 6. Они — совершенные дети, совершенные сыновья,

8. они — гонцы Намтара;
10. они — *гузалу* Эрешкигаль;
12. они — потоп, что проносится по стране.
14. Семеро богов просторного Неба;
16. Семеро богов Земли просторной;
17. Семеро алчных богов;
18. семеро богов вселенной;
20. семеро богов-злодеев;
22. Семеро злобных *ламашту*;
24. Семеро злых бедствий *лабацу*;
26. Семеро в Небесах, семеро на Земле.
27. Злой *утукку*, злой *алу*, злой *этемму*,
злой *галлу*, злой *илу*, злой *рабицу*,
28. именем Небес будьте закланы, именем Земли будьте закланы,
30. именем Эллиля, господина стран, будьте закланы;
32. именем Нинлиль, госпожи стран, будьте закланы;
34. именем Нинурты, сына Эшары, будьте закланы;
36. именем Иштар, госпожи стран, освещающей ночь,
будьте закланы;
37. Тело этого человека, сына своего бога, его господин [очистит, сиять заставит;]
38. он будет есть пищу, он будет пить воду.

40. Заклинание. *Намтару*, *асакку*, опустошающие страну,
42. болезнь, бедствие, поражающие страну,
44. пагубные для плоти, гибельные для тела,
45. злой *утукку*, злой *алу*, злой *этемму*,
46. злой человек, злой глаз, злой рот, злой язык,
48. пусть они удалятся из тела этого человека, сына
своего бога, пусть они выйдут из его тела.
50. Пусть они не приближаются к моему телу,
52. пусть они не творят зла передо мною,
54. пусть они не идут за моей спиной;
56. пусть они в мой дом не входят;
58. пусть они не проникают сквозь мою ограду
60. пусть они не входят в мое жилище!
62. Именем Небес будьте закланы, именем Земли будьте закланы,
63. именем Эллиля, царя стран, будьте закланы,
64. именем Нинлиль, госпожи стран, будьте закланы,
65. именем Нинурты, могучего героя Эллиля, будьте закланы,
66. именем Нуску, великого визиря Эллиля, будьте закланы,
67. именем Нанны, старшего сына Эллиля, будьте закланы,
69. именем Иштар, госпожи воинств, будьте закланы,
- 1 в 2. именем Адада, голос которого благозвучен, будьте закланы,
4. именем Шамаша, господина суда, будьте закланы,
6. именем Ануннаков, великих богов, будьте закланы.

7. Слова (из серии) «Злой *Утукку*».

9. Заклинание. Тот, кто угнетает небо и землю, *шеду*,^a
который угнетает страну,

(^a Имеется в виду злой дух с тем же именем, что и у хранителя.)

11. *шеду*, который угнетает страну, сила которого велика,
13. сила которого велика, походка которого величавая,
15. *галлу*, буйный бык, могучий *этемму*,

16. *этемму*, который проникает в дома,
18. *галлу*, у которого нет стыда, их семеро.
20. Они не знают преданности;
22. они мелят страну как муку;
24. они не знают милосердия;
26. они свирепствуют против людей;
28. они едят плоть, заставляют литься кровь, пьют из артерий;
30. место, они (?) — тело великих богов.
32. В доме бога Священного Холма... Ашнан они
34. они — *галлу*, полные злобы;
36. они едят кровь, не переставая никогда.
38. Заклятие, заколдуй их, и пусть они больше не встанут ни по сторонам, ни по бокам;
39. Именем Небес будьте закланы, именем Земли будьте закланы!

40. Слова (из серии) «Злой *Утукку*».

42. Торжествующий победитель,
который правит всем, что имеет имя
44. земли, процветание небес
46. подобно небесам
57. богиня ??, госпожа [именем Небес будь заклан, именем] Земли будь заклан.

59. Слова (из серии) «Злой *Утукку*».

61. Заклинание. Могучий дважды.
2 а 2. те, отроде которых странно, посредством порождения Ану
3. они были произведены на свет;
5. они — те, кто раскачивают бурю;
7. они не овладевают женщиной, ребенка;
9. они не знают разума;
11. они — дикие лошади, которые растут в горах;
13. они — враги Эа;
15. они *гузалу* богов;
17. чтобы разрушить дорогу, они находятся на улицах;
19. они идут впереди Нергала, могучего героя Эллиля.
20. Именем Небес будьте закланы, именем Земли будьте закланы,
22. именем Сина, господина новой луны, будьте закланы;
24. именем Ишума, вестника пути страдания, будьте закланы;
26. к телу этого человека, сына его бога, не приближайтесь; на него не бросайтесь;
28. удалитесь от места впереди него, удалитесь от места позади него!

29. Слова (из серии) «Злой *Утукку*».

31. Заклинание. Их семеро, их семеро,
33. в глубинах Апсу их семеро,
35. украшением Небес их семеро,
37. в глубинах Апсу, в Обителях,

- 38. возросли они.
- 40. Они не мужчины и не женщины;
- 42. они — те, кто раскачивают бурю,
- 44. они не овладевают женщиной, они не зачинают ребенка;
- 46. они не знают жалости и милосердия;
- 48. не внемлют ни молитвам, ни просьбам;
- 50. они — дикие лошади, что растут в горах;
- 52. они — враги Эа;
- 54. они *гузалу* богов;
- 56. чтобы разрушить дорогу, они стоят на улицах;
- 57. они злы, они злы;
- 59. их семеро, их семеро, их два раза по семь.
- 60. Именем Небес будьте закланы, именем Земли будьте закланы.

61. Слова (из серии) «Злой *Утукку*».

- 2 в 2. злой *утукку* удручил его;
- 4. [тот, имя которого] не произносится, стал его хозяином
- 6. тот, которого не заставили выйти из тела, стал его хозяином.
- 8. Он поразил его руку и поселился в его руке;
- 10. он поразил его ногу и поселился в его ноге,
- 12. он поразил его голову и поселился в его голове;
- 14. против его судьбы, в чистом поле .
- 22. Злой *утукку*,
- 23. пусть он не входит в этот дом;
- 25. злой *утукку* пусть он остается снаружи;
- 26. добрый *утукку*, добрый *шеду*, пусть они придут.
- 27. Слова (из серии) «Злой *Утукку*».
- 28. Заклинание. Злой *утукку*, *утукку*, властитель страны.
- 29. Пятая табличка (серии) «Злой *Утукку*»

№ 4 IV R 3-4

- 3 а 2. Заклинание. Головная боль, из пустыни она устремляется, подобно ветру она врывается,
- 4. подобно молнии она вспыхивает, вверху и внизу наводит смятение.
- 6. Того, кто не боится своего бога, как тростник она срывает;
- 8. подобно растению *хину*, члены его на части она разрывает,
- 10. у кого нет чтимой богини, плоть того она терзает;
- 12. как звезда в небесах она мерцает, как воды в ночи она подступает;
- 14. обреченному человеку путь она преградила, подобно буре его сразила,
- 16. этого человека она убила.
- 18. Этот человек бежит как безумный;
- 20. подобно одержимому он скитается;
- 22. подобно брошенному в огонь горит он;
- 24. подобно дикому ослу, глаза его затуманены,
- 26. с жизнью он ест, [но] со смертью повязан.

28. Головная боль подобна могучему урагану, пути
ее никто не знает;
30. ее полного предзнаменования, ее уз никто не знает.
31. Бог Мардук ее увидел. — То же, что и я. — Иди, сын мой^a.
(^a Сокращенная на письме формула «Эа-Мардук».)
33. Дикий огурец, что одиноко растет на равнине,
35. когда Шамаш домой возвращается, покрой голову одеждой и
37. закрой дикий огурец и мукой его окружи;
39. утром, перед восходом Шамаша,
40. с места его сорви;
41. корни его возьми,
43. шерсть невинной козочки возьми,
45. голову больного обвяжи,
46. шею больного обвяжи.
48. Головная боль пусть будет исторгнута из тела этого человека;
50. пусть как соломинка, унесенная ветром, на место свое она не вернется!
51. Именем Небес будь заклята, именем Земли будь заклята!

53. Заклинание. Головная боль, поколебать которую
можно не более чем гору,
55. головная боль, подобно грозовой туче, которая мешает,
57. подобно ветру, против которого
59. его члены, *шашиату*.....
65. он не спит
66. он больше не поднимает свои члены,
67. он больше не поднимает свои члены.
69. его члены
71. Он согнут подобно.....

- 3 в 1. Каждый день он насыщается стонами,
2. Мардук его увидел. — То же, что и я. Иди, сын мой;
3. шерсть невинной козочки возьми;
5. пусть женщина, имеющая месячные,
прядет правую часть и добавляет левую;
7. два раза по семь узлов завяжи; .
8. заклинание Эреду прочти,
9. Голову больного обвяжи,
11. его тело обвяжи,
12. его члены обвяжи,
14. его постель кругом обвяжи;
16. воды заклинания на него плесни.
18. Пусть головная боль, подобно мирному дыму из
жилища, поднимется к Небу,
20. подобно воде заклятия, пусть она сойдет на
землю;
22. пусть слово Эа засияет;
24. пусть Дамкина даст процветание;
26. Мардук, старший сын Апсу, здоровье и счастье —
в твоих руках!
28. Заклинание. Головная боль навалилась на этого человека,
30. головная боль, смрадная боль, навалилась на человека,
32. головная боль, она вторглась подобно потоку,
34. головная боль с восхода солнца до заката солнца,
36. головная боль вопит (и) воет.
37. На море и на просторной земле

39. она идет волнами, маленькими волнами,
40. ее волны — из больших волн.
41. Сын Эреду с большими ушами:
43. «головная боль как бык ворвалась;
45. головная боль как безумец вторглась».
47. Он приближается к своему отцу и говорит ему:
49. «Отец мой, головная боль навалилась на этого человека,
51. она свалилась на него, как обрушившаяся стена,
53. пусть он пресечет его болезнь
55. он говорит ему
57. напугал
66. брось
67. тот, кто в
68. Головная боль, как голубь к своему жилищу,
71. как ворона к небу,
- 4 b 2. как птица, в места беспредельные пусть она улетит.
4. Пусть он будет вверен добрым рукам своего бога!

6. Заклинание. Головная боль на небесах сковывает, на земле рвет;
8. боль, что у сильного человека отнимает силу,
10. что чистой женщине не дает силы,
12. что поселяется в теле больного,
15. Иштар, без которой ни для кого нет ни покоя, ни радости,
16. она заставила спуститься с гор.
18. К членам этого человека, обреченного на смерть,
она приблизилась.
19. Стоны навалились на этого человека:
20. кто ее исторгнет, кто ее прогонит?
21. Иштар, дочь Сина,
22. Энкум, сын Эллиля;
23. Мардук, сын Эреду,
25. пусть они ее изгонят из тела этого обреченного человека!
27. отец битвы привязал.
29. Сливочное масло, они принесли из чистого хлева,
31. молоко, они принесли из чистого загона,
33. над сливочным маслом из чистого хлева заклинание прочти,
35. к этому человеку, сыну своего бога, прикоснись:
37. пусть этот человек сияет, как это масло;
39. пусть он блестит, как это молоко;
41. пусть он светится, как чистое и драгоценное серебро;
43. пусть он сверкает, как сверкающая медь.
45. Вверх его Шамашу, первому из богов, и тогда
48. пусть Шамаш, первый из богов, добрым рукам его бога
49. его исцеление вверит! Заклинание.
35. Табличка IX «(Демоны) головной боли», и последняя.
36. Дворец Ашшурбанипала, царя вселенной, царя страны Ашшура,
37. который верует в Ашшура и Белит,
38. которому Набу и Ташмету даровали большие уши,
39. который получил острые глаза, сокровище писцового искусства,
40. которым не владел никто из царей, моих предшественников.
41. . Мудрость Набу, клинописные тексты, как это было сделано,
42. я написал на табличках, собрал и сверил,
43. чтобы смотреть на нее и читать, я поместил ее в своем дворце.
44. Я — владыка, который знает свет царя богов Ашшура.

45. Всякого, кто похитит (эти таблички), свое имя рядом с моим напишет,
46. пусть Ашшур и Белит с гневом и яростью истребят и имя его уничтожат, его потомство из страны изведут!

№ 5

IV R 15-15a

- 15 а 52. их злые деяния
54. с братом, сестрой, стариком, который не ...
56. они заставили спуститься на землю,
58. они уничтожили, они напали на его потомство,
60. они оторвали,
62. беременную женщину они разорвали,
64. они убили и причинили разрушение,
66. они растерзали землю и истомили народы земли,
15 б 2. они схватили небеса и землю за их горло, и не отпустили их бога;
4. землю они не отпустили, их преграда погибельна;
6. к небесам ввысь они направились,
к непроницаемым небесам они удалились.
8. Трем стражам звезд небесных они не известны.
10. Властелин, первый, величественный,
к небесам направился, а его отец этого не знал.
12. Гирра, высокий, первый,
величественный исполнитель решений Ану,
14. к нему пришел его любимый друг Гирра:
16. «Семеро злых, они известны»
18. (Ану) в своем жилище совет ему дал:
20. «Гирра, эти семеро, где они родились, где они выросли? —
22. эти семеро, они родились на горе запада;
24. эти семеро, они выросли на горе востока;
26. в отверстиях земли они обитают;
28. из нижних оснований земли они выходят;
30. на небесах и на земле они не они окутаны громом.
32. Между мудрыми богами они не известны;
34. их имени в небесах и на земле не существует;
36. эти семеро на горе запада хлопчут;
38. эти семеро на горе востока развлекаются;
40. в отверстиях земли они прячутся;
42. у нижних оснований земли они пребывают.
44. Они не известны среди тех,
кто имеет имя, на небесах и на земле они не известны.
46. Иди к Мардуку, и он скажет тебе такое слово,
48. он даст тебе знать привычки семи злых (духов),
что пред тобой предстанут».
50. Тот, чей приказ выполняется, величественный судья Анума,
52. Гирра направился к Мардуку и сказал ему такое слово,
54. (Мардук) в тиши ночной постели услышал это слово,
56. В дом к своему отцу он вошел и сказал:
58. «Отец мой, Гирра спустился на восток
и к этому таинственному месту приблизился.
60. Поторопись узнать дела и жесты семи

61. и разыскать их место».
62. Сыну Эреду с большими ушами,
64. Эа своему сыну Мардуку ответил:
66. «Сын мой, их семеро, они населяют землю;
68. их семеро, они выходят из земли;
- 15 b 2. их семеро, они родились на земле;
4. их семеро, они выросли на земле;
6. Они пришли, чтобы топтать ногами берега Апсу.
7. Иди, сын мой, Мардук.
9. При помощи *эру*, *хулдунну*, (что) от *рабицу*^a,
- (^a Имеются в виду стрекало и еще какой-то предмет, при помощи которого заклинатель отгоняет духов типа *рабицу*)
11. которому Эа названо имя,
13. высоким заклинанием, очистительным заклинанием Эреду,
15. вверху и внизу к пламени прикоснись,
- и пусть семеро к больному не приближаются,
17. подобно большой сети на обширном пространстве,
- разложи его, брось его.
19. С огнем в его изголовье ночь и день пусть он пребывает;
21. ночью на улицах и дорогах,
- а на рассвете в своей руке пусть он несет его.
23. В полночь, при глубоком сне на постели, в голове этого человека,
24. обреченного на смерть, пусть он остается».
26. Герой послал гонцов к своему другу, (говоря):
28. «Пусть Гирра ополчится против этих *рабицу*,
30. пусть он исторгнет его семерых врагов, и пусть они выйдут из его тела.
32. Буря, которая убивает *рабицу* без оружия,
34. пусть Гирра с царственной силой грудь свою повернет.
36. Пусть Эрешкигаль, супруга Ниназу, свое лицо в другую сторону отвернет,
38. Головная боль, лихорадка озноб,
40. пусть Нингирима вырвет их из его тела и пребывает в его изголовье.
42. Заклинанием уст Ниигиримы,
44. заклинанием Эреду,
46. заклинанием Апсу и царственного Эреду пусть он защитит его от возвращения.
48. Пусть Ишум, великий вестник, царственный исполнитель (воли) богов, в изголовье его
49. пребывает и в течение ночи его охраняет;
51. пусть он доверит его добрым рукам Шамаша денно и ночью».
53. Заклинание. В Эреду черный тутовник вырос, в чистом месте он выращен;
55. его лицо — сияющий лазурит, над Апсу простертый.
57. Деяния Эа в Эреду исполнены изобилия;
59. его обитель на земле,
61. его жилище — постель *Нару*^a
- (^a Бог реки.)
63. в сверкающий дом, тень которого простирается подобно лесу, никто не входит
64. *ушумгаллу*^b
- (^b Одно из обозначений дракона.)

65. Таммуз
 67. двое
 15 а
 3. Апсу
 5. поместил
 7. пусть добрый *ламассу* пребывает в его боках,
 9. не поселятся на его лице и в его теле,
 11. пусть он остановит свою ногу.
 13. злой... пусть он держится в стороне.
 15. равнину, из уст царя, пусть он уничтожает на дороге,
 17. великие ..., мудрецы сияющей Иштар, пусть они не возвращаются в этот дом
 18. злой *алу*, злой *этемму*, злой *галлу*, злой *илу*, злой *рабицу*
 19. во имя Неба будь заклят, во имя Земли будь заклят.
 20. этого человека, сына его бога
 22. злой ..., который его схватил, пусть в стороне стоит;
 24. добрый..... пусть он пребывает в его изголовье;
 26. пусть он пребывает;
 28. пусть он пребывает;
 30. пусть он будет поднят

№6 IV R 16 №1

- 16 № 12. Заклинание. Заклятье, заклятье, черта непреодолимая,
 4. черта богов, что нельзя осилить,
 6. черта Небес и Земли, что не сдвинуть с места,
 8. что никакой бог переступить не может,
 10. что ни человека, ни бога не отпускает;
 12. западня непреодолимая, для зла поставленная,
 14. сеть, из которой не выйти, для зла расставленная.
 16. Будь то злой *утукку*, злой *алу*, злой *этемму*, злой *галлу*, злой *илу*, злой *рабицу*,
 18. будь *ламашиту*, *лабацу*, *аххазу*
 20. будь то *лилу*, *лилит*, *ардат лили*
 22. будь то злой *намтар*, *мучтель-асакку*, губительная болезнь,
 24. что на сверкающие воды Эа кидается,
 26. пусть их поймает ловушка Эа!
 28. (Тот), кто на ограды Нисабы устремляется
 30. пусть сетью Нисабы будет он пойман!
 32. (Тому, кто) черту преодолет,
 34. пусть [черта] богов, черта Небес и Земли, ускользнуть не даст!
 36. Того, кто великих богов не боится,
 38. пусть пленят великие боги,
 40. пусть проклянут великие боги!
 42. Того, кто на дом набросится,
 44. пусть внутрь дома они введут!
 45. Того, кто окружен стенами,
 47. пусть идти внутрь стен, где нет прохода, заставят!
 49. Того, кто скроется в двери дома,
 51. пусть войти в дом без возврата они заставят!
 53. Того, кто прячется в двери и засове,

- 54. пусть запрут дверь и засов, задвижка нерушимая!
- 57. Того, кто сквозь половицу и перекладины двери вторгается,
- 59. того, кто сквозь дверные петли и крюки устремляется,
- 60. пусть, как воду, они его выльют,
- 61. пусть, как сосуд, его измельчат,
- 63. пусть, как серебряную вазу, его сок
- 64. Тому, кто ограду перелетит,
- 66. пусть крылья они оторвут!
- 67. Тому, кто против этого дома
- 68. пусть шею его [...]

№ 7

IV R 16 №2

- 16 b 2. Заклинание. Злой *утукку* залег в степи...
- 4. злой *шеду* постоянно творит насилие, и никто ...
- 6. злой *этемму* в степи расставляет ловушки,
убивать людей он [не прекращает],
- 8. злой *галлу* в городе расставляет ловушки,
убивать людей он не прекращает.
- 9. Они поражают мужчину;
- 10. они сокрушают женщину;
- 12. детей они [разрывают на части?], как лук порей.
- 14.....
- 16. они окутывают как.....;
- 17. они навевают бурю;
- 19. они водворяются и обращаются против
пленника;
- 20. ... уводят его из его дома;
- 22. враждебен, он лежит в грязи;
- 24. свой бок он не поворачивает;
- 26. он не может принимать пищу, он не может пить воду;
- 28. его члены сокрушены, его тело наполнено тьмой.
- 29. Мардук его увидел. — То же, что и я. — Ступай, мой сын.
- 30. Сосуд *сахаррату*^a водой наполни;
- (Большой пористый сосуд.)
- 31. тамариском, мыльным корнем,
пальмовым орехом, растением *шалалу*, кипарисом,
- 32. белым кедром его наполни,
- 33. прочитай заклинание Эреду;
- 35. торжественно приготовь воды заклатья;
- 36. хорошо прочти свое очистительное заклинание;
- 37. этой водой окропи человека;
- 38. положи ему на голову пищу *ли*
- 39. обреченного человека, сына своего бога,
- 40. очисти. 43. Его изображение рядом ... на муке обведи;
- 45. на лоб этого человека воды палей;
- 46. водой заклинания окропи;
- 47. факелом курильницы зажги;
- 48. воду его тела сверху вылей.
- 49. Подобно воде пусть будет вылит из его тела *намтару*
- 51. Эту воду в сосуд собери;
- 52. на перекрестке вылей ее;
- 54. пусть перекресток унесет недуг,

- уменьшивший его силы;
 56. яд, выплюнутый изо рта,
 подобно воде пусть будет вылит;
 58. злые чары, в выплюнутом яде рассеянные,
 пусть вспять обратятся!
 59. Прочти заклинание, заклинание Эа!
 61 . Губы, что шепчут, что несут порчу,
 пусть будет развязан их узел!
 62. Пусть будет чист этот человек, пусть он сияет;
 63. пусть в добрые руки своего бога вернется!
 64. Слова (из серии) «Изображение тела на муке».
 65. Заклинание. Злой *утукку*, злой *алу*, злой *этемму*,
 злой *галлу*, начало злого неполного месяца.
 66. Согласно подлиннику списано и сверено.

№ 8 IV R 17

- 17 а 2. Заклинание. Великий господин,
 когда ты исходишь из середины сияющих небес,
 4. могучий, сильный, Шамаш,
 когда ты выходишь из середины сверкающих небес,
 6. когда ты [вставляешь] стержень
 в засов сверкающих небес,
 8. засов сверкающих небес
 10. когда ты открываешь великую дверь небес,
 12. величественные сверкающих небес, когда
 ты идешь,
 14. Эллиль радостно приближается к тебе;
 16. госпожа небес, издавая крик радости,
 предстает перед тобой;
 18. чтобы успокоить твое сердце, каждый день
 предстает перед тобой.
 20. всех стран очень тобой восхищаются;
 22. Небес и Земли держатся рядом с тобой;
 24. ты даешь им решения;
 26. ты взираешь,
 28. головы (?) ты разъясняешь;
 30. ты направляешь;
 32. ты видишь;
 35. до оснований дома ты заставляешь дойти.
 37. В твоей власти освободить заключенного,
 [дать здоровье] больному.
 39. Бог (покровитель) человека ради своего сына смиренно стоит перед тобою.
 41. Господин меня послал;
 42. великий господин Эа меня послал.
 44. Встань, его слово выслушай, его решение выполни.
 46. Ты на своем пути даешь процветание людям.
 48. Дай ему сияние здоровья, и пусть его болезнь исцелится.
 50. На этого человека, сына своего бога,
 наложено за грех его наказание;
 52. его члены больны; больной,
 он изнуряем недугом
 54. Шамаш, прими моих рук воздеяние;
 56. съешь свою пищу, прими возлияние,

бога его рядом с ним поставь!

58. Да будет его грех отпущен по твоему слову;

59. да будет изгнан его проступок;

17 в 2. пусть от своих чар он освободится, пусть от своей болезни он исцелится;

3. дай царю этому жизни!

4. Пусть, покуда жив, величие твое он воспевает,

5. пусть этот царь воздаст тебе поклоненье,

6. и я, экзорцист, твой служитель,
да воздам тебе поклоненье!

7. Слова (из серии) «Место Шамаша».

21 в 2. Заклинание. Для воздеяния их рук я расстелил черную одежду,

4. я одел их руки пестрым *улинну*;

5. я положил *эру*, сердцевину пальмы;

7. черту я провел; окружил их оболочкой из гипса;

9. я окружил их оградой Нисабы, закланием великих богов.

12. Изображение Нергала этим семи с могучими крыльями

13. я поместил на голову.

15. Я положил Нуску на их голову в очаге,

18. я положил два парных соединенных изображения, тело которых хорошо сделано,

19. которые направо и налево сбрасывают злых *галлу* с головы больного;

21. я заложил изображение Лугальгирры,

у которого нет соперника, в ограду дома,

22. изображение Месламтаза,

у которого нет соперника;

25. я положил под постель изображение Наруди, сестры великих богов;

27. чтобы ничто злое не приближалось, я поставил у двери Галлала и Латарака;

29. чтобы преследовать все злое, я поставил перед дверью *маш-хулдуппу*^a

(Буквально «козел побивания зла», т. е. козел отпущения.)

31. я нарисовал на двери двух стражей из гипса,

34. я поставил двух стражей из асфальта, соревнующихся в борьбе,

35. у дверного косяка справа и слева;

38. я поставил два изображения-хранителя, Эа и Мардука,

39. в дверях справа и слева.

41. Заклинание — заклинание Мардука, экзорцист — образ Мардука.

44. Имярек, сын имярека, бог которого — имярек, богиня — имярек,

45. в теле которого есть болезнь,

Реверс 2. прочитай над ним заклинание при уходе и возвращении скота:

5. вы, светлые отпрыски Апсу, сыновья Эа;

7. ешьте прекрасную пищу, пейте сладкое питье; к вашей охране

8. пусть не приблизится ничто злое.

9. Подобно этому перед семью крылатыми статуями, впереди которых статуя Нергала,

10. встань, скажи, перед семью статуями семи богов

11. что несут *эру* и оружие, ты прочтешь? раз (то, что следует).

43. Заклинание. В день, когда этот бог был сделан,
 когда чистый молодой месяц был закончен,
 45. (этот) бог сверкал над всеми странами;
 47. славой он окружен, величием он украшен, муж с совершенной грудью;
 49. сиянием он окружен, лицо его ужас наводит.
 51. Меч (?) сверкает; молодой месяц лучезарно сияет.
 53. (Этот бог) был сделан в небесах, на земле был сделан;
 55. этот новый месяц во Вселенной был сделан.
 56. Этот полумесяц вышел из леса *хаиуру*,
 59. создание богов, творение человечества;
 61. в постоянных заботах был он исполнен;
 63. искусством Гушкинбанда был он создан;
 65. он, если не открывает уст, не ощущает запаха жертвоприношения,
 66. он не вкушает пищи, он не [пьет] воду... .

№ 9

IV R 22 № 1

- 22 а 2. [Головная боль] вышла из Экура,
 4. из дома Бела она вышла,
 5. *ламашту*, что пожирает,
 7. не дает спать, не дает обрести благотворный сон;
 8. это боль ночи и дня;
 10. ее рука — *алу*, его тело — ураган;
 11. ее лицо — сумрачные небеса;
 13. ее ли[цо] исполнено тени леса;
 15. уничтожает, ее нога — молот
 17. пожирает, мышцы она отрезает;
 18. она пожирает члены;
 20..... она сотрясает, колеблет тело;
 22. подобно бедствию, выть она заставляет;
 23. она бросает на землю, силы суставы она лишает;
 24. подобно *ибиху* она изнуряет;
 25. на землю она повергает;
 26. подобно битуму нос она залепляет,
 27. подобно редьке она дробит...,
 29. как буря соломинку (?), она разр[ывает]
 30. как берег, бока она уничтожает;
 31. как тростник *хинну*, грудь она разрывает;
 33. бока, как старую лодку, она проламывает;
 35. она хватает *шамахху* как тонкие кишки;
 36. она срывает старика как розу;
 37. зрелому, как быку, горло она перерезает; .
 38. она поражает быка, она не щадит быка;
 39. она поражает быка, дикого быка она не ис
 41. его рога, она их не добывает;
 43. их детенышей, она их не щадит;
 45. она поразила животных полей и,
 как на фруктовый сад, плоды которого убраны, внезапно напала;
 47. как жало гадюки, на все, что имеет имя, она нападает.
 48. Мардук ее увидел и
 50. вошел в дом к своему отцу Эа, сказал ему:
 52. «Отец мой, головная боль вышла из Экура».

53. Во второй раз он ему сказал.
 55. «Я не знаю ни того, что сделал этот человек, ни того, как его исцелить».
- в 2. Эа сказал сыну своему Мардуку:
 4. «Сын мой, чего ты не знаешь, чем тебе помочь?
 7. То, что я знаю, знаешь и ты.
 8. Ступай, сын мой Мардук;
 9. возьми одно (ведро) *бандуду* из сосуда *киппату*;
 11. из слияния двух рек воду возьми;
 12. над этой водой свое очистительное заклинание прочти,
 13. своим очистительным заклинанием очисти и
 15. этого человека, сына его бога, окропи;
 17. его голову обвяжи;
 18. пусть он будет сыт целый день;
 19. вечером (повязку) разрежь,
 20. на перекрестке ее брось;
 22. пусть его головная боль будет развязана;
 24. головная боль, которая обрушилась как ночной дождь, пусть будет удалена;
 26. пусть слово Эа заставит сверкать;
 28. пусть Дамкина заставит преуспевать.
 30. Мардук, старший сын Апсу, здоровье и счастье в твоих руках!

№ 10

IV R 26 № 6

- 26 в 19. К *апкаллу* воззвал он, и
 21. барана, образ этого человека,
 23. барана за его жизнь дал он:
 25. голову барана за голову человека дал он,
 27. шею барана за шею человека дал он,
 29. грудь барана за грудь человека дал он.

№ 11

IV R 26 № 7

- 26 в 30. М[ардук увидел его.— То же, что (и)] я.
 Ступай, мой сын.
 32. Против жара и озноба, что пагубны для тела,
 33. сосуд *сахаррату* водой из колодца,
 34. которого ничья рука не касалась, наполни;
 36. внутрь тамариск, мыльный корень,
 тростник *шалалу*, щелочь *карнану*, вино из забродивших фиников, высыпь;
 38. внутрь сверкающий перстень положи;
 39. чистой водой его обильно намочи,
 41. воду на этого человека вылей,
 43. корень растения *маткану* вырви,
 45. разотри чистой соли, чистой щелочи,
 47. жир *матку*^а, принесенный с гор, внутрь брось;

(^а Буквально это слово означает «сладкий, приятный на вкус».)

49. до семи раз тело этого человека помажь.

№ 12

IV R 27 № 5

- 27 б 3. Нергал защитил
5. их череп, как разбитую винную кружку
 7. Из страны в страны они идут;
 9. женщину они заставляют выйти из ее покоев;
 11. мужчину они заставляют выйти из дома своей семьи;
 13. сына они заставляют выйти из дома своего отца;
 15. голубей они выгоняют из их жилищ;
 17. птицу они заставляют покинуть свое жилище;
 19. ласточку они заставляют вылететь из своего гнезда;
 21. они поражают быка, они поражают осла;
 23. они — безмерные бури, злые *утукку*, всегда в погоне,
 25. они истребляют жителей страны
 27. в кирпич фундамента
 28. подобно (сосуду) *сахаррату*
 30. без Белит из пустыни, писец
 32. нога на земле не
 34. пути земли не ...

№ 13

IV R 27 № 6

- 27 б 36. человек
38. он не спит, он не
 40. его бог
 41. Мардук увидел его. — То (же), что (и) я Ступай, [мой сын
 43. белого барана Таммуза
 45. подле больного его положи;
 47. его сердце вырви,
 49. в руки этого человека положи;
 50. заклинание Эреду прочти.
 53. Барана, сердце которого ты вынул,
 54. пищу *ли* этого человека, освяти;
 55. курильницы от факела зажги;
 56. (воду от очищения?) на улице вылей,
 58. человека этого в ограде закрой;
 59. заклинание Эреду прочти;
- именем великих богов пусть они будут закланы,
60. злой *утукку*, злой *алу*, злой *этемму*
 61. *ламашту* и *лабацу*.

№ 14

IV R 28 № 1

- 28 а 2. который идешь впереди
4. с Ану и Белом
6. который делает, чтобы приказания
[выполнялись] всеми людьми
8. Ты — справедливый и вечный бог в небесах;
10. ты — справедливость, мудрость всех стран;
12. праведного ты знаешь, нечестивого ты знаешь.
14. Шамаш главу праведного возвышает;
16. Шамаш нечестивого как кожаный ремешок разрывает.
18. Шамаш, ты опора Ану и Бела,
20. Шамаш, ты высокий судья Небес и Земли,
6. ты высокий судья, великий хозяин всех стран;
8. ты милосердный хозяин живых существ на земле.
10. Шамаш, в этот день очисти,
освяти царя, сына своего бога;
12. все чары, которые в его теле,
13. пусть они будут вырваны и в стороне оставлены.
14. Пусть он будет омыт подобно (сосуду) *буру-шагана*,
15. пусть он будет очищен подобно *буру* сливочного масла,
17. пусть он сверкает как медь сверкающая;
19. обвязку его развяжи;
21. пусть он до конца своих дней твое величие славит,
22. я, экзо[рцист, да принесу тебе поклонение]!

11. Заклинание. В небесах ветер подул,
и в глаз человека принес слепоту;
13. с далеких небес ветер подул,
и в глаз человека принес слепоту;
14. в глаз больной он принес слепоту.
15. Глаза человека этого тусклы;
16. его глаза обречены;
18. человек этот о самом себе мучительно плачет.
19. Богиня Ид увидела болезнь этого
20. растертых *касу^а* возьми,
(Возможно, перец или какая-то другая пряность.)
21. заклинание Апсу прочти, и
22. глаз этого человека повяжи
24. После того, как богиня Ид
своей чистой рукой прикоснется к глазу человека,
26. пусть ветер, помутивший око человека, из его ока выйдет!
27. Слова (из серии) «Больное око»

№ 15 IV R 30

- 30^а а 4. подобно |
6. подобно норам, ночью
8. место сумрака
10. ты злой [*алу*], который опутывает
человека подобно сети
12. ты злой *алу*, который набрасывается
на человека подобно (сети) *аллухаппу*;
14. ты злой *алу*, который, подобно ночи,
не имеет просвета;

16. ты злой *алу*, который ночью,
подобно лисе, печально бродит по городу.
18. Я экзорцист, великий жрец,
очиститель оракулов Эреду;
20. вестник, который идет впереди Эа, — это я;
22. вестник Мардука, мудрого мага,
старшего сына Эа, — это я;
24. экзорцист Эреду, заклинание
которого действительно, — это я.
26. Злой *алу*, чтобы вырвать тебя, удержать твою грудь,
28. обитающую в развалинах, в развалинах
30. царственный господин Эа, послал меня.
32. Заклинание его уст он [вложил] в мои уста;
34. он наполнил мою руку семью
курильницами сверкающих оракулов.
36. Ворона, птицу-советника богов, я взял в правую
руку,
38. сокола, птицу, которая? в твое злое лицо, я в левую руку ...
- 30^a *b* 2. Я облекся в черную одежду страха.
4. черное одеяние, одеяние величия, я показал на чистом теле;
6. я повесил *хулу*^a на резьбу двери;
(^a Возможно, мышь (т. е. ее изображение))
8. я повесил *балтитти b* на засов.
(^b Жучок-древоточец.)
10. От пут, как убежавшего осла, я освобождаю тело;
12. злой *утукку*, уходи прочь, злой *алу*, уходи;
14. вон из тела этого человека, сына его бога, злой *алу*, уходи;
16. не оставайся в святилище бога этого дома, не захаживай;
18. в стенах этого дома не оставайся, не захаживай.
20. Пусть он остается в этом доме — ты этого не скажешь;
22. пусть он остается в стенах — ты этого не скажешь;
24. пусть он остается в земле фундамента — ты этого не скажешь.
26. Злой *утукку*, выходи прочь.
28. злой *алу*, уходи в развалины;
30. твое жилище — удаленное место,
32. ... твое обиталище — обрушившийся дом, развалины.
- 56 *b* 1. Ты поражаешь члены, сокрушаешь мышцы,
2. разрываешь нервы и ? ? ?;
3. ты делаешь лицо бледным, ты изнуряешь тело,
4. ты причиняешь страдание, ты жжешь тело подобно огню.
5. Чтобы изгнать тебя, чтобы услать тебя,
чтобы ты не возвращалась, чтобы ты не приближалась,
6. чтобы ты не свирепствовала в теле имярека, сына имярека,
7. я заклинаю тебя (именем) Ану, отца богов великих;
8. я заклинаю тебя (именем) Эллиля, Великой Горы;
9. я заклинаю тебя (именем) Эа, царя Апсу,
творца вселенной, господина мира,
10. я заклинаю тебя (именем) Белит богов,
великой царицы, существа творящей;
- И. я заклинаю тебя (именем) Сина,
господина лунного диска, дающего решения
и открывающего знамения,
12. я заклинаю тебя (именем) Шамаша,

света верхнего и нижнего, породившего страны света,
13. я заклинаю тебя (именем) Мардука,
господина чародейства; я заклинаю тебя (именем)
Нинурты, первого между богами, своими братьями;
14. я заклинаю тебя (именем) Нингиримы, госпожи заклинаний;
15. я заклинаю тебя (именем) Нинкаррака, *абарак-ката*^a Экура;
(Административная должность в храме.)
16. я заклинаю тебя (именем) Иштар, госпожи стран;
17. (именем) Убшукинны, обители, где совещаются великие боги,
18. что посреди Экура, ты заклята.
19. Если к имяреку, сыну имярека,
ты вернешься и его обременишь,
20. это заклинание не пощадит тебя (?),
заклинание Эа, Мардука, заклинание Бау
21. и Нинкаррака, заклинание Нингиримы,
госпожи заклинаний. Заклятье, заклатье.

22. Слова (из серии) «Ламашту»

23. Ритуал. Его изображение на глину изображения
Ламашту ты поместишь;
24. ты положишь его на голову больному человеку;
ты наполнишь *декменну*^a огнем, тыставишь внутрь кинжал;
(Прах, зола.)
25. три дня будешь ставить его на голову
больному человеку; на третий день, на закате (?) дня,
26. ты изгонишь ее, кинжалом ее поразишь,
в боковую поверхность стены ее заключишь,
27. оградой ты ее окружишь; оглядываться назад не будешь.
31. Когда воды выносят солнце, когда оно спускает-
ся из своего сада,
32. чары, которые видны в доме этого человека, ...
дом.
33. ... ты поставишь; сверху ты нальешь воды,
гипса, воды и вина, бродящего вина, вина из фиников, зерна (?).
59 b 1. ... сосуд для омовений ты закроешь,
к своим ногам ты поднимешь (?);
2. на закате солнца они бросят в реку
этого человека, которого они несут;
3. ... в этот дом он не войдет; на второй день
4. при помощи одного *агуббу*, тамариска,
платана, тростника *шульхи*, карликовой пальмы,
5. шкуры большого быка, твердой меди, факела, *эру*,
6. сердцевины пальмы, молотого зерна
ты очистишь дом; к порогу дома, всему целиком,
7. ты прикоснешься битумом, гипсом, жиром, кедром.
8. Ты поставишь курильницы с кипарисом
и кедром у двери бога.
9. Ты оросишь этого человека водой,
и человек, которому поручено (это),
10. оросит его руки; с этого дня никакая женщина
не приблизится к этому человеку.
21. Экзорцизм. Когда чары заметны в доме человека,
22. ты омоешь в воде ???, заставишь черного быка съесть.

23. Это заклинание ты прочтешь семь раз, и чары будут рассеяны.
24. Против яда порчи, которая была замечена в доме человека, пыль с перекрестка.
25. Скопировано в соответствии с оригиналом и сверено.
26. Дворец Ашшурбанипала, царя вселенной, царя страны Ашшура.

№ 17
IV R 60

- 60 а 4. ...
5. ... ты либо наполнишь битумом, либо
6. либо ...
7. злой, либо ...
8. либо горшок ? .
9. либо горшок ?
10. и видение в доме человека,
11. ... эти предзнаменования, пока они есть, изнуряют город
12. эти беды, человек, который не ?, который не прав
(?) ...
13. ????
14. бог и богиня ???
15. *Ритуал.* На берегу реки ты подметешь землю,
окропишь ее чистой водой,
16. [ты предложишь] жертву Эа и Шамашу,
17. [ты поставишь] курильницы с кипарисом и кедром перед Эа,
18. [ты убьешь] барана, жертву чистую, совершенную,
19. [ты предложишь] мясо с правой стороны туши,
мясо с почек (?) и жареное мясо,
20. ты поставишь курильницу;
тонкое вино из фиников лучшего качества, вино ты выльешь;
21. ты положи[шь] *агуббу* в воду из колодца дома Мардука;
22. ... в *агуббу*, белого *кишкану*^а,
тамариска, растение *дилбат*, сердцевину [пальмы],
(а Туговое дерево.)
23. чистого ..., чистого серебра, золота, меди, свинца ...
24. ты насыплешь внутрь, перед звездой ...
25. ... ты нальешь очищенного масла (?), хорошего масла ...
26. ... муки, в повседневную одежду, в шерсть
27. ... растение из сада, позади жертвы ты .
28. вверху будут находиться, а маг
29. ... это заклинание ты прочитаешь трижды. .

№18
V R 50-51

- 50 « 2. Заклинание. Шамаш, когда ты сходишь с великой горы,
4. с великой горы, с горы источников когда ты сходишь,
6. с горы, места судеб, когда ты сходишь,
8. там, где небеса и земля встречаются (?), [основания небес],
10. великие боги ... пребывают рядом с тобой,
12. ... чтобы решать пребывают рядом с тобой,
14. ... взирают на тебя.
16. ... своих четырех ног,

18. ... я направляю,
 20. Шамаш, которого знает; его истинный хозяин,
 это ты,
 22. ... Шамаш, возвышенный мудрец ...
 небес и земли, это ты,
 24. ... все небеса, которые внутри ... говорят,
 26. буря, которая все народы ...
 28. злой быстро ...
 30. преданность и справедливость ты превосходишь.
 32. Разрушитель и убийца,
 34. тот, кто, не зная того, испустил проклятие,
 36. тот, кто ... встретил,
 38. тот, кого взял *намтару*,
 40. кого сковал *асакку*,
 42. против которого восстал злой *утукку*,
 44. на постель которого набросился злой *алу*,
 46. па которого ночью напал *этемму*,
 48. кого поразил могучий *галлу*,
 50. члены которого схватил злой *илу*,
 52. волосы па голове у которого поднял злой [раби]цу,
 54. кого взял
56. на которого обрушился
58. кого наполнил ужасом *аххазу*,
 60. кого выбрала дева-лилит,
 62. человек, которого *дева-лилит* бросила на землю,
 64. кого остановило дурное предзнаменование,
 66. кого растерзал рок,
 68. кого прокляли злые уста,
 70. кого проклял злой язык,
 72. па кого со злобой посмотрел дурной глаз,
 74. кого разорвал на части ...,
 76. кого опрокинул
78. ... с тобой [он получит обратно свои силы?]
13. Заклинание. Царь с преданным сердцем, сверкающий ...
 15. благовоние из кедра, в глубине гор, до
 17. ...сверкающий, украшение владычества, .
 19. ... семья царей,
 21. когда тыходишь в дом омовений,
 23. пусть Эа встречает тебя с радостью;
 25. пусть Дамкина, царица Апсу, осветит тебя своим
 взглядом;
 27. пусть Мардук, царственный смотритель
 над Игигами, поднимет твою голову.
 30. Великое и чистое послание Эа, они узнали о нем,
 их действия на месте?
 32. Царственные боги небес и земли помогают ему,
 34. в царственных святилищах небес и земли они помогают ему.
 36. Эти изображения чисты и святы.
 37. В чистых и святых водах,
 39. Ануннаки, великие боги, сами себя очищают;
 40. перед ними они заставляют свер[кать]
 41. чистых посланников [Эреду],
 42. бог Энкум чистый Эреду,

44. богиня Нинкум чистая Эреду.
45. Экзорцист Апсу абсолютно совершенен;
47. одетый в ткань Эреду, он абсолютно совершенен.
49. В доме омовений, рядом с царем, Эа пребывает.
50. По приказу Шамаша, великого господина небес и земли,
52. пусть ему в подарок дадут жизнь, мир сердца.
53. Царь, сын чистой коровы,
55. в дом омовений, когда тыходишь,
56. ...Мардук [сын] Апсу,
57. ... пусть Шамаш тебя осветит,
59. ... царской власти пусть он его облечет.
- 60....
62. ... пусть он будет благоприятен во все дни
- 63....
65. Мардук ..
66. Энбилулу, владыка ...
68. долгую жизнь ...
70. ... заставляя войти в дом омовений ...
72. Эа, господин заклинания ...
74. своим заклинанием жизни ...
76. рыбу, птицу, украшение камышовой заросли ...
78. богиня Ид, властительница, которая в море ...

- 51 а 21. в доме омовений, пусть он заставит тебя сверкать.
23. Пусть Ануннаки, великие боги, дадут тебе в подарок жизнь и мир сердца.
25. Пусть Нинурта, могучий герой Эллиля, помогает тебе на поле битвы.
27. Пусть Нинурта, посланник Экура, изгонит из тебя живые существа,
28. В доме омовений пусть он заставит тебя сверкать;
30. пусть добрый *утукку*, добрый *шеду* дадут тебе здоровье;
31. пусть злой *этемму*, злой *алу* ...
 пусть добрый *утукку*, добрый *шеду*,
32. Ануннаки, великие боги,
34. и Шамаш дадут приказ о твоём выздоровлении.
35. «Из дома омовений на равнину он выходит».
36. Дворец Ашшурбанипала, царя вселенной, царя страны Ашшура.

№ 12

АСКТ №12

2. Заклинание. ... его шерсть, изобилует,
3. каменный баран, животное горы,
4. каменный баран, который выходит на равнину
5. каменный баран гор и его ягнята,
6. пусть они не приближаются к скипетру.
7. К сосуду *зинбар*^а они не прикасаются, разрушение решительно.
 (Возможно, к бронзовому сосуду.)
8. Мардук среди каменных баранов уничтожит самца;
9. он заставляет торжествовать приказы царственного жилища.
10. Придя к человеку,
11. *анкаллу*, экзорцист Эреду, сказал:
12. иди, экзорцист Эреду сказал
13. в доме омовений с *уригаллу* сделай так:
14. соверши очищение при помощи очистительной воды,
 факела, курильницы.

15. Царя, сына своего бога, очисти его, справа и слева
16. с этим каменным бараном соверши очищение.
17. злой *утукку*, злой *алу*, злой *этемму*, злой *галлу*,
18. чары, всякое зло, которое совершено, прокляни их;
19. пусть они идут в пустыню, чистое место.
20. Пусть Сип и Шамаш пребывают впереди и позади царя;
21. пусть он устойчив в месте жизни.
22. Заклинание, слово Эа,
23. заклинание Мардука, заклинание Апсу, прочитай его.
24. Пусть Эа (господин) великого дома освободит!
25. Злой *утукку*, злой *алу*,
26. пусть они [остаются] вне тела царя, сына его бога.
27. Пусть добрый *утукку*, добрый *шеду*,
- ради его владычества и его царской власти над вселенной
28. пребывают в его теле.

29. Слова (над) каменным бараном.

30. Заклинание. Он очищает царственным *хулдуппу*,
31. Мардук, сын Эреду, чистый экзорцист, величественно сказал;
32. Нингирима, госпожа заклинаний, с ним
33. ... ставит.
34. Эа, царь Апса, сказал сыну своему Мардуку:
35. Иди, сын мой, Мардук,
36. Этим человеком овладела порча.
37. Возьми *хулдуппу*,
38. положи его голову на голову (больного);
39. очисти человека, сына его бога;
40. его слюна, пусть она будет вылита в его рот.
41. Этот царь, пусть он будет чист,
- пусть он станет сверкающим.
42. Пусть порча не входит в тело этого человека;
43. пусть она выйдет из его тела.
44. пусть бог колдовства остается снаружи.
45. Слова (над) *хулдуппу*.

№20

К. 1284=Ленорман Е А, № 18 bis

2. Заклинание. *Намтару*, который, подобно огню,
жжет страну,
4. который, подобно *асакку*, нападает на человека,
6. который, подобно урагану, колеблет равнину,
8. который, подобно врагу, хватает человека,
10. который, подобно бедствию, изнуряет человека,
12. у которого нет ног, нет рук, который ночью выступает против человека,
14. больного, как луковицу, он раздавил (?).
15. ... сковывает
18. ... бросает на землю,
20. ... ночью ... [он не] спит.
- 22.
24. ... хватает,
26. его бог с ... удаляется.
28. его богиня из его тела удаляется.

29. Мардук увидел его. — То, что я. — Иди, сын мой.
- 31....Апсу
33. Изготовь изображение своего тела и
34. ... человека ? ? ? уложи его сверху;
35. над плотью своего тела соверши очищение;
37. прочитай заклинание Эреду;
39. поверни свое лицо к заходящему солнцу;
40. злой *намтар*, который его сковал, пусть держится далеко.
42. Слова (из серии) «Изображение тела...»

№ 21

K 6172=Craig. Religious Texts, II, рис. V

1. Против человека были созданы чары,
2. ты исследуешь эти чары, которые заметны в нем
небеса и землю, лицо солнца [ты будешь вопрошать].
3. Болезнь твоего сердца, ты скажешь о ней Шамашу.
4. Лицом к солнцу против чар ты убьешь свинью
5. Эти чары, в тело свиньи ты их заключишь.
6. Лицом к солнцу, в соответствии с ритуалом,
ты поставишь человека, против которого были созданы чары.
7. «Шамаш, тот, кто создал эти чары, пусть он не
видит, а я вижу!»,
8. семь раз, лицом к солнцу, ты заставишь его
сказать (эти слова).
- Каждый день болезнь его сердца к небесам
9. Эти чары, которые в теле свиньи .
10. Это колдовство ...
11. колдовство

№ 22

ASKT № 7

2. ... жрец
3. у них десять рук, у них десять ног .
4. *асакку, этемму*, пусть они ...
5. изображение его тела на этом месте пусть ...
6. пусть этот царь будет блестящим, пусть он сверкает,
7. пусть он будет возвращен в благоприятные руки его бога.

Группа 2.

Ответная порча

причиняемая экзорцистом колдуну

Тексты этой группы не отличаются большим разнообразием, поэтому мы приводим небольшое число примеров из серий «К Шамашу» и Маклу.

№ 1

IV R 59 № 1

11. Заклинание. Расторгни узы моей колдуньи,
12. уничтожь слова моего врага,
13. пошли буре ее чары, ветру — ее слова;

14. все ее порчи и ее чары пусть унесет ветер;
15. пусть ее дни унесут ее к бедствию и тоске;
16. пусть она окончит свои годы в страдании и размалывании сердца;
17. пусть она умрет, а я живу.
18. Ее колдовство, ее чары, ее порчи, пусть они будут развеяны
19. по приказу Эа, Шамаша, Мардука,
20. и царственной владычицы богов. Заклятье. Заклятье.

№ 2

Maqlu II

126. Заклинание. Гирра могучий, буря яростная,
127. Ты справедлив к богам и царям,
128. Ты вершишь суд разоренных мужчин и женщин,
129. Судя меня, ты гневаешься, как герой Шамаш!
130. Дело мое рассуди, решение по нему прими!
131. Колдуна и колдунью спали!
132. Врага моего пожри, недруга моего истреби!
133. Твоя злая буря пусть их настигнет! Заклятье.

Группа 3.

Оправдание виновного или безвинного с просьбой отпустить перечисленные грехи

Сюда мы включили несколько показательных примеров, демонстрирующих сложный характер текстов данной группы. Сложность их, во-первых, в том, что, с формальной точки зрения, сюда относятся и заклинания, и молитвы, которые можно назвать заклинания-молитвы (*Gebetsbeschworungen*), поскольку в них соседствуют магическое и религиозное начала. Во-вторых, термин *мамит* — «проклятье, порча» обозначает здесь как запрет на совершение нежелательного действия, так и помеху, вносимую колдуном при совершении действия разрешенного. *Мамит* наступает вследствие *арну* — «вины, проступка», однако заклинания четко отделяют *бел арни* — «виновного» от *таму* — «проклятого» (здесь — «оскверненного»). Вполне возможно, что проклятым назывался человек, нарушивший запрет типа табу, а виновным — совершивший преступление и преследуемый по закону. Интерес представляет также идея связи между бедственным положением человека и виной его предков до седьмого колена (довольно близкая к библейским представлениям о родовом проклятии).

Surpu III

1. Заклинание. Любое проклятье, схватившее человека, сына своего бога,
2. Распутает Мардук, экзорцист богов:
3. Проклятье отца и матери, предков человека,
4. Проклятье отца отца, проклятье матери матери,
5. Проклятье брата и сестры,
6. Проклятье семи поколений отцовского дома, предков человека,
7. Проклятье больших и малых,
8. Проклятье родства и свойства,
9. Проклятье новорожденных и младенцев,
10. Проклятье друзей и товарищей,
11. Проклятье приятелей и сподвижников,
12. Проклятье правдивое и лживое,
13. Проклятье тяжелое и легкое,

14. Проклятье нести лопату и называть и
15. Проклятье очагов и жаровен,
16. Проклятье протягивать руку к факелу,
17. Проклятье нести факел и называть имя бога,
18. Проклятье разводить огонь перед человеком,
19. Проклятье чаши и стола,
20. Проклятье постели и спальни,
21. Проклятье пить воду из необожженной чаши,
22. Проклятье откладывать что-либо в сторону (для бога) и (опять) просить об этом,
23. Проклятье сидеть на стуле лицом к Шамашу,
24. Проклятье принимать судебное решение по взяткам,
25. Проклятье рвать траву в степи,
26. Проклятье рвать тростники на болоте,
27. Проклятье лука и колесницы,
28. Проклятье меча и копья,
29. Проклятье колчана и стрелы,
30. Проклятье бить животное по щекам,
31. Проклятье расчленять мертвое тело и бросать его в воду,
32. Проклятье ставить *киудба* перед человеком,
33. Проклятье пути и дороги,
34. Проклятье поклясться в верности другу и убить его,
35. Проклятье заколоть барана и коснуться его ран,
36. Проклятье показывать жезл *буканну* в Собрании ^a,

(^a Такой жезл был символом собственности, имущества, поэтому в общинном собрании с его принципом равенства и справедливости показывать его было нельзя, чтобы не оскорбить чувства беднейших общинников и старейшин.)

37. Проклятье кимвалов и арфы,
38. Проклятье вопрошать и менять решение в пасмурный день,
39. Проклятье вопрошать и менять решение,
40. Проклятье вырывать труп из степи,
41. Проклятье держать плуг и называть имя бога,
42. Проклятье спрашивать по соседству со скотным двором,
43. Проклятье клясться Шамашем при его восходе,
44. Проклятье молиться богу и называть его имя с немытыми руками,
45. Проклятье *шеду* и *ламассу*,
46. Проклятье тамариска и финиковой пальмы,
47. Проклятье барки и реки,
48. Проклятье пристани и перевоза,
49. Проклятье канала и моста,
50. Проклятье, хватающее человека в дороге,
51. Проклятье касания вил в реке, 52-53. Строки разбиты.
54. Проклятье установить границы и изменить их,
55. Проклятье пообещать и не сдержать слово,
56. Проклятье преступить заповеди бога,
57. Проклятье отводить воду из открытого канала,
58. Проклятье есть ворованное мясо,
59. Проклятье слушать несправедного человека и менять решение,
60. Проклятье отмечать рубеж и ставить пограничный столб,
61. Проклятье опрокидывать колесницу и касаться ее частей,
62. Проклятье пить воду из вазы *царцару* ^a

(Ночная ваза, ваза для выноса отходов жизнедеятельности.)

63. Проклятье в реку мочиться, в реку испражняться,
64. Проклятье Салиху и рек,
65. Проклятье горы и холма,
66. Проклятье источника и течения,

67. Проклятье перехода и [...],
 68. Проклятье барана, совы и паука,
 69. Проклятье вынуть тростник из связки,
 70. Проклятье вышибить дверь и засов,
 71. Проклятье показывать оружие в Собрании ^a,
- (^a Жест, который могли воспринимать как хвастовство или как прямую угрозу.)
72. Проклятье Нинурты, господина кадилъницы,
 73. Проклятье цоколя и святилищами
 74. Проклятье престола и трона,

(Далее следуют проклятия, исходящие от различных богов.)

84. Проклятье смеющихся *шеду*,
85. Проклятье преследующих
86. Проклятье окруживших духов-гидим,
87. Проклятье подкравшихся демонов-машким,
88. Проклятье барабана и литавров,
89. Проклятье тамбурина и кимвалов,
90. Проклятье лиры, арфы и *тимбуту*,
91. Проклятье лютни и флейты,
92. Проклятье ямы и канавы,
93. Проклятье держать факел и называть имя бога,
94. Проклятье бросать зерно под жернов и удалять (его оттуда),
95. Проклятье греть соль и кресс-салат на огне,
96. Проклятье отвечать на месть человека мостью,
97. Проклятье класть грудь в рот младенца,

(Проклятья от богов.)

111. Проклятье богов ночи,
112. Проклятье Эа, бога внимательного уха,
113. Проклятье Неба и Земли,
114. Проклятье вспоминать господина дня,
115. Проклятье дня, месяца и года,
116. Проклятье бездетной жрицы и храмовой блудницы,
117. Проклятье Куби и верховной жрицы,
118. Проклятье скакалки и ножного браслета,
119. Проклятье ячменя и серебра,
120. Проклятье скота и диких зверей,
121. Проклятье шипов и колючек,
122. Проклятье пары и группы,
123. Проклятье голода и лишений,
124. Проклятье называть имя бога перед человеком,
125. Проклятье видеть неудачу человека,
126. Проклятье ввести неудачу в дом человека,
127. Проклятье опуститься в круг^a перед Шамашем,

(^a Имеется в виду магический круг, оберегающий от порчи. Круг перед Шамашем — богом суда и справедливости — делает только страшный его кары нечестивец.)

128. Проклятье, (если) оскверненный человека коснется,
129. Проклятье, (если) оскверненный руку свою к богу и богине простирает,
130. Проклятье говорить с оскверненным,
131. Проклятье есть пищу оскверненного,
132. Проклятье пить воду оскверненного,

133. Проклятье допивать остатки за оскверненным
134. Проклятье говорить с виновным,
135. Проклятье есть пищу виновного,
136. Проклятье пить воду виновного,
137. Проклятье допивать остатки за виновным,
138. Проклятье заступаться за виновного,
139. Проклятье нести и проклинать,
140. Проклятье брать и проклинать,
141. Проклятье вины и запрета,
142. Проклятье проявить небрежность,
143. Проклятье греха и преступления,
144. Проклятье лжи и богохульства,
145. Проклятье факела и жаровни,
146. Проклятье «Хозяина Тополя»^a и Евфрата,
(^a Священный тополь, росший на Евфрате и почитавшийся как источник святости.)
147. Проклятье трона и Собраниа,
148. Проклятье мертвого и живого,
149. Проклятье разоренных мужчин и женщин'^a,
(^b Букв. «ограбленных мужчин и ограбленных женщин».)
150. Проклятье ведомое и неведомое,

(Проклятья от богов.)

175. Любое проклятье...
176. Вину отца и матери,
177. Вину отца отца и матери матери,
178. Вину брата и сестры,
179. Вину друга и товарища,
180. Вину родства и свойства,
181. Вину новорожденного и младенца,
182. Вину мертвого и живого, вину разоренных мужчин и женщин,
183. Вину ведомую и неведомую
184. Распутает экзорцист богов Мардук.

№ 2 ASKT № 7

8. Заклинание. Шамаш, судья небес и земли, господин верха и низа,
9. ...который правит людьми ...
10. который освобождает] узника, заставляет жить человека ...
11. который рассеивает] мрак, делает свет ...

Реверс

1. Я имярек, сын имярека, твой раб, я обратился к тебе, я искал тебя;
2. в этот день, защити меня в моем осуждении.
3. В моей тьме сотвори свет, освободи меня от моих чар;
4. восставь меня в моем падении, в несчастье от знамений и чудес,
5. работы чародейства и всех чар людей,
6. которые творят против меня насилие, спаси меня и
7. рассеяй мои чары, дай мне жизнь; из-за несчастья от знамений,
8. роковых чудес, которые над моим домом, я испуган,
9. я испуган, я очень сильно испуган; от несчастья от знамений,
10. чудес, освободи меня и ? ?
11. ... уничтожь зло ...пусть оно не изнуряет.

№ 3 IV R 17

8. Заклинание.

Тебя я призываю, Шамаш, в середине сверкающих небес;

9. воссядь в тени кедра,

10. пусть твои ноги покоятся на корнях кипариса.

11. Пусть страны тебя славят, бросаются

тебе навстречу, издавая радостные крики;

12. твой сверкающий свет видят все народы;

13. твоя сеть опускается на все страны.

14.0 Шамаш, ты знаешь все чары, что их сковывают;

15. ты уничтожаешь злых, ты развеиваешь чары,

16. знаки, пагубные знамения, злые, отнимающие силы сновидения;

17. ты разрубаешь узы зла, что уничтожает народы и страны.

18. Тех, кто творят колдовство, чародейство, злые чары, они не защищают от тебя;

19. сверкающей Нисабе [вручи] их изображения,

20. тех, кто творят чары, замышляя беззаконие,

21. чье сердце много злых дел задумывает.

22. Предстань мне, о Шамаш, свет богов великих;

23. перед виновником моих чар да буду я в силе;

24. пусть бог, что меня породил, со мною пребудет;

25. о чистоте моих уст, о правоте моих рук

26. заботься, о Господин, свет вселенной, Шамаш, судья.

27. День, месяц, год ... ты даруешь изобилие

28. чары

29. развязывает колдовство,

30. пусть он живет.

31. он скажет (?)

32.....

33. ты очистишь царя;

34. омывает руки.

35. он покрывает твои

36. Дворец Ашшурбанипала, царя вселенной, царя страны Ашшура.

№ 4 IV R21

Реверс 1. Заклинание. Могучий, сверкающий, муж Эреду,

2. царственный, высокий, первенец Нудиммуда,

3. Мардук, великолепный, что приводит в ликование Апсу,

4. Господин Эсагилы, помощь Вавилона, любящий

Эзиду,

5. сохраняющий жизнь, первый в Эмахтиле, обновляющий жизнь,

6. защитник земли, единящий обширные народы,

дракон всех престолов,

7. твое имя повсюду сладко для уст людей.

8. Мардук, великий господин, по твоему могучему слову пусть я живу,

9. да буду я невредим, божество твое да почту, его воспеваю;

10. пусть я всего достигну, по заслугам воздай

мне, вложи в мои уста благоприятное слово;

11. вложи в мое сердце жизнь, и пусть

мое потомство говорит обо мне благоприятно;

12. пусть мой бог стоит справа от меня;

13. пусть моя богиня стоит слева от меня;
14. пусть бог-исцелитель пребудет рядом со мной;
15. дай мне говорить, быть услышанным и встретить согласие;
16. слово, что я говорю, когда я говорю его, пусть встречает согласие;
17. Мардук, великий господин, прикажи душе, чтобы жила моя душа;
18. позволь мне насытиться тем, чтобы идти к тебе, сияющему.
19. Пусть Эллиль заставит тебя сверкать, пусть Эа прославляет тебя;
20. боги вселенной пусть тебе молятся;
21. великие боги сердце твое да успокоят!

Консекрация

Здесь мы приводим несколько наиболее характерных консекративных заклинаний ассирийского времени, которые можно обнаружить в составе большинства крупных заговорных серий, причем композиционно они часто помещаются в их конце. Особый интерес представляет отрывок из ритуала омовения и отверзания уст бога, которое проводилось на берегу реки после выноса статуи бога из мастерской.

№ 1 IV R 25

- 25 a 40. Чистые воды из их середины принес он;
42. бог Нинзадим, великий ювелир Ану,
44. своими чистыми руками защитил тебя.
46. Эа привел тебя на место очищения.
48. он привел тебя на место очищения,
49. своими чистыми руками он тебя привел,
51. к меду и сливочному маслу он тебя привел,
53. на твой рот воды заклинания он пролил,
55. рот твой обрядом очищения он открыл.
56. Подобно небу — подобно земле — подобно сере дине небес — злой язык.

№ 2

Фрагмент ритуала

«Омовение (и) отверзание уст (бога)».

IV R 26 № 5.

- 26 b 1. Заклинание. Идя по площади,
2. идя по улице,
3. идя по площади,
4. минуя переулок,
5. проходя улицу за улицей,
7. в пролитую воду омовения ступил он,
9. свои ноги в нечистую воду погрузил,
10. в воду немытых рук посмотрел,
12. женщину с нечистыми руками обнял,
14. на девушку с нечистыми руками позарился,
15. ведьмы рукой коснулся,
17. человека с нечистыми руками обнял,

Табличка АА

4. Кого-то нечистого телом коснулся.
6. Мардук это увидел,
8. Своего отца Эа в Абзу спрашивает:
11. «Отец мой! Жрец-экзорцист в пролитую воду омовения ступил,
13. Свои ноги в нечистую воду погрузил,
14. в воду немытых рук посмотрел,
15. женщину с нечистыми руками обнял,
16. на девушку с нечистыми руками позарился,
17. ведьмы рукой коснулся,
18. человека с нечистыми руками обнял,
19. На кого-то с немытыми руками посмотрел,
21. Кого-то нечистого телом коснулся.
23. Что ты делаешь, покажи мне!»
25. Эа сыну своему Мардуку отвечает:
26. «Сын мой! Чего ты не знаешь? Чем тебе помочь?
27. Мардук! Чего ты не знаешь? Чем тебе помочь?
28. То, что я знаю, знаешь и ты!
29. Ступай, сын мой Мардук!
32. Возьми пористый сосуд, вынутый из большой печи,
34. из устья двух рек воды зачерпни!
37. Тамариск, мыльный корень, *схушшу*, трости плетения,
38. Превосходную щелочь *карнану*, уста богов отверзающую,
40. [...] манну, *таскаринну*, ароматы сосны, *тербензина*, белого можжевельника,
43. [...] древесное масло, первосортное масло, аромат Нинурты, белый мед,
44. в Страну привезенные,
46. [...] жир священных коров выращенных,
47. что на светлом ложе созданы,
50. Червонное золото, топаз, белый свинец, серпенпин
карнеол, сердолик, лазурит
52. В (сосуд для) освящения воды брось!
54. Освященную воду Эреду изготовь!
56. [...] из Абзу сделай!
58. Заклинание свое благое произнеси,
60. воды эти ритуально чистыми сделай,
62. уста светлые заклитием освяти!
64. Два черпака *бандудду* и *алу* возьми,
66. воду эту в (сосуд) *агуббу* вылей!
68. Святая вода освящает дом богов,
70. святая вода очищает дом богов,
72. святая вода заставляет сиять дом богов!
74. святая вода — омовение уст богов!
75. святую воду — чтобы город освятить,
76. святую воду — чтобы город очистить,
77. святую воду — чтобы город сиял,
79. возьми, и город окропи!
81. переулок города окропи!..

№ 3 II R 58 № 6

38. Его лицо — свет
39. Мардук, сын Эреду, заклинение
40. бог, который заставляет сверкать, который очищает, который
41. бог, он заставляет сиять подобно небу, он делает чистым, как земля,

42. он заставляет сверкать, подобно внутренности небес.
Злой язык пусть в стороне стоит!
43. Слова. Гирра, сверкающий бог.
44. Заклинание. Дом Апсу, благоуханный кедровый лес,
над небом и землей простертый,
45. великое царственное жилище неба, престол,
который величественно населяют
46. Энкум (и) Нинкум Апсу.
47. Формулы очищения рук они произносят,
в великой реке обряд совершают.
48. Чистая вода Эа, святая вода Нингиримы,
49. вода, которую чистые руки в чистом Апсу...
50. Водой, которая в сосуде *агуббу*^a
- (^a Сосуд, из которого жрец окроплял объект святой водой, что-то вроде чайника с носиком.)
51. прозрачной водой, чистой водой, водой жизни...
52. Мардук, сын Эреду, заклинание
53. бог, который заставляет сиять, который очищает, который.....
54. бог, пусть он заставит его сиять подобно небу, пусть он заставит его блистать, подобно
земле,
55. пусть он заставит его светиться, подобно внутренности небес; злой язык пусть в стороне
стоит!
56. Слова (над) освященной водой богов.

№ 5 IVR no. 2

2. Заговор. Воды священные, воды Тигра вставшие,
 5. Воды Евфрата, что на чистом месте...
 7. Воды, что в Апсу заботливо установлены,
 9. Светлые уста Эа очистили.
 11. Сыновья Апсу — семеро их —
 13. Воду освятили, воду очистили, воду снять заставили.
 15. Перед отцом вашим Эа,
 17. Перед матерью вашей Дамкиной
 19. Пусть светла, пусть чиста, пусть сияет!
- Слова (эти) перед сосудом *агуббу* трижды ты прочтешь.

№ 6

Surpu IX

42. Заклинание. Высокий кедр, из великой горы растущий,
43. Чью судьбу в горах, месте чистом, определили,
44. В горах кедр *хашур*, что неба коснулись,
45. Чей аромат простирается над полями,
46. Что денно и ночью в прекрасный день,
в благоприятный день для возливания воды, из горы поднимается!
47. Уста человека этого ты очищаешь, сиять заставляешь!
48. Злой язык пусть в стороне стоит!

№ 7 Surpu IX

119. Заклинание. Высокие воды, текущие прямо с высоких гор,
120. Воды, текущие прямо из священного Евфрата,
121. В Абзу рожденные, всемогущие.
122. В Эреду рожденные, кедра коснувшиеся,
123. Кедра коснувшиеся, *хашур* коснувшиеся,
124. Неба вверху коснувшиеся, Земли внизу коснувшиеся,
125. Эа — чистого царя Абзу — коснувшиеся!
126. Вы коснулись тела человека, сына своего бога,
127. Его очистили, сиять заставили.
128. Злой язык пусть в стороне стоит!

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Ветхий Завет также достаточно беден информацией о потустороннем мире, чтобы г-н. Ж. Деренбург смог утверждать, что «идея бессмертия души в иудаизме есть не более чем след, оставленный философией Платона» (*Academie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 15 сентября 1882).. Г-н И. Галеви энергично возразил ему (*Melanges de critique et d'histoire*, стр. 365-380). Однако сам факт возникновения подобной дискуссии прекрасно показывает недостаточность нашей осведомленности.
2. *Assyrian and Babylonian Letters*, 5 т. Londres, 1892-1900.
3. Харпер, № 275, 394, 2, 389.
4. Там же, № 31.
5. Сепнахериб, надпись Бавиана, ст. 27-30.
6. По поводу порчи и ритуалов разрушения (гл. IV и VII) я даю все интересные отрывки из серии *Шурпу*;
все то, что я говорю о колдунах и роке (гл. III и VII), заимствовано из серии *Маклу*. Что касается текстов *ниш кати*, то они являются, скорее, гимнами, чем заклинаниями (ср. гл. XII).
7. *Assyrisches Handwörterbuch*, Leipzig, 1896.
8. В ценной работе Бекольда *Catalogue of the cuneiform tablets in the Kouyunik collection of the British Museum*, т. 5, Лондон, 1889-1899, можно найти библиографию, относящуюся к каждому из моих текстов. Заметим, что большинство из них никогда не переводилось, даже частично, хотя они и были опубликованы более двадцати пяти лет назад.
9. Ср. *Comptes-rendus* Академии Надписей, заседание 30 октября 1901 г.
10. Тем не менее я должен указать на любопытную аналогию структуры ассирийских заклинаний серии *Маклу* и *Les inscriptions mendantes des coups de Khouabir*, научным изданием которых мы обязаны г-ну Поньону. Однако демонология полностью отлична.
11. *L' Astrologie grecque*, 1899.
12. *Transactions du second Congrès international des orientalistes*, Londres, 1874. *Semitic section*, стр. 21.

Источники

- 1.82-5-22,508.
2. Наряду с данными сборниками, абсолютно едиными и не допускающими никакого чуждого элемента, мы также располагаем компиляциями, в которых, как кажется, были объединены с особой целью отрывки из очень разных произведений. Текст II R 17-18 (наш № 1), похоже, является одним из таких искусственных сборников.
3. Первая до сих пор не обнаружена.
4. *Maqlu*, VII, 72-77.
5. IV R 4 a 35-46; 6 a 38, 55, и др.
- 6.82-5-22,508.
7. По поводу таблички, датированной двадцать девятым днем месяца Абу года Белдан, ср. *ZDMG*, 1899, стр. 117, прим.2.
8. Messerschmidt, *Tabula babylonica*, V A, Th. 246, *Musei berolinensis*, Kirchhain, 1896.

9. IV R CAPut!'¹ a, 38, 40, 42; 25 b, 15, 16, 17, 22, 23, 29.
10. V R3if 22-23.
11. ВКВР.стр. 38.
12. Magic, стр. XX.
13. Не следует считать, что выражения «ассирийская магия», «ассирийское заклинание», которые мы употребляем для краткости, являются отражением нашего мнения об ассирийском происхождении верований и ритуалов, которые нам предстоит изучить.

Глава I

1. Surpu, V, 12-14.
2. Surpu, VII, 20-26.
3. IV R 4 я, 32-34; ср. ASKT, №11, кол. IV, 44-45; ASKT, № 12, 27-28.
4. IV R 6 b Sr. Ср. IV R 18 a 26-27. Одно заклинание призывает пребывать в голове у больного Мардука и Гишбара (ASKT, № 11, кол. IV, 5-7-11-17); а другое -Ишума (ASKT, кол. IV, 47-51. Ср. IV R 15- b 48-49).
5. LaMagie, стр. 181-2.
6. Например, King, Magic, I, 38.
7. King, Magic, 50, 12-13.
8. Ср. «бог, который меня породил», IV R 17 B 24.
9. King, Magic, 9, 16-17; IV R 21² a 12-13.
10. «Да вернется мой рассерженный бог». King, Magic, 4, 45.
11. IV R 17 я 39.
12. Histoire de l'art, т. II, стр. 497-8.
13. IV R 16 a 16-22. Ср. неполные перечисления, IV R 1^a a 27, 45; 5 c 69-70; 6 B\ 2; 16 b 65; 27 b 60; ASKT № 11, кол. II, 60. Несколько иной порядок в IV R 29, № 2 и V R 50 a 38-62, которые, впрочем, не являются простым перечислением.
14. VI R 1^a a 14-26; I^a B 18; 2 a 59; 5 a 13; b 65, 68; 15616, 22, 24, 36, 38, 48, 66, 68 и везде.
15. Название *утукку* происходит от шумерского *udug*, этимология которого неизвестна.
16. ASKT, №11, кол. I, 2-3. *Утукку* гробницы может быть только *этемму*; ср. ниже.
17. IV R I a 3-8, 13, 23; 2 и 2; 6 c 16.
18. IV R 1 a 19; 1^a a 12; 2 a 5, 42; 5 a 2, 13-26, 32-33; b 31, 68-71; 6c37, 47.
19. V R 5 a 28, b25.
20. IV R 2 a 13,52.
21. IV R I^a a 6-8; 2 a 19; 21 a 45 и примечание. 22.IV R 1 в 17. 23. IV R 2 a 15. 54. 24.IV R 16 a 36.
25. IV R 5 a 76, b 33-43; 15 b 58.
26. IV R 5 a, 51. Ср. ASKT № 11, кол. III, 46-58; IV R 68, 16-18,
27. IV R I a 25-35. Ср. I- a 58; 16 a 57-64; 6 b, 16-18.
28. IV R 16 a 66.
29. IV R 2a 57; 5 a 27-29.
30. IV R I^a B 20, 24; 2 a 9, 46-48.
31. IV R 1 в 37-39; 27 a № 5, 9-13.
32. IV R 1a28,36; 16 b 9-28. 33.IV R I^a 22.
34. IV R 27, № 5, 15-21; 18a № 6, 9-14; V R50b 45-53.
35. IV R 2 a 7, 40, 44; EA, II, стр. 240, 12.
36. IV R2 a 11,50.
37. IV R 5 a 15-22. 38.IV R 5 a4-5. 39. IV R 2 a 37-38. 40.IV R 15 b 22. 41.IV R 15 b 24.
42. IV R 15 b 26-28, 40-42; 16b2.

43. IV R 15 b 44. 44.IV R 15 b 5.
 45. IV R 15 b 32-34.
 46. IV R 15 b 60 и далее.
 47. Perrot, *Histoire de l'art*, II, стр. 495-496. По поводу других примеров того же демона, ср. Scheil R T. XVI, 33-36.
 48. Впервые опубликовано Клермон-Ганно, *Rev. arch.*, т. XXXVIII'
 49. Относительно первого регистра, ср. гл. XI, Амулеты.
 50. Я должен добавить, что, возможно, это те семеро, о которых говорят заклинания (V, выше, стр.).
 51. Perrot, *Histoire de l'art*, II, стр. 362-7. Ср. рис. 6, стр. 62. 52.IV.R 1a 48. Ср. IV R 28- № 3, 11; 16^49. 53. IV R2b 2-12. Ср. ASKT № 11, кол. 66-70. 54.IV/? 18 №4, 3-7.
 55. IV R 29 № 2.
 56. IV R 16 a 45-53; ASKT №11, кол. III, 46-57.
 57. IV R 30-a 28, b 28-32.
 58. *Sa etemmasu pdqida la isu*. NE, XII, кол. VI, 9.
 59. VR 6, 75.
 60. NE, XII, кол. VI, 8: *etemmasu ina ersetim ul salil*. 61 .V R 47 a 46: *sulum lemnu ittasa aptussu*, злой шулу
 вышел из своего дома; и комментарий: *sulum etemmu*.
 Ср. I Sam., XXVIII, 11-15.
 62. ASKT № 11 кол. II, 6-15.
 63. ASKT № 11 кол. 1,8; IV R 18 №4,3; 16 b 6; V R 50 a 46. 64.IV R 16 b 6; VR50 a 46.
 65. ASKT № 11 кол. II, 22-29.
 66. IV R 16 b; другой текст предписывает *этемму* и *галлу* покинуть город: *etemmu u alu istu all lisu*, K 2968,
 т. 14. 67.IV R30^a a 16.
 68. IV R I^a b 15.
 69. Winckler: *Die Thontafeln von Tell-el-Amama*, алфавитный указатель.
 70. V R 52a 19-20.
 71. VR 15^a b48.
 72. V R 50 a 52. Ср. ASKT № 11 кол. I, 6; где речь идет об *утукку*.
 73. *Maqlu*, III, 146.
 74. *Maqlu*, IV, 45; *IVR55 № 1 a 33. 38, 39; b3,4, 8, 9, 10, 11, 26, 56 a \\\B 28; 58 a 34*, и т.д.
 75. IV R 22 a 5.
 76. IV R 56 b 39-40. Ср. IV R 58 B 35-36.
 77. IV R58 d 38.
 78. ASKT № 11 кол. 11,30.
 79. Delitzch A W, стр. 151.
 80. V R 50 a 60: *sa ardat lili ihirusu*.
 81. 11 R 62 № 1 кол. III, 9: *haru sa lili*.
 80. Исаия, 34, 14 (пер. с фр.). *Sa'ur*, козел, демон в облике козла. Ср. синодальный перевод: «И звери пустыни будут встречаться с дикими кошками, и лешие будут переключаться один с другим; там будет отдыхать ночное привидение и находить себе покой».
 82. Buxtorf-Fischer, *Lexicon chaldai'cum*, 579 a.
 83. *Congres des Orientalistes*, Paris, 1897. PSBA XII, стр. 300; XIII, стр. 587.
 84. IV R 16 a 22; 29 № 1 Б 22.
 85. ASKT № 11, кол. I, 45-48.
 86. *Descente d'Istar*, 68-74.
 87. V R 21 c-d28. 88.IV R 28a №;3, 11. 89.IVK I^a b 9-11.

90. III R69 №5, 73.

91. ASKT № 11, кол. II, 62; IV R 27 b6, и т.д.

92. ASKT № 11, кол. II 62; IV R 16 a 18.

93. *Descente d'Istar aux enfers*, 67.

94. Это определение кажется мне более точным, чем предложенное Робертсоном Смитом, который называет демонов «сверхприродными силами, которые не имеют регулярных сношений со своими соседями-людьми» (*The religion of the Semites*, стр. 122, внизу). Во всяком случае, мне представляется невозможным допустить вместе с этим автором (там же, стр. 121), что джинны — это в основном чужаки и враги. У всех пародов есть добрые духи, которые не являются богами.

95. Согласно весьма правдоподобной этимологии, Энлилль, с которым семиты отождествляют своего Ваала, в примитивной религии шумеров был всего лишь главным из демонов. Демоны называются богами: IV R.

Глава II

1^a a 14-20.

1.V R23h5.

2. Смысл «знать» в зу отсутствует, так как *уизу* эквивалентно *кишпу* и *руху*, которые означают просто колдовство. Против — Delitzsch, *HW*, s. v. *kassapu*, и Tallquist, *Maqlu*, стр. 115, прим. 4.

3. Ст. 15.

4. *Trois livres de charmes*, стр. 126. Цитируется Tuchmann: *Fascination*, в *Mélusine*, II, стр. 410.

5. Цит. по: Tuchmann, *Mel.*, II, стр. 412.

6. *Maqlu* 1,18.

7. *Maqlu m*, U, 54.

8. *Там же*, III, 113: *tula 'inni*. Талькист переводит неверно, «утомленный». Ср. Delitzsch *HW* s. v.

9. *Maqlu* IV, 99-103. Ср. III, 78 и IV R 58 d 14.

\0. *Maqlu* \,50-5\.

\\.*Maqlu*\\, 188.

\2. *Там же*, IV, 3, ср. IV,62; V, 51; V,82; II 191.

\3. *Там же*, VI, 105. Аналогичный предрассудок можно встретить в Бретани. «Завихрения ветра, которые разрушают *мерлоны* (маленькие стога), — это не что иное, как невидимые колдуны, но когда их узнают, они теряют силу. Некто Мишель из Гигона приобрел репутацию человека, способного их остановить и помешать им совершить что-либо злое с урожаем. Он ограничивался тем, что произносил следующую формулу:

«Остановись там, колдун, я знаю твоего отца и твою

мать; иди своей дорогой и ничего не говори»; и ветер немедленно прекращался». Decombre, *Le diable at la sorcellerie en Haute-Bretagne*. В *Melusine* III, 62.

14. *Maqlu* V,2; VI, 56.

\5. *Там же*, V, 133.

\6. *Там же*, VI, 119.

\7. *Там же*, III, 1-4.

18. *Там же*, III, 95-98.

\9. *Там же*, V, 170-175, ср. II, 64.

20. *Там же*, III, 48.

2\.*Там же*, V, 82.

22. Там же, V, 12.
 23. Там же, VII, 119.
 24. Там же, V, 64; IV, CAPut!'-22; VII, 124. Ср. ВКВР, No 52.
 25. Maqlu IV, 45.
 26. Там же, I, 4-6; III, 114.
 27. Там же, III, 50.
 28. Там же, III, 46.
 29. Там же, 59-61. Там же, VII, 6; IV, 90; I, 92, а также по поводу приготовления чар днем.
 30. Там же, I, 1, 30.
 31. Maqlu, III, 6; I, 133; VI, 55.
 32. Там же, III, 13.
 33. Там же, I, 132-3.
 34. Там же, I, 91; V, 75.
 35. Там же, III, 8-12. Слова *dutu* и *kuzbu* были неверно переведены Тальквистом (любовь, очарование); в этом и в других текстах, собранных Деличем (*HW s. v.*), они могут означать лишь мужественность и плодовитость. Возможно, именно на эту власть ведьмы намекает частый эпитет *zermasitu*, «та, которая уничтожает семя» [Чтение аккадского слова неверно. «*Kulmasitu* — женщина, посвятившая себя (или посвященная) божеству, одержимая им. — Прим. ред.}].
 36. Там же, III, 52; ср. 1, 107.
 37. Там же, III, 109, 115; V, 73.
 38. O. Jahn, *Über den Aberglauben des bösen Blicks bei den Alien*, в кн.: *Berichte der Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig*, 1855, и Elworthy, *The evil eye*, London, 1895; Tuchmann, *La fascination* в кн.: *Melusine*, II.
 39. ASKT №11, кол. I, 31; IV R I^a a 46; 6 a 10-24, 26.
 40. IV R 6 a 26.
 41. ASKT № 11, 32-33; IV R 1 a 52; I^a a 46; № 11, 14; №2, 20; 16 b 61.
 42. Maqlu VII, 75; 1, 89.
 43. ASKT № 11, кол. I, 35-43; несомненно, по тем же причинам, что и женщина в период менструаций и родов.
 Ср. Frazer. *Golden Bough*, I, 325, слл. 44. ASKTM" 11, кол. I, 11-12; IV R I я 51.

Глава III

1. От таких случайностей не застрахованы даже боги. Ср. IV R 16 я 2-14.
 2. Циммерн перевел *sabti* и *kasi* как *заклученный* и *связанный*, такой смысл эти слова действительно имеют выше, в строке 29. Известно, что в ассирийском причастие имеет то страдательное, то действительное значение. Здесь следует искать действительное значение, дабы не прийти к бессмыслице. Ср. аналогичный оборот в серии *Маклу*, III, 121-122: *ana episti episima iqbu, ana sahirti sahrima iqbu*, — [тот, кто] сказал колдунье, околдуй, тот, кто сказал ведьме, очаруй.
 3. V R 17 a 58, b 3.
 4. Исх. 21, 2. Ср. Втор. 15, 12; Лев. 25, 40. 5. *Surpu*, 111, 54.
 6. Лев. 6, 30.
 7. Ст. 97.
 8. Ст. 99-104.
 9. *Surpu*, III 117-125. 10. Там же. VIII 51. 11. IV R 26 №5, 7-17. 12. *Surpu*, 44. 13. *Surpu*, III 25-26. Ср. VIII 33-34.
 14. Frazer. *The golden bough* II, 211, слл.

15. Ср. Thompson. *The reports of the magicians and astrologers of Nineveh and Babylon.* (Londres, 1900), № 60.
16. Если следовать Исаие (58, 9), то, по-видимому, у евреев поднятие большого пальца расценивалось как тяжкое оскорбление. Этот жест считается невежливым еще и в наши дни. В таком случае эта *мамит* проистекала из оскорбления, нанесенного богу света.
17. Возможно, в этом можно увидеть недостаток уважения.
18. *Surpu*, III 16, 18, 23, 43. 19. *Там же*, III 15, 27-29, 46-49; VIII 31, 34.
20. *Там же*, III 19-20, 44.
21. Относительно могилы можно предположить, что речь идет о нарушении границ захоронения или просто о прикосновении к могиле; тогда неосторожный был бы поражен духами мертвых, которых он потревожил, или осквернен посредством приближения к трупу.
22. King, *Magic*, везде.
23. *Там же*, 12, 63.
24. Ср. Томсоп, *цит. соч.* и Boissier, *Documents assyriens relatifs aux presages.* Paris, 1894.
25. IV R 3 a 2-30; b 28-40, 43.
26. IV R 22 a 2-13.
27. IV R 3a 6, 18, 22; 22 и 17, 18, 31, 33. 28. IV R 22 a 20.
29. IV R 22 a 38-45.
30. ASKT № 11 кол. I 18-22.
31. IV R 29 a 16 и везде.
32. ASKT № 11 кол. I 25-26; кол. II 47, 51.

Глава IV

- 1-Меры емкости.
2. Части лодки.
3. V, например, Сенпахериб, Цилиндр Тэйлора VI, 40-1, *ta arhi seme, ūtu mitgari.* 4. В К В R № 56, 3 и *passim.*
5. Harper № 23, 21-23; *amelu masmassu ūtu limne Id tabu nis qati Id inassi.*
6. V. Гемерологии для прибавляемого месяца Элуль и месяца Таммуз, IV R 32-33.
7. *Maqlu* VII, 152, 69; VIII, 76. Ср. ВКВР 130, 34-35; 170, *ниже* 4.
8. IV R 21 b реверс 2.
9. Де Марикурт, в *Bull. Soc. Anthrop.*, 3 серия VI, 34 (1883); цит. по Тушмапп, в кн. *Melusine*, IV 289.

Глава V

1. *Maqlu* I, 102. Ср. III, 113: ты, который меня осквернил.
2. II R 51 b 5-7. Ср. IV R 16 b 56.
3. *Maqlu* VII 72-77; ср. 148-9; IV R 3 Б 20.
4. IV R 5 с 67; 13 a 52-54; 16 Б 37, 40; 22 b 15; 3 b 16.
5. ВКВР 138, 20; ср. № 59, 2.
6. IV R 14 № 2, 2-13.
7. Sarzec-Heuzey, *Decouverts en Chaldee*, pi. 2, № 2, кол. III, ст. 5; I R 3 № XII, 1 и 2; V R 33 кол. III, ст. 33. 8. IV R 22b 11-15.
9. IV R 26 № 7, 34. Ср. 25b 9.
10. *Maqlu* W, 116. 11. IV R 1 b 59.
12. IV R 16 b, 30-32. Ср. 26 № 7, 35-39.
13. *Maqlu* VIII, 73-75.

14. IV R 3 b 16; 13 b 54; 16 b 37; 59 b 9; ASKT № 11 кол. III, 3-8.
15. ASKT № 11 кол. III, 1-8.
16. IV R 13a 52; 16 b 45; 25 a 53. *Maqlu* VII, 115, 143;
IV R 16 b 45. 17. IV. R 13 a 53.
18. Ср. другое часто выражение: *me si pti*, воды заклинания.
19. IV R 5 c 67; 25 b 9; 26 .No 7, и т. д.
20. *Surpu*, V, 37.
21. *BKBR* 32, 53.
22. Там же, 126, 22.
23. Там же, 130, 35-36.
24. IV R 21 b 2; 30- b 2-4. Ср. Харпер, № 20, 14: *amelu masmassu subdtu sdrnu illabbiis*, маг облачится в черное одеяние.
25. IV R 4 b 24-43; 20 b 2-5; 28 № 1, 14-17. 26 IV R 13 a 56.
27. IV R 28^a, реверс 7-13.
28. IV R 5 c 65; 16 b 47; ASKT № 12, 14, и Кинг, *Magic*, 33, 39.
29. Бурасу, *Aristolochia antiquitatis* (?), согласно Офелю (ZA. XV, 110), который утверждает, что, сгорая, кипарис не издает благовонного запаха; однако *burasu* определенно представляет собой строительную древесину. Ср. Саргон, *Annales*, ст. 419.
30. King, *Magic* 33, 39.
31. King, *Magic* 12, 74: *niknakku burdsi ma isdti isn asagi tasarraq*; ср. *BKBR* 130, 38.

Глава VI

1. Посредством воды, употреблявшейся при омовении, можно навлечь чары на себя. V, стр. 58. 2. *Surpu* V/VI, 40-57.
3. Закона, божественного или человеческого, религиозных предписаний и пр.
4. То есть порча семян, символизируемая этими семенами.
S. Surpu V/VI, 123-143.
6. *Surpu* V/VI, 60-122.
7. Там же, 172-186. Ср. II R 51 B 14-26.
8. ASKT № 12, реверс 12-23.
9. *Maqlu*, I 96, ср. I, 131 и везде.
10. *Maqlu*, 1, 135-138. \. *BKBR* 172, выше 2-12. 12. *Maqlu*, IV, A3. 13. *Maqlu*, IV, 37-38.
14. *Maqlu*, IV, 27-36.
15. *Maqlu*, VII, 97-99.
16. *Maqlu*, III, 94.
17. *Maqlu*, VII, 66.
18. *Maqlu*, IV, 112-113. Ср. I, 135. \9. *Maqlu*, IV, 9, 55.
20. *Maqlu*, II, 63.
21. Концов, оформленных в виде рогов, таких, какие, как мы видели, изображаются на памятниках и особенно на цилиндрах. См. Menant, *Recherches sur la glyptique orientate*, t. I, рис. II, № 4.
22. *Maqlu*, III, 128-132; ср. 123-126.
23. *Maqlu*, III, 119-120.
24. IV R 55, № 1 B 37-38; 56 B 26.
25. *Maqlu*, 11, 36.
26. *Maqlu*, II, 187; VIII, 10.

27. *Maqlu*, II, 169; VIII, 8.
28. *Maqlu.Vm*, 13-14.
29. *Maqlu*, VIII, 82.
30. *Maqlui*, VIII, 19.
31. *Maqlu*, II, 68.
- 32.

Глава VII

1. *Maqlu*, VIII, 57, 83. Ср. 67, которое следует читать: *iria eli dunane qdtdsu limsi*, над изображениями он оmyвает руки.
2. *Maqlu*, VIII, 59-60: *salam kasgdpi u kassapti sa kimu ina libbi en nasme tessir*, что следует переводить как:
изображение колдуна и колдуньи, которых мукой ты нарисуешь в сосуде для омовения.
3. *IV R 16 b* 49-56.
4. Ср. стр. 58-59. 5. *Surpu*, V/VI, 180-6.
6. *Maqlu*, I, 34; VI, 40-41; IV, 58-59.
7. *ASKT*, № 11, кол. II 45-53. Ср. 55-72.
8. *IV R 3 a* 43-46; 3 *B* 3-14; 5 *c* 31-36.
9. *IV R 5 c* 31-36; *Surpu*, V/VI, 152.
10. *IV R* №7, 38. \. *ASKT* № 11 кол. II.
12. *IV-R 22*¹³⁻²².
13. Экзорцист.
14. То есть, в которую вошло заклятие.
15. Посредством антифразы. \6. *Surpu*, V/VI, 144-171. 17. *IV R 55* № 1 *b36*; 56^{Б25}. 18. *IV R 50 b* 43.
19. *V R 50 b* 58-60.
20. Лев. 16,21.
21. / . А. О. S. 1900, t. XXI, стр. 1722.
22. V, примечания в конце книги.
23. *Les premieres civilizations*, II, стр. 196-7. 24. *IV R 27 b* №6,43.
25. *Assyrian and Babylonian religious texts*, London, 1897, т. II, стр. 5, № 2.
26. *Textes religieux assyriens e.t babyloniens*, Paris, 1900, стр. XI, 28-30. В конце этой книги под № 46 можно найти новый перевод этого куска.
27. *Мк* 5, 12-13.

Глава VIII

1. *H W*, 670 b. Ср. *Legend e d'Etana*, гл . I.
2. *Gilgames XI*, 298.
3. Мне представляется, что я нашел правдоподобную идентификацию для *pitru* (pitru==KAN.KAL). Арабское *батрату* (batratu) означает разновидность солодки дикой (*Astragalus glycyphyllos* - астрагал слад-колистный), которую должны были знать ассирийцы. Эти два названия соответствуют буква в букву.
4. *IV R 26*, № 7, 45; 28- № 3, реверс 3; 29^a a 3.
5. *Maqlu*, I, 13: *sa ersetim malata*.
6. Там же, I, 24: *sa seam maldta*.
7. *И мат мути*, плевков смерти; ср. *ASKT* № 11, кол. I, 60 69, *имат балати*, плевков жизни, ср. *IV R 29* № 1 a 38 в гимне Мардуку: «У тебя плевков жизни».
8. *Maqlu*, I, 103-104.

9. *Maqlu*, 1, 106.
9. IV R 26 № 7, 43-49; 28 a, № 3 b 3-5; King, *Magic*, XI, 45; XII, 102; LI, 13; LVIII, 8; XII, 76. 8, 15, 116.

Глава IX

1. *Maqlu*, III, 104-116.
2. *Maglu*, VII, 80-86.
3. См. особенно IV R 15 b. Гирра, доведенный демонами до изнеможения, отправляется искать Ану, который частично открывает ему природу и происхождение демонов и советует ему обратиться к Мардуку. Он же обращается с вопросом к своему отцу Эа, который соглашается рассказать ему о нравах этой семерки и средстве успешной борьбы с ними. Сайс (*Hibbert Lectures*, стр. 469-70) понимает смысл этого отрывка в корне неверно.
4. *BKBR*, 152, 1-14. Ср. IV/?1 a 48-52.
5. *Maqlu*, I, 135.
6. *Там же*, IV, 9-10.
7. *Melusine*, VII, стр. 241.
8. На ассирийском *hablu*, *habiitu* значат разрушитель, разрушительница. Ср. *Surpu*, III, 136; IV R 1 a 6b-b 2; *ASKT No* 11, кол. II, 16-19.
9. IV R 5-6.
10. Присутствие в заклинании повествования о сотворении, от которого, впрочем, мы располагаем только па-чалом (опубликовано: Pinches, *JRAS*, 1891, стр. 400), пока остается необъяснимым.
11. *ASKT No* 11, кол. III. 9-12. Ср. IV R 6 b 16-18; 5 c 69-80; I* a 50-60; 6 a 5-6; 30- a 12-32; 16 a 16-68.
12. *Maqlu*, 111, 145.
13. IV R 14, № 2, реверс 2.
14. IV R 14, № 2, реверс 2, 25-28.
15. IV R 14, № 2, 20.
16. *Maqlu*, V, 132-136. \7. *Maqlu*, V, 166-179. 18. Там же, III. 151-153.
19. Там же, 111, 174.
20. *Там же*, V, 9. 2. \. *Surpu*, \V, 4-6.
22. *Maqlu*, V, 154-165.
23. *Maqlu*, V, 39-43.
24. *ASKT No* 11, кол. IV, 32-38.
25. *Maqlu*, 1, 34-35.
26. *Maqlu*, \, 41.
27. *Там же*, V, 125-30. 28. *IVR* 55 b 1-2.
29. IV R 55 a 33-35; 14 № 2, 21. Ср. стр. 72.
30. *Maqlu*, 1, 27. 31. *Там же*, V, 9.
32. *Там же*, V, 5. Ср. 1, 28-32.
33. *Там же*, VII, 105. Ср. V, 138; VII, 13, 132, 148. 34. IV. R 1 a 43.
35. См. гл. XII.
36. А именно, см. IV R 55.
37. Заклинания чаш из Кхуабара, происходящие из средневекового Ирака, также содержат множество таких лишенных смысла мест. Г-н Поньон (*цит. соч.*, стр. 15 и прим.) видит в них ошибки невежественных или небрежных переписчиков. Возможно, это до некоторой степени верно, особенно, если мы желаем говорить о первоначальном источнике галиматъи. Однако представляется, что повторение в разных местах одних и тех же

невразумительных слов прекрасно показывает, что в конце концов им приписали магическое значение и стали сознательно вводить в текст.
38. *Maqlu*, I, 1-31. Ср. *WR 3 b* 18.

Глава X

1. L. 10-11.
2. *ZA*, XI, 50-62.
3. Кинг отказался от перевода текста этого прямоугольника, который действительно достаточно неясен. Мой перевод тем менее надежен, что сам текст установлен плохо. Кинг прочитал один и тот же знак, как LU на стр. 51 и как KU на стр. 58. Я предпочитаю именно это второе прочтение, которое транскрибирую как *subtu*, что дает удовлетворительный смысл, не противоречащий тексту на обороте.
4. Или Ашшур?
5. Или Бел? Ср. *Brunnow*, № 10, 417.
6. То есть: я дарю им мудрость.
7. Гл. I стр. 78-82.
8. *Recherches sur le culte de Venus*, pi. XVII, № 1.
9. *BOR*, III, стр. 17.
10. *Orientalische Literatur Zeitung* 1901, стр. IPS-I80. Четвертый экземпляр был опубликован Шейлем, *RT*. XX, стр. 59, пятый, до сих пор неизданный, был упомянут Кингом: *Baby Ionian Religion and Mythology*, 1899, стр. 43.
11. *IV R 35* № 2.
12. Коллекция Клерка № 86.
13. Например, для цилиндра, представленного в кн. *Perrot II*, рис. 225. Ср. *Menant, Glyptique orientale*, I, 66, слл.
14. Там же, рис. 33 h. Ср. рис. 337.
15. Таб. I. кол. II 36-41.
16. Коллекция Клерка I, pi. V, № 47, 48; VI 49-52; XXXI 335-40; XXXIII 360-1. Т. II, рис. III, № 50, 51, 52, 55, 58. \7. *Histoire de l'art*, т. II, стр. 674. 18. *Choix de textes cuneiformes*, № 26. \9. *sibbu aban aladi*. *IV R 31* и 54.
20. *II R 40* № 2, 10-15.
21. *Perrot, Histoire de l'art*, т. II, рис. 443, 444, 446, 448, 449.
22. *Maqlu*, VI, 123.
23. Там же, VI, 15.
24. *BKBR*, 150, 1-12. Дневной путь делился на двенадцать БЕРУ: «Шестой день месяца Нисан, день и ночь равны; шесть БЕРУ днем и шесть БЕРУ ночью» (*III R* № 1). Следовательно, при расчете расстояния БЕРУ равняется пути, который можно пройти за два часа.
25. *IV R 12 b* 27-38.
26. *BKBR*, 166 ниже 12, 16. *Perrot, цит. соч.*, рис. 6, 123, 124. 27. *Sarg. Khors*. 189. *Senn. Kouj*. 4. 43; *Const*, 94, 80. *Asarb*.
V 41, VI 53. *Nab. Grot*. II, 55; *Grot. cyl*. I 44-46,
V R 34. 1, 19-23. 28. Выше, ср. стр. 25. 29. *IR 67 a* 26-32.
30. *V R 64 b* 6-17. Ср. Агумкакрима *V R 33 d* 50-54.
31. *Botta, Monument de Ninive V*, 168-9.
32. *Layard, Niniveh and its remains*, 6-е изд. II стр. 37.
33. *Smith, Assyrian discoveries*, стр. 78.
34. Там же, стр. 429. Ср. стр. 75.

35. См. факты, собранные Elworthy в кн. *The evil eye*, 1895, стр. 234-241, и Trumbull, *The Threshold Covenant*, 1896, стр. 75.
36. IVR 21 b 21-31. 37. IV R 30^a а 6-8.
38. Названном именем путешественника, который привез его во Францию в 1800 году, опубликован в I R 70. Количество известных *кудурру* достигало десяти, раскопки г-на де Моргана в Сузе почти удвоили это число.
39. *Zl.GA=nasahu*.
40. То есть, размер, границы его владения.
41. Pinches, *Guide to the Nimroud Central Saloon*, стр. 40-60. A2. *Memoires de la Delegation en Perse*, t. II, стр. 89, ст. 16-22. A3. *Memoires de la Delegation en Perse*, t. I, стр. 167-170.
44. V R 55-59.
45. Layard. *Discoveries among the ruins of Nineveh and Babylon*, 1853, стр. 179: рисунок воспроизведен в кн.: *Mittheilungen aus den Orientalischen Sammlungen*, Heft XI. *Ausgrabungen in Sendschirii I*, стр. 21. Г-н В. Лушап собрал все изображения одного и того же рода и снабдил их астролого-мифологическим комментарием, украсил цитатами, выводы из которых, однако, совершенно чужды математической точности. — Необходимо добавить бронзовую пластинку, которую мы уже описали, стр. 30-33.
46. Здесь пропуск после определителя, который предшествует имени каждого бога.
47. Стела Бел-Харран-бел-уцура, R T. XVI, стр. 76.
48. 111R41.
49. *Memoires de la Delegation en Perse*, t. II, стр. 91.
50. Scheil, RT. XXII. Thureau-Dangin, OLZ, IV, 5.
51. CIS, II, 1 стр. 225 и след.
52. Vidal-Lablache, *Commentatio de titulis funebribus grsecis in Asia Minore* (1872), стр. 7.
53. IV R 4 а 35-46.
55. Восьмиугольная призма, происходящая из Кал'ат Шер-гат(Ашур), 1^а9-16.

Глава XI

1. *Бел нимеки*, господин мудрости, *машмашшу*, маг, — таковы эпитеты, которые чаще всего к нему применяются; экзорцист является посланником Эа, IV R 30^a а 30-32.
2. То есть, в тех же самых выражениях, что и выше, как показывает начало его речи: «Ламашту вышла из глубины моря».
3. Лакуна в несколько строк.
4. *Surpu* VII, 1-95. Ср. IV R 22 а A8-b 8.
5. IV R 3 а 31; b 2, 41-56; 26 № 7, 30; 27 № 6, 41; V R 50 b 5.
6. *Maqlu*, 1,55: *idi sipatsu sa apkal ill Marduk*: читай заклинание мудрейшего из богов, Мардука.
7. *Там же*, 1,62: *bel asiputi'*, IV, 8: *masmass ildni*.
8. IV R 21 b 41.
9. *Maqlu*, V, 5-10. Ср. 138 и *везде*. Ср. IV R I b 11-54; 1^a а 62-b 6; b 20-28.
10. *Surpu*, IV, 67-87. 11. *Surpu*, 11,130-191. \2. *Maqlu*, II, 97-\03.
13. King, *Magic*, 2,11-25.
14. IV R 14 № 2 реверс 7-23; 21 b реверс 13-22.
15. IV R 17 и 2-37; 17 b 8-22; а 38-66; 20 а 2-18;

28 № 1, 2-22; 59 a 1-23; 60 a 30-38; IV ^ 50 a 1-30;

ASKT №7,8-11.

16. IV R 29 № 1, 10-b14; King, *Magic*, № 11-18.

17. IV R 21 a 31-46, 21^a 1-7. 18. *Legende de Gilgames*, XI, 162.

19. Я не знаю в ассирийской литературе неоспоримого примера собственно магического жертвоприношения, то есть жертвоприношения, призванного просто покормить бога, чтобы у него стало больше силы и способности успешно действовать на пользу человека.

20. *Maqlu*, I, 46-40. Ср. IV R 17 a 56.

21. *BKBR*, 122-124. Ср. IV R 25 b 13-24; 25 a 58-70.

22. *BKBR*, 154, 1-СAPut!'. Ср. 156, 1-25.

23. *BKBR*, 172 *выше*, 3-10.

24. К которым было обращено предыдущее заклинание.

25. *BKBR*, 160, 1-8.

26. *BKBR*, 164, №52.

Глава XII

1. *Histoire naturelle*, XXX, 1, 4.

2. Табличка IV, СAPut!'-26.

3. Табличка IV, 91.

4. *Legende de Gilgames*, I, кол. 2, 34-35.

5. *Creation*, IV, 62.

6. *Golden Bough*, I, стр. 63.

7. *Festus*, стр. 285. Ср. Frazer, *Golden Bough*, I, стр. 15-67.

8. Lang, *Magic and Religion*, 1901, категорически возражает Фрэзеру по поводу того, что некоторые народы, подобно арунта в Австралии, обладают магией, но не имеют религии.

8. Цит. по Frazer, *Golden Bough*, I, стр. 102.

ЛИТЕРАТУРА О МЕСОПОТАМСКОЙ МАГИИ (1959-2000)

- Афанасьева В. К.** Шумеро-аккадская мифология// Мифы народов мира. Т. II. М., 1992.
- Емельянов В. В.** Шумерская литургия водосвятия по фрагментам ассирийского ритуала «Омовение и от-верзание уст (бога)» //Петербургское востоковедение 4 (1993). С. 247-264.
- Емельянов В. В.** Шумерские заклинания консекрации и представления о святости у шумеров/Палестинский сборник 35 (1998). С. 39-60.
- Емельянов В. В.** Нипнурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб; 1999.
- Клочков И. С.** Духовная культура Вавилонии. М., 1983.
- Abusch, Tzvi.** «Ascent to the Stars in a Mesopotamian Ritual: Social Metaphor and Religious Experience». In *Death, Ecstasy, and Other Worldly Journeys*, 15-39. J. J. Collins and M. Fishbane, eds. Albany: State University of New York Press, 1995.
- Abusch, Tzvi.** «An Early Form of the Witchcraft Ritual *Maqlu* and the Origin of a Babylonian Magical Ceremony». In *Lingering Over Words: Studies in Ancient Near Eastern Literature in Honor of William L. Moran*, 1-57. T. Abusch, et al., eds. Harvard Semitic Studies, 37. Atlanta: Scholars, 1990.
- Abusch, Tzvi.** «Ghost and God: Some Observations On a Babylonian Understanding of Human Nature». In *Self, Soul and Body in Religious Experience*, 363-383. Leiden-Boston-Koln, 1998.
- Abusch T; van der loom K; eds;** Mesopotamian Magic: Textual, Historical, and Interpretive Perspectives. Groningen, Styx, 1998 (Studies in Ancient Magic and Divination 1).
- Abusch, Tzvi.** «Mesopotamian Anti-Witch Literature: Texts and Studies. Part I: The Nature of *Maqlu*: Its Character, Divisions, and Calendrical Setting». *Journal of Near Eastern Studies* 33 1974:251-62.
- Abusch, Tzvi.** «Ritual and Incantation: Interpretation and Textual History of *Maqlu* VII: 58-105 and IX: 152-59.» In *Sha'arei Talmon: Studies in the Bible, Qumran, and the Ancient Near East, Presented to Shemaryahu Talmon*, 367-80. M. Fishbane, et al., eds. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 1992.
- Abusch, Tzvi.** «The Ritual Tablet and Rubrics of *Maqlu*: Towards the History of the Series». In *Ah, Assyria... Studies in Assyrian History and Ancient Near Eastern Historiography Presented to Hayim Tadmor*, 233-53. Scripta Hierosolymitana, 33. Jerusalem: Magnes, 1991.
- Abusch, Tzvi.** «The Socio-religious Framework of the Babylonian Witchcraft Ceremony *Maqlu*: Some Observations on the Introductory Section of the Text, Part II». In *Festschrift Greenfield*. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, forthcoming.
- Berger, P.-R.** «Das Neujahrsfest nach den Königsinschriften des ausgehenden babylonischen Reiches». In *Actes de la XVIIe Rencontre Assyriologique Bruxelles 30 Juin-4 Juillet 1969*, 157. A. Finet, ed. Ham-sur-Heure, Belgium, 1970.
- Berlejung, Angelika.** «Washing the Mouth: The Consecration of Divine Images in Mesopotamia». In *The Image and the Book: Iconic Cults, Aniconism, and the Rise of Book Religion in Israel and the Ancient Near East*, 45-72. K. van der Toorn, ed. Contributions to Biblical Exegesis, 21. Leuven: Peeters, 1997.
- Black, J. A.** «The New Year Ceremonies in Ancient Babylon: «Taking Bel by the Hand» and a Cultic Picnic». *Religion* 11 (1981): 39-59.

- Bottero, Jean.** «Les morts e l'au-dela contre l'action des „revenants"». *Zeitschrift fur Assyriologie* 73 (1983): 153-203.
- Buccellati, Giorgio.** «The Descent of Inanna as a Ritual Journey to Kutha?». *Syro-Mesopotamian Studies* 4. 3(1982): 3-7.
- Cagirgan, Galip and W. G. Lambert.** «The Late Babylonian Kislimu Ritual for Esagil». *Journal of Cuneiform Studies* 43-45 (1991-93); 89-106.
- Caplice, Richard.** *The Akkadian Namburbi Texts. Sources from the Ancient Near East 1/1.* Malibu, CA: Undena, 1974.
- Van Dijk, J.** «Un rituel de purification des armes et de l'armee: essai de traduction de YBC 4184». In *Symbolae Biblicae et Mesopotamicae*, M. A. Beek, ed. Studia Francisci Scholten Memoriae Dedicata, 4. Leiden: Brill, 1973.
- Elat, Moshe.** «Mesopotamische Kriegsrituale». *Bibliotheca Orientalis* 39 (1982): 5-25.
- Falkenstein, A.** «Akiti-Fest und akiti-Festhaus». In *Festschrift Jofiannes Friedrich zum 65. Geburtstag*, 147-82. R. von Kienie, et al., eds. Heidelberg: Winter, 1959.
- Farber, Gertrud.** «Another Old Babylonian Childbirth Incantation». *Journal of Near Eastern Studies* 43 (1984):311-16.
- Farber, W.** «Associative Magic: Some Rituals, Word Plays, and Philology». *Journal of the American Oriental Society* 106 (1986): 447-49.
- Farber, W.** *Beschwörungsrituale an Ishtar und Dumuzi.* Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 30. Wiesbaden: Franz Steiner, 1977.
- Fennely, James M.** «The Persepolis Ritual». *Biblical Archaeologist* (1980): 135-62.
- Finet, Andre, ed.** *Acts de la 17e Rencontre Assyriologique Internationale.* Ham-Sur-Heure, Belgium: Corn Beige de Recherches en Mesopotamie, 1970.
- Finet, Andre.** «Le sacrifice de l'ane en Mesopotamie». In *Ritual and Sacrifice in the Ancient Near East*, 135-42. J. Quaegebeur, ed. *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 55. Leuven: Peeters, 1993.
- Finkel, Irving L.** «Necromancy in Ancient Mesopotamia». *Archiv fur Orient forschung* 29-30 (1983-84): 1-17.
- Fleming, Daniel E.** «The Rituals from Emar: Evolution of an Indigenous Tradition in Second Millenium Syria». In *New Horizons in the Study of Ancient Syria*, 51-61. M. W. Chavalas and J. L. Hayes, eds. Malibu, CA: Undena, 1992.
- Frayne, Douglas R.** «Notes on the Sacred Marriage». *Bibliotheca Orientalis* 52 (1985): 5-22.
- Fronzaroli, Pelio.** «The Ritual Texts of Ebia». In *Literature and Literary Language at Ebia*, 163-85. P. Fronzaroli, ed. *Quadern di Semitistica*, 18. Florence: Dipartimento de Linguistica. Universita di Firenze, 1992.
- Frymer-Kensky, Tikva.** «The Tribulations of Marduk: The So-called Marduk Ordeal Text». *Journal of the American Oriental Society* 103 (1983):131-41.
- Grayson, A. Kirk.** «Chronicles and the Akitu Festival». In *Actes de la XVI le Rencontre Assyriologique Bruxelles, 30Juin-4Juillet, 1969*, 165-170. A. Finet, ed. Ham-sur-Heure, Belgium: 1970.
- Green, Anthony R.** «Neo-Assyrian Apotropaic Figures: Figurines, Rituals and Monumental Art». *Iraq* 45 (1983): 87-96. **Heinsohn, Gunnar.** «The Rise of Blood Sacrifice and Priest-Kingship in Mesopotamia: A Cosmic Decree?». *Religion* 22 (1992) 09-34.

- Hoffner, Harry A.** «Symbols for Masculinity and Femininity: Their Use in Ancient Near Eastern Sympathetic Magic Rituals». *Journal of Biblical Literature* 85 (1966): 326-34.
- Horowitz, Wayne and Victor Hurowitz.** «Urim and Thummim in Light of a Psephomancy Ritual from Assur (LKA 137)». *Journal of the Ancient Near Eastern Society* 21 (1992): 95-115.
- Jacobsen, Thorkild.** «Religious Drama in Ancient Mesopotamia». In *Unity and Diversity: Essays in the History, Literature and Religion of the Ancient Near East*, 65-97. H. Goedicke and J. J. M. Roberts, eds. Johns Hopkins Near Eastern Studies. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1975.
- Kingsbury, Edwin C.** «A Seven Day Ritual in the Old Babylonian Cult at Larsa». *Hebrew Union College Annual* 34 (1963): 1-34.
- Kramer, Samuel Noah.** *The Sacred Marriage Rite*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1969.
- Kramer, Samuel Noah.** «The Temple in Sumerian Literature». In *Temple in Society*, 1-16. M. V. Fox, ed. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 1988.
- Kuhrt, Amelie.** «Usurpation, Conquest and Ceremonial: From Babylon to Persia». In *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies*, 20-55. D. Cannadine and S. Price, eds. Past and Present Publications. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987.
- Kuhrt, Amelie and S. Sherwin-White.** «Xerxes' Destruction of Babylonian Temples». In *Achaemenid History II: The Greek Sources*. H. W. A. M. Sancisi-Weerdenburg and A. Kuhrt, eds. Leiden: Brill.
- Lambert, Wilfred G.** «The Conflict in the Akitu House». *Iraq* 25 (1963): 189-90.
- Lambert, Wilfred G.** «Myth and Ritual as Conceived by the Babylonians». *Journal of Semitic Studies* 13 (1968): 104-12.
- Leichty, Erie.** «Ritual, «Sacrifice», and Divination in Mesopotamia». In *Ritual and Sacrifice in the Ancient Near East*, 237-42. J. Quaegebeur, ed. *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 55. Leuven: Peeters, 1993.
- Levine, Baruch A. and William W. Hallo.** «Offerings to the Temple Gates at Ur». *Hebrew Union College Annual* 38 (1967): 17-58.
- Meyer, Werner R.** «Das Ritual BMS 12 mit dem Gebet „Marduk 5». *Orientalia* 62 (1993): 313-37.
- Meyer, Werner R.** «Ein Ritual gegen Feindschaft im Museo Nazionale d'Arte Orientate zum Rom». *Orientalia* 59 (1990): 14-33.
- Michalowski, Piotr.** «The Drinking Gods: Alcohol in Mesopotamian Ritual and Mythology». In *Drinking in Ancient Societies: History and Culture of Drinks in the Ancient Near East*, 27-44. L. Milano, ed. *History of the Ancient Near East Studies*, 6. Padua, Italy: Sargon, 1994.
- Naveh, Joseph and Shaul Shaked.** «Ritual Texts or Treasury Documents?» *Orientalia* 42 (1973): 445-57.
- Reisman, Daniel.** «Iddin-Dagan's Sacred Marriage Hymn». *Journal of Cuneiform Studies* 25 (1973): 185-202.
- Renger, J.** «Heilige Hochzeit». In *Reallexikon der Assyriologie* 4: 251-59. Berlin, 1975.
- Rollig, Wolfgang.** «Der Mondgott und die Kuh: Ein Lehrstück zur Problematik der Textüberlieferung im Alten Orient». *Orientalia* 54 (1985): 260-73.
- Scurlock, J. A.** «Magical Uses of Ancient Mesopotamia!! Festivals of the Dead». In *Ancient Magic and Ritual Power*, 93-107. M. Meyer and P. Mirecki, eds. *Religions in the Graeco-Roman World*, 129. Leiden: Brill, 1995.
- Sherwin-White, Susan M.** «Ritual for a Seleucid King at Babylon?» *Journal of Hellenic Studies* 103 (1983):

156-59.

- Sigrist, Marcel.** «Gestes symboliques et rituels a Emar». In *Ritual and Sacrifice in the Ancient Near East*, 381-410. J. Quaegebeur, ed. *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 55. Leuven: Peeters, 1993.
- Sigrist, Marcel.** «On the Bite of a Dog». In *Love & Death in the Ancient Near East*, 85-88. J. H. Marks and R. M. Good, eds. Guilford, CN: Four Quarters, 1987.
- Spaey, Johanna.** «Emblems in Rituals in the Old Baby-Ionian Period». In *Ritual and Sacrifice in the Ancient Near East*, 411-20. J. Quaegebeur, ed. *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 55. Leuven: Peeters, 1993.
- Stair, Ivan.** *The Rituals of the Diviner*. Bibliotheca Meso-potamica, 12. Malibu, CA: Undena, 1983.
- Talon, Philippe.** «Le rituel comme moyen de legitimation politique au Ier millenaire en Mesopotamie». In *Ritual and Sacrifice in the Ancient Near East*, 421-33. J. Quaegebeur, ed. *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 55. Leuven: Peeters, 1993.
- Tanret, Michel and Karel Van Lergerhe.** «Rituals and Profits in the Ur-Utu Archive». In *Ritual and Sacrifice in the Ancient Near East*, 435-49. J. Quaegebeur, ed. *Orientalia Lovaniensia Analecta*, 55. Leuven: Peeters 1993.
- Thureau-Dangin, F.** *Rituels Accadiens*. Paris, 1921.
- Van der Toom, Karel.** «La purete rituelle au Proche-Orient ancien». *Revue de l'Histoire des Religions* 206 (1989): 339-56.
- Van der Toorn, Karel.** «The Babylonian New Year Festival: New Insights From the Cuneiform Texts and Their Bearing on Old Testament Study». In *Congress Volume, Leuven /1959*, 331-44. *Vetus Testamentum Supplements*, 43. J. A. Emerton, ed. Leiden: Brill, 1991.
- Vigano Lorenzo.** «Rituals at Ebia». *Journal of Near Eastern Studies* 54 (1995): 215-22.
- Watanabe, Chikako.** «A Problem in the Libation Scene of Ashurbanipal», 91-104. In *Cult and Ritual in the Ancient Near East*. Takahito Mikasa, ed. Bulletin of the Middle Eastern Culture Center in Japan, 6. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992.
- Wiggermann, F. A. M.** *Mesopotamian Protective Spirits: The Ritual Texts*. Cuneiform Monographs, 1. Groningen: STYX, 1992.
- Winter, Irene J.** «„Idols of the King". Royal Images as Recipients of Ritual Action in Ancient Mesopotamia». *Journal of Ritual Studies* 6 (1992): 13-42.

СОКРАЩЕНИЯ

ASKT — Haupt. *Akkadische und sumerische keilschrift-texte*. Leipzig. **BA** — *Beitrage zur Assyriologie*. **BAZ** — *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* (Munich). **BKBR** — Zimmern. *Beitrage zur Kenntniss der babylonischen Religion*. Содержит: *Die Beschwörung-stafein Surpu, vr. Ritualtafein fur den Wahrsager, Beschworer und Sanger*. **BOR** — *Babylonian and oriental record*. **EA** — F. Lenormant. *Etudes accadiennes*. **JRAS** — *Journal of the royal astatic society*. **OLZ** — *Orientalistische Litteratur Zeitung*. **PSBA** — *Proceedings of the Society of biblical Archeology*.

II R. — **IV R.** — **V R.** — *The cuneiform inscriptions of western Asia prepared for publication by Rawlinson* (1866-1884), тома II, IV и V. Для тома

IV наши ссылки относятся ко второму изданию (1891).

RT — *Recueil de travaux relatifs a la Philologie et a l'Archeologie egyptiennes et assyriennes*, public sous la direction de G. Maspero.

ZA — *Zeitschrift fur Assyriologie*.

ZDMG — *Zeitschrift der deutschen Morgenlandischen Gesellschaft*.

ZK — *Zeitschrift fur Keilschriftforschung*.

Оглавление

Емельянов В. В. Шарль Фоссе и ассирийская магия

Ассирийская магия

Введение

Источники

Часть первая. Цель магии

Глава I. Демоны

Глава II. Колдуны и ведьмы

Глава III. Рок. Болезни

Часть вторая. Магические приемы

Глава IV. Подготовительные действия: гадание

Глава V. Очистительные ритуалы: омовение, окуривание

Глава VI. Ритуалы разрушения. Порча

Глава VII. Ритуалы замещения

Глава VIII. Магическая фармакопея

Глава IX. Устные ритуалы: заклинания и проклятия

Глава X. Превентивные ритуалы. Амулеты и талисманы

Глава XI. Боги в магии

Глава XII. Заключение. Магия, религия и наука

Вавилоно-Ассирийские магические формулы

О магических формулах в заговорах древней Месопотамии

Исцеление

Приложения

Примечания

Литература о месопотамской магии (1959-2000)

Сокращения